

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Поздравляем ветерана – профессора В.В. Соколова

Коллектив сотрудников Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» от всей души поздравляет доктора философских наук, заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженного деятеля науки РСФСР, академика РАЕН, лауреата Ломоносовской премии I степени, ветерана Великой Отечественной войны *Василия Васильевича Соколова* с 65-летием Победы и выходом в новой книги «Философия как история философии» (М.: Академический проект, 2010. 843 с.).

Много лет (1960-80-е годы) Василий Васильевич руководил изданием философской классики (серии «Философское наследие», «Памятники философской мысли») в Институте философии АН СССР. Уже тогда в своих работах учёный стремился давать новое концептуальное осмысление историко-философского процесса, уйти от марксистско-ленинских схем в освещении философского прошлого, боролся с упрощениями и вульгарным социологизмом, господствовавшими во всех отраслях философского знания в советские годы. «Я был убежден, что самым эффективным противоядием против догматизма, душившего у нас не только философию, но и духовную жизнь, была именно история философии», – так говорит о себе В.В. Соколов в интервью журналу «Вопросы философии»¹, и далее: «Не помню ни одного одобрения со стороны поборников официальной идеологии, а вот обратные ситуации бывали неоднократно».

Такая «обратная ситуация» случилась с Василием Васильевичем за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Возмущенный молниеносным улучшением отношений между СССР и фашистской Германией («Вчера ее поносили все средства СМИ, а сегодня в Москву приезжает Риббентроп и заключает договор о ненападении (23.VIII.39)») и последующим «оправдательным» выступлением В.М. Молотова на сессии Верховного Совета, объявившим агрессорами Англию и Францию, а Германию страдающей стороной, защищающейся от «агрессоров», совсем ещё молодой исследователь на страницах дневника резко осудил упомянутый договор, а речь Молотова называет насквозь софистической. Позднее, переезжая из одного общежития МИФИ в другое, В.В. Соколов позабыл свой дневник, а кто-то сдал его в комитет комсомола. В результате – проработка в комитете комсомола и последующее исключение: «Обсуждение закончилось страшной для меня резолюцией: “За двурушничество и осуждение последних мероприятий партии во внешней политике исключить из комсомола”». А через несколько месяцев началась война. Вот как рассказывает об этом сам Василий Васильевич: «Вместе с большой группой ифлийцев я оказался в зенитном, а затем, когда немцы подошли вплотную к Москве, в истребительном противотанковом полку командиром орудия. В боях был под Москвой и на Юго-западном фронте, дважды награждался, был ранен и после госпиталя как нестроевик вернулся в Москву. Здесь в ЦК ВЛКСМ был восстановлен в комсомоле (при этом один из восстанавливающих даже заявил, что я был прав в своем осуждении договора с Германией, на что я, умудренный, решительно заявил, что грубо ошибался)».

Вышедшая книга – плод долгих и кропотливых исследований учёного, результатом которых стала разработка самостоятельной субъект-объектной концепции предмета философии, которая трактуется одновременно и как система верознания и как максимально рационализированное мировоззрение своей эпохи. На материалах античной, средневековой и новой философии В.В. Соколов проводит также идею противоположности органистической и механистической интерпретации бытия, преодолевающую проблему борьбы материалистического и идеалистического направлений в философии, – проблему, которая в течение десятилетий играла главную, определяющую роль в марксистско-ленинской историко-философской методологии. Данный том представляет собой широкий обзор классической европейской и ближневосточной

1 См.: Ответы (и комментарии) В.В. Соколова на вопросы журнала // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 133–147.

истории философии от предфилософского мировоззрения до социально-философской доктрины Маркса и Энгельса, сыгравшей роковую роль в истории нашей страны.

«ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА» – СОБЫТИЯ И ФАКТЫ

В.В. Ильина, Л.В. Цуева

Культурно-просветительный туризм как новое направление социального партнерства Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Единственная в России публичная специализированная философская Библиотека располагается в Москве на Арбате. Она носит имя великого русского философа Алексея Федоровича Лосева. Здание, где сегодня располагается этот современный интеллектуальный центр, – архитектурный и историко-культурный памятник XIX века.

Наша Библиотека уже на протяжении пяти лет серьезно занимается вопросами философского краеведения, за это время она превратилась в настоящий мемориальный комплекс, посвященный не только А.Ф. Лосеву, но и всей русской философии. Одним из результатов активной научно-исследовательской и просветительской деятельности сотрудников «Дома А.Ф. Лосева» стала разработка туристической карты «Философский Арбат». На Арбате располагались многочисленные философские кружки, религиозно-философские общества, жили и работали философы различных направлений.

За прошедшее пятилетие наряду с москвичами несколько тысяч человек из более чем 40 регионов России и 27 зарубежных стран стали посетителями мемориальной экспозиции, увидели памятник Лосеву.

Но, к сожалению, часто это происходит случайно. Хотя по Арбату проходят ежедневно десятки тысяч человек, маршрутов по философской Москве не существует; экскурсоводы не включают «Дом А.Ф. Лосева» в свои экскурсии и просто не знают о памятнике Лосеву во дворе Библиотеки.

Мы хотели внести свою лепту в обогащение экскурсий по Москве. С этой целью нами был предложен проект «Жизнь и творчество русских философов XIX – начала XX вв. в Москве (Арбат и Приарбатье)» для включения в городскую программу «Золотое кольцо Москвы».

Проект включает:

- 1) Разработку, апробацию, информационно-методическое оснащение и проведение экскурсий, в т.ч. социальных и образовательных, по маршрутам: «Жизнь и творчество русских философов 19-начала 20 вв. в Москве (Арбат и Приарбатье)», «Философский Арбат» (включая создание одноименной интерактивной карты и переиздание печатной), «Лосев: философ имени, числа и мифа» (с посещением музейно-мемориальной экспозиции и памятника Лосеву) и др.;
- 2) Создание на сайте Библиотеки в разделе «Весь Лосев» подраздела «Лосевские места России» с возможностью доступа к нему с домашних, офисных и других компьютеров, в т.ч. школ и колледжей ЦАО;
- 3) Оказание методической и консультационной помощи в подготовке экскурсоводов совместно с Ассоциацией гидов и переводчиков России в форме учебных семинаров;
- 4) Широкое распространение в СМИ информации о «Доме А.Ф. Лосева» как о новом туристическом объекте Москвы;
- 5) Внесение этого вида работы в план работы Библиотеки.

Наша идея была поддержана Советом по культурному наследию при Главе Управы района Арбат, Управлением культуры ЦАО города Москвы, заместителем мэра города Москвы.

Комитет по туризму города Москвы после ознакомления с работой Библиотеки выразил желание оказать данному проекту информационную поддержку, а также рекомендовал обратиться нам с предложениями по организации экскурсионной работы по философскому

краеведению в префектуру ЦАО города Москвы, как основному исполнителю реализации программы комплексного развития туристско-рекреационной зоны «Золотое кольцо Москвы».

Библиотека уже сейчас начала реализацию данного проекта, пока без финансовой поддержки, хотя организационную поддержку мы уже начали получать.

В настоящее время рассматривается вопрос о возможности включения проекта нашей Библиотеки «Жизнь и творчество русских философов XIX – начала XX вв. в Москве» в Программу «Золотое кольцо Москвы», а мемориальный комплекс Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» – в число туристических объектов центра столицы.

С целью привлечения внимания к проблеме культурно-просветительного туризма на Арбате 22 января 2010 г. Библиотекой был организован брифинг по теме «Развитие культурного туризма. Знакомство российской и зарубежной общественности с историческим и культурным наследием России». Состоялась *презентация нового экскурсионного маршрута*:

- Мемориальная экспозиция «А.Ф. Лосев – последний философ Серебряного века»
- Экскурсионные маршруты «По философскому Арбату»

В брифинге приняли участие отдел развития туризма Комитета по Туризму города Москвы, представители Управы района Арбат, директора музеев Арбата, депутаты муниципального собрания района Арбат, общественность Арбата.

На стенде Комитета по туризму города Москвы 13–16 мая 2010 г. Библиотека впервые участвовала в 10-й Международной ярмарке «Туризм и отдых», традиционно проходившей в «Гостином дворе». Стенд Библиотеки пользовался большим интересом. Много было желающих не только получить информационно-рекламную продукцию Библиотеки, но и записаться на проводимые экскурсии. На сегодняшний день их разработано 10: «История дома N33 по улице Арбат»; «Философский Арбат»; «Мученики и исповедники русской философии»; «Арбат: история улицы и ее домов»; «Мученик Гулага»; «Судьба Лосева – судьба страны»; «Последний философ Серебряного века»; «Элада Алексея Лосева»; «Философ имени, числа, мифа»; «Спасенная библиотека».

Задачами индустрии туризма являются повышение культурного уровня человека, более полное удовлетворение духовных потребностей, оказание положительного влияния на его систему ценностей, знаний, общественное положение. Ведущую роль среди основных видов туризма занимает культурно-просветительный (культурно-познавательный) туризм. Его интенсивное развитие связано с возросшей потребностью людей в расширении знаний по различным направлениям, в повышении интеллектуального уровня.

Ресурсами культурно-просветительного туризма являются материальные памятники, составляющие культурное наследие народа: произведения художников, архитекторов, музыкантов, писателей, ученых, мастеров народного творчества, а также обычаи и верования.

Культурно-просветительные туры имеют множество тематических разновидностей: исторические, литературные, театральные, этнографические, фольклорные, искусствоведческие, музыкальные, по местам действий известных литературных произведений, по местам жизни известных писателей, ученых...

Основными формами организации культурно-просветительного туризма как вида деятельности являются экскурсии и другие культурные мероприятия, направленные на удовлетворение потребностей большинства туристов.

Экскурсия – это результат двух важнейших процессов: ее подготовки и проведения. Они связаны между собой, взаимообусловлены. Невозможно обеспечить высокое качество проведения экскурсии при непродуманной подготовке.

В работе по подготовке новой экскурсии можно выделить два основных направления:

- разработка новой темы экскурсии (новой вообще или новой только для данного учреждения);
- подготовка начинающего или уже работающего экскурсовода к проведению новой для него, но уже ранее разработанной и проводимой в данном учреждении экскурсии. На сегодняшний день по подготовке новой экскурсии для Библиотеки актуальным является первое направление – процесс создания новой экскурсии.

Подготовка новой экскурсии поручается творческой группе. В ее состав включается от 3 до 7 человек, а в отдельных случаях и больше, в зависимости от сложности темы. В большинстве своем это работающие в Библиотеке научные сотрудники. Часто в качестве консультантов приглашаются специалисты различных отраслей – научные работники музеев, преподаватели вузов, ученые. Объединение творческих сил дает положительные результаты. Преподаватели кафедр общественных дисциплин Института туризма и гостеприимства Российского Государственного университета сервиса и туризма совместно с научными сотрудниками «Дома А.Ф. Лосева» разработали экскурсионные программы, посвященные истории русской философии в Москве:

- «Русская философия: от истоков к современности»,
- «Владимир Соловьев и русская культура Серебряного века»,
- «Мученики и исповедники русской философии».

При подготовке этих экскурсии были пройдены три основные ступени:

- Предварительная работа – подбор материалов, их изучение (т.е. процесс накопления знаний по данной теме, определение цели и задач экскурсии). Одновременно – отбор объектов, на которых строится экскурсия.
- Непосредственная разработка самой экскурсии включала в себя: составление экскурсионного маршрута; обработку фактического материала; работу над содержанием экскурсии, ее основной частью, состоящей из нескольких основных вопросов; написание контрольного текста; работу над методикой проведения экскурсии; выбор наиболее эффективных методических приемов показа и рассказа во время проведения экскурсии; подготовку методической разработки новой экскурсии; написание экскурсоводами индивидуальных текстов.
- Заключительная ступень – прием (защита) экскурсии на маршруте. Утверждение новой экскурсии руководителем учреждения, допуск экскурсоводов, защитивших свою тему, до работы на маршруте.

В простейшем виде схема всех экскурсий, независимо от темы, вида и формы проведения, одинакова – вступление, основная часть, заключение.

Вступление, как правило, состоит из двух частей:

- организационной (знакомство с экскурсионной группой и инструктаж экскурсантов о правилах безопасности в пути и поведении на маршруте);
- информационной (краткое сообщение о теме, протяженности и продолжительности маршрута, времени отправления и прибытия назад, санитарных остановках и месте окончания экскурсии).

Основная часть строится в сочетании показа и рассказа. Ее содержание состоит из нескольких подтем, которые должны быть раскрыты на объектах и объединены темой. Количество подтем экскурсии обычно от 5 до 12. При этом важным для создания экскурсии является подбор объектов таким образом, чтобы были только те объекты, которые помогали бы раскрыть содержание темы экскурсии, причем в определенной дозировке по времени и в зависимости от значимости той или иной подтемы в данной экскурсии.

Заключение, как и вступление, связано с экскурсионными объектами. Оно занимает по времени 5–7 минут и состоит из двух частей. Первая – итог основного содержания экскурсии, вывод по теме, реализующей цель экскурсии. Вторая – информация о других экскурсиях, которые могут расширить и углубить данную тему. Заключение также важно, как и вступление, и основная часть.

Очень важно, чтобы экскурсия была достаточно интересна. Но не менее существенно, чтобы она не была перегружена потоком ненужной туристам информации, чтобы способ подачи материала не был утомительным, способствовал бы наилучшему восприятию ее той или иной категорией экскурсантов. В связи с этим тематика экскурсии непременно должна быть сориентирована на определенную категорию экскурсантов (взрослых или детей, молодежь, городских или сельских жителей, работников гуманитарных профессий, иностранцев и т.д.). Такой учет называется дифференцированным подходом к экскурсионному обслуживанию. Он должен учитывать не только интересы, но и цели потребителей.

Наш опыт показал, что особую важность приобретает личность экскурсовода, его возраст, знания, манера подачи материала.

В качестве примера приведем программу совместной работы с образовательными учреждениями Москвы в рамках культурно-просветительного туризма.

В нее вошли:

- проведение лекций для групп учащихся образовательных заведений на базе мемориальной экспозиции и мемориальной библиотеки А.Ф. Лосева;
- организация плановых экскурсий для преподавателей и учащихся по различным темам и направлениям;
- организация обзорных экскурсий по Библиотеке – «Знакомство с “Домом А.Ф. Лосева”» с раскрытием фонда Библиотеки и знакомством с редкими книгами из мемориальной библиотеки А.Ф. Лосева;
- организация экскурсий, связанных по тематике с историей, мифологией, философией, литературой и культурой – «История дома N33 по Арбату», «Арбат в истории Москвы», «Философская карта Арбата», «Русские философы и мыслители», «Арбат Серебряного века» и др.

За год в рамках этой программы было проведено более 100 мероприятий, оказано более 400 индивидуальных консультаций, выполнено около 4000 справок, участниками программы стали более 5000 человек, с более чем 30 учебными учреждениями заключены договора о совместной деятельности.

Таким образом, новое направление работы помогает представить разные грани деятельности Библиотеки, привлекает новые группы читателей, увеличивает и разнообразит книговыдачу, позволяет актуализировать те коллекции книг, которые имеет Библиотека, разнообразит библиотечные практики, повышает авторитет Библиотеки в глазах местного сообщества, местной и региональной власти, позволяет вписать библиотеку в широкий контекст краеведческой работы, привлекает внимание новых партнеров.

Список публикаций о презентации новых экскурсионных маршрутов по Арбату: «А.Ф. Лосев последний философ Серебряного века» и «По философскому Арбату», состоявшейся в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» 22 января 2010 г.

Коц Ю. Пешком за мудростью: На Арбате туристам расскажут о философе Алексее Лосеве // Рос. газета. – Москва, 2010. – № 13. – 25 января. – С. 6.

Куканов Д., Киселев В. Урок «арбатоведения» // Тверская, 13. – Москва, 2010. – № 7. – 23 января. – С. 8.

Последний философ Серебряного века // Общество и мы. – Москва, 2010. – № 2 (96). – Февраль. – С. 5.

Гладкова М. 400 философских адресов: Новый экскурсионный маршрут открылся в столице // Веч. Москва. – 2010. – № 26. – 15 февр. – С. 4.

Гостям здесь будет интересно / Материал подгот. Л. Рассудихиной // Арбатские вести. – Москва. – 2010. – № 2 (Февраль). – С. 5.

Некрасов Р. Курс на поступательное развитие района: Хозяйственно-экономический актив района Арбат, сост. 12 февраля 2010 года // Арбатские вести. – Москва. – 2010. – № 3 (Февраль). – С. 2.

Осипов Г. Старый Арбат в эпоху перезагрузки: Шоп-центр или оазис Серебряного века? // Культура. – Москва, 2010. – № 4. – 4-10 февраля. – С. 3.

Куканов Д., Киселев В. Прогулки по философскому Арбату // Москва. Центр. – Москва, 2010. – № 1-2. – 8-18 февраля.

Герасимова Г. «Ах, Арбат, мой Арбат»... // Торговая газ. – Москва, 2010. – № 7-8. – 3 февраля. – С. 7.

[Сообщение в колонке новостей] // Квартирный ряд. – Москва, 2010. – 4 февраля. – С. 11.

Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко

КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ «ДОМА А.Ф. ЛОСЕВА»

В.П. Троицкий

Семинар «Русская философия». Хроника: февраль – апрель 2010 г.

Отчет о прошедших ранее шестидесяти заседаниях Семинара (первое из них состоялось 7 октября 2004 г.) представлен в предыдущих выпусках нашего Бюллетеня.

Заседания №№ 61, 63, 65 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания №№ 62, 64, 66 – в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына.

Аудиозаписи большинства выступлений на Семинаре доступны для прослушивания в зале медиатеки «Дома А.Ф. Лосева».

Тезисы докладов даются в авторской редакции. Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией организаторов Семинара.

Заседание № 61 (11 февраля 2010 г.)

Докладчик: Анастасия Георгиевна Гачева (ИМЛИ РАН).

Тема: Русская религиозно-философская мысль XIX – первой трети XX века: спор о путях и целях истории.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Александров А.М., Балакирев А.С., Богданова О.А., Визгин В.П., Виноградова Е.Б., Ганин А.В., Добрый В.В., Егоров Г.Н., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Заславская Е.Е., Звонарева Л.Х., Зеленина И.И., Иванова Е.В., Ильина В.В., Каменская Т.М., Китаева Е.Л., Козлова О.И., Корнеев В.В., Кудрин В.Б., Крайцова И.М., Манзеров Б.С., Марусев А.С., Михаленко Н.В., Мухаметжанова Г.М., Никитина Т.В., Николаева З.Н., Новиков Ю.Н., Новиков Ю.Ю., Олянюк Н.М., Певцов Т.Д., Петрова Т.К., Половинкин С.М., Протасова Н.М., Прошенко О.В., Ретунская Е.Н., Русова Е.Н., Сафиулина Р.М., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Соколов Н.В., Тучин В.Г., Хабарова Н.В., Харкин В.А., Чепуренко Т.В. Всего: 45 человек.

Тезисы доклада А.Г. Гачевой: В свое время В.В. Зеньковский, суммируя итоги философского развития России, назвал историософскую тему одной из двух главных тем русской мысли XIX – XX вв. Историк философии и сам философ милостью Божьей, смотревший на свой предмет не только извне, отстраненным взглядом исследователя, но одновременно и изнутри, знал, о чем говорил. Он лучше других понимал: вопрос о смысле истории – это и вопрос о человеке, о границах его действия в мире; вопрос о бытии, в котором протекает история; о познании, которым история движется; наконец, об Абсолюте, с которым история соотносится в каждой своей временной и пространственной точке, даже если сознание этой связи утрачивается в одномерном, секуляризованном обществе, упорствующем в своем «дважды два».

Споры славянофилов и западников о России и Европе были лишь частью всеобъемлющего спора о том, «что такое история?» и что значат вплетенные в ее полотно судьбы отдельных народов и регионов земли. А в последней трети XIX в. уже сталкивались, соперничая друг с другом, по меньшей мере, четыре историософских концепции, каждая из которых предлагала свой взгляд на смысл и содержание исторического процесса, его объем и границы, конечные его цели: концепция *линейного прогресса*, представленная в работах П.Л. Лаврова, Н.В. Шелгунова, Н.И. Кареева, концепция *краха и неудачи истории*, последовательно отстаивавшаяся К.Н. Леонтьевым, концепция *истории как работы спасения*, адептами которой были Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, Вл.С. Соловьев, наконец, теория *культурно-исторических типов* Н.Я. Данилевского, отрицавшая единство

исторического движения человечества, общность исторических судеб народов земли, ибо принадлежат они к разным этно-культурным традициям... Тема истории полногласно звучала и в начале XX в. – на Петербургских религиозно-философских собраниях 1901–03 гг., в московском Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева, выплескивалась на страницы сборников, книг и журналов. 1920–30-е годы дали новый виток полемики, начавшейся еще на бердяевских вторниках в Малом Власьевском и заседаниях «Вольфилов» и затем перекинувшейся в эмиграцию. Менее всего происходящее напоминало отвлеченный ученый диспут: это был спор о судьбах России, Европы и мира, о путях современной цивилизации, об основаниях социального и культурного делания, спор, в полном смысле слова религиозный, ибо и самые непримиримые его участники, подобно Достоевскому были убеждены: человек «не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».

Русские религиозные мыслители раскрыли основные изъяны прогрессистской трактовки истории: зыбкая антропология и этика (не учитывает она противоречивости, дисгармоничности натуры человека, не ставит вопроса о нравственных основах идеи прогресса, «цене прогресса»), беспочвенная уверенность в возможности построить рай на непретворенной земле с непретворенными, смертными, одолеваемыми самостью людьми. В критике секулярного прогресса сходились и К.Н. Леонтьев, последовательный сторонник историософского пессимизма, и Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, С.Н. Булгаков, для которых история есть синергийный акт, поле соработничества Бога и человека в деле «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Н.Ф. Федоров). Но при этом они по-разному видели религиозные пути истории, и если К.Н. Леонтьев упрекал Достоевского в проповеди «мировой гармонии», противной, по его мнению, духу подлинного христианства, для которого «все здешнее должно погибнуть», то Достоевский, в свою очередь, видел в позиции автора статьи «О всемирной любви» своеобразный духовный нигилизм: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» [из «Дневника писателя» за 1880–81 гг.].

Отношение к истории в русской мысли XIX – первой трети XX вв. напрямую связано с отношением к человеку. Сторонники идеи истории как «работы спасения», оправдывая историю, оправдывали и человека. Ветхозаветному теоцентризму, для которого между Богом и человеком – непреходимая пропасть, и гуманистическому антропоцентризму, ставящему человека на место Бога, возводящему его в истину и абсолют, они противопоставили христианский теоантропоцентризм. Что касается мыслителей, убежденных в относительности истории, то у них недоверие к человеку как «мере всех вещей» обернулось неверием в человека. Из этого неверия рождалось пренебрежение ко всем плодам его культурного и исторического творчества, сомнение в том, что способно это творчество стать абсолютным и благим. Соответственно сфера веры и сфера культуры, церковь и мир оказывались резко обособлены друг от друга. Напротив, идеал Богочеловечества необходимо рождал вопрос о путях его осуществления, о взаимодействии церкви и мира. Христианство, в представлении Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, не замыкалось сферой монастырской и храмовой, но должно было охватить все планы бытия, все стороны человеческой жизни – науку, культуру, общественное служение, политику и государственное устройство, внести в них абсолютные ориентиры. Отсюда вытекали идея соборности как высшей формы общественного устройства и идея христианской политики, выдвигаемая в противовес «бентамовскому принципу утилитарности», политике «железа и крови» в отношениях государства к государству. Политика, построенная на принципах новозаветной нравственности, держащаяся заповедью любви, братства, самопожертвования, всеслужения, становилась у перечисленных мыслителей одним из средств преображения истории.

Важнейшим для той линии русской христианской историософии, которая возводила историю «до осуществления „Благой вести“», было понятие ответственности рода людского за все, что совершается на земле. Эта ответственность глубоко религиозна, истекает из памятования о первой заповеди, данной Творцом человеку: заповеди возделывать и хранить этот мир, быть в нем хозяином добрым, строителем и украсителем бытия, а не вором и не нахлебником, умеющим только расточать ресурсы земли. Отсюда та критика гордынно-эгоистического, паразитарно-

хищнического поведения человека в природе, которая разворачивается на страницах работ Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.А. Сетницкого. Последний, следуя Н.Ф. Федорову, называет такой тип мироотношения эксплуатацией, радикально расширяя объем политэкономического понятия и выдвигая в противоположность ему понятие регуляции. Регуляция являет собой новый – божеский – тип хозяйствования, задача которого не эгоистическое поддержание собственной жизни или жизни социума, когда действительна лишь установка на настоящее, а «после нас хоть потоп», но разумно-творческое, любовно-сердечное устройство мира по законам красоты и гармонии.

Понимание истории как пути к Новому Иерусалиму, вера в то, что судьбы мира зависят и от человека, что «человек призван активно бороться со смертоносными силами зла и творчески уготовлять наступление Царства Божьего» (Н.А. Бердяев), изменяло представление русских религиозных мыслителей о конце времен. Историософская тема тесно сплеталась с эсхатологической. Против «культур-отрицающего эсхатологизма», внутренне готового к гибели мира, против призыва «спасай себя спасется», оборачивающегося равнодушием к историческому и культурному деланию, вставала идея «активно-творческой эсхатологии», согласно которой история не срывается в катастрофу, но являет собой усилие преобразования, возводит от бытия к благодати. Именно поэтому для сторонников идеи оправдания истории столь важна идея «миллениума», которую они трактуют в традиции раннехристианской апологетики, видя в ней своего рода этап на пути обожения (в миллениуме преобразуются только земля и человек, в Небесном Иерусалиме – все мироздание). Напротив, их оппоненты К.Н. Леонтьев, Г.В. Флоровский, указывающие на неизбежную трагичность и антиномичность истории, резко выступают против хилиастических склонений, ставя идею миллениума на одну мировоззренческую и духовную доску с утопиями «земного рая». Для них нерушим эсхатологический сценарий с последующим расщеплением единого человеческого рода на спасенных и отверженных, горящих в «озере огненном». Сторонники же оправдания истории чают всеобщего спасения, возможность которого открывается при условии опаматования рода людского, поворота с путей неправды на Божьи пути.

Из вопросов и обсуждений: 1. В ряде вопросов участников семинара и последующем обсуждении была затронута история проблемы апокатастасиса, начиная с Оригена и до Тейяра де Шардена. 2. Рассматривались также черты историософии в «Трех разговорах» Вл. Соловьева и роль сюжетов «Страшного суда» и «Святой Софии» в символике православного храма. 3. Специально комментировалось содержание полемики Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева, особенно затрагивалась и критически оценивалась позиция последнего как сторонника строгого, «византийского» православия.

Заседание № 62 (25 февраля 2010 г.)

Выступающие: Иван Александрович Фомин (Издательская и консалтинговая группа «Праксис», шеф-редактор журнала «Сократ»), Василий Викторович Ванчугов (РУДН, редактор отделов «Образование» и «Провинция» журнала «Сократ»).

Тема: Представляем новый Журнал современной философии «Сократ».

Председательствующий: А.П. Козырев.

Участовали: Бахметьева Г.Т., Ваганова Н.А., Василец И.И., Волкова О.В., Гладкий Т.В., Дементьев В.С., Ермишин О.Т., Жданов П.А., Иванова Е.В., Ижэндеев С.Г., Китаева Е.Л., Кошкина А.М., Ломач Л.А., Марченко О.В., Мельбард А.М., Новиков В.С., Новиков Ю.Ю., Орешкин А.Л., Половинкин С.М., Попов Ю.Н., Режабек Б.Г., Рожнов В.С., Саинов П.М., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Соколов Б.Г., Троицкий В.П., Фомина Е.М., Хабарова Н.В., Шумейко О.Б. Всего: 30 человек.

Резюме вечера А.П. Козырева: Первый номер Журнала современной философии «Сократ» был выпущен в ноябре 2009 г. и посвящен теме «Кризис и мир». Издание журнала осуществлено при поддержке Московско-Петербургского философского клуба (сопредседатели – чл.-корр. РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.В. Миронов и член Совета Федерации РФ декан философского факультета СПбГУ профессор Ю.Н. Солонин) и Института

Общественного проектирования (директор – член Общественной Палаты РФ В.А. Фадеев). Главным редактором журнала является доцент философского факультета МГУ А.П. Козырев. Журнал был подготовлен и выпущен Издательской группой «Праксис» (ген. директор И.А. Фомин). В редколлегию журнала вошли известные философы и публицисты А.В. Михайловский, О.В. Кильдюшов, В.В. Ванчугов, Т.А. Дмитриев, Д.А. Лунгина и другие. Журнал является на сегодняшний день, по сути, единственным проектом, предполагающим популяризацию философии для общества (преимущественно для молодежной аудитории) с точки зрения «политической философии», т.е. философского осмысления реальных проблем современности и национального самосознания. Первый номер был представлен перед студентами философских факультетов МГУ и ГУ-Высшая школа экономики, на «Днях Санкт-Петербургской философии», на декабрьской книжной выставке *Non-fiction* в Москве.

Согласно различным социологическим исследованиям последнего времени, сегодня происходит мощная активизация самых разных слоев населения, и в первую очередь конечно молодежи. После 15 лет апатии и социальной спячки, народ как будто очнулся и начал возвращаться в сферу общественно-политического действия. В обществе сегодня существует явный запрос на эффективные социально-политические и философские идейные конструкты и механизмы, которые могут помочь современному молодому человеку сформировать свое мировоззрение. Нужны новые мощные идеи, концепции, объяснения мира, которые может предложить только серьезное философское знание. Но такая философия должна предлагаться не в строго академической или историко-философской версии, а в социально- и культурно-адаптированной, доступной для массовой образованной молодежной аудитории форме.

Сегодня как никогда актуальна задача борьбы за сознание формирующегося нового поколения, причем необходимо бороться именно за ту часть этого поколения, которую можно назвать мыслящим, а значит и лидирующим ее сегментом. Для этого необходимо предложить этой мыслящей части молодежи по-настоящему интересный для нее продукт – массовый, молодежный, интеллектуальный, опирающийся на мощный пласт философских и социальных идей мировой и отечественной мысли. Поколение молодежи 90-х годов уже в значительной степени потеряно для формирования из него мыслящей элиты страны, это поколение было захвачено массовой деинтеллектуализацией 90-х, затянута в мелкий бизнес, другие мелкие частные стратегии. Тон на медийном пространстве задавали развлекательные проекты, исключающие любую попытку рефлексии и проектирования будущего. Сегодня эти развлекательные тенденции во многом дошли до стадии абсурда, освобождая тем самым медийное и информационное пространство для более серьезных и ответственных проектов. Сейчас необходимо бороться за поколение 2000-х, которое в большей степени, чем поколение 90-х, ориентировано на политические и интеллектуальные приоритеты, на достижение серьезных личных и общественных результатов, на осознанное проектирование своего будущего и будущего для своей страны. Именно это новое поколение 2000-х и может стать основой для создания настоящей новой интеллектуальной элиты России.

Формирование нового общественного сознания необходимо рассматривать как сложный длительный процесс, требующий времени и значительных усилий, но нет сомнений в том, что одним из эффективных инструментов воспитания и формирования новой российской элиты может стать Журнал современной философии «Сократ».

На наш взгляд, такой Журнал должен отвечать двум основным требованиям:

- 1) предлагать качественное содержание, подлинный анализ тех или иных общественно-политических событий, культурных явлений, оригинальные философские идеи, классические концепции и системы;
- 2) это содержание должно подаваться в той форме, которая позволит подвести к нему молодежную аудиторию, т.е. через привычные и понятные этой аудитории каналы восприятия информации.

Можно перечислить некоторые основные условия и формы такой подачи информации:

- Современный формат издания: небольшой объем, удобный типографский формат, подбор шрифтов и пр.;
- Небольшой размер и удобная для восприятия верстка основных журнальных материалов;

- Доступная форма изложения, яркий образный стиль, наличие большого количества примеров, отступлений, справок и проч.;
- Развитие на пространстве Журнала диалоговых, интерактивных форм подачи материала: интервью, дискуссии, круглые столы, обратная связь с читателями;
- Важное значение приобретает визуальный ряд: качественный дизайн, значительное количество и высокое качество фотоматериалов, наличие оригинальных работ художников (карикатуристов и др.) в оформлении издания и т.п.;
- Наличие в виде вкладки (брошюры) классического текста, раскрывающего тему номера, дополненного CD-версией;
- Развитие Интернет-версии (сайта) издания с мощной интерактивной составляющей (форум, дискуссионная площадка).

Предлагаемый Журнал, на наш взгляд, должен быть интересен молодежной аудитории во многом за счет открытой и яркой формы подачи информации. При этом необходимо всячески избегать «заигрывания» с молодежной аудиторией через поверхностную имитацию молодежного сленга, стилистики и иных субкультурных особенностей. Такое заигрывание неизбежно будет опознано как имитация и фальшивка, и, в конечном счете, приведет к общей девальвации проекта.

Кроме анализа и интерпретации текущих событий и важнейших культурных, исторических и интеллектуальных современных тенденций, журнал должен давать новый взгляд на аналитическое мышление и на современную философию как на интересное и важное занятие, которым занимаются интересные и современные люди. *Мышление вообще и философия в частности снова должны стать модным и актуальным занятием* – именно так можно обозначить одну из главных задач нового журнала. Для этого необходимо в простой и наглядной форме показать, чем живет современная философия и современная теоретическая и общественно-политическая мысль вообще, очертить новые тенденции, разные их контексты, наиболее яркие фигуры современности и основные теоретические школы, раскрыть взаимосвязи философии с другими науками, со всеми сторонами жизни общества: с политикой, культурой, экономикой. Издание подобного журнала может стать существенным прорывом в той ситуации, которая сегодня сложилась на российском информационном и общественно-политическом поле.

В настоящее время ведется подготовка второго номера, приуроченного к юбилею Великой Победы, который будет посвящен проблемам исторической памяти (и беспамятства). Тема была определена в результате напряженной дискуссии и поддержана редакцией журнала практически единодушно. Большая часть материалов будет посвящена тому, как современным сознанием воспринимается Вторая Мировая война, которая была для нашего народа Великой Отечественной. Однако ряд материалов будет посвящен и другим историческим эпохам – последним десятилетиям Российской Империи, Первой Мировой войне и даже событиям древности (Гераклит, Пелопонесские войны, Сократ как воин), однако рассмотренным в контексте современности. Журнал будет включать в себя «голоса» философов, которым пришлось побывать на войне – от А.С. Хомякова и П.Я. Чаадаева до наших современников, ныне живущих философов-ветеранов Великой Отечественной – это Г.С. Померанц, Д.И. Дубровский, В.В. Соколов и другие. Журнал посвятит ряд материалов обзору того, как осуществляются программы исторической памяти в современной России.

Из выступлений и вопросов: Были сформулированы некоторые проблемы и трудности в области философского образования и просвещения (В.В. Ванчугов), а также в социально-политической сфере (И.А. Фомин), на уяснении и, по возможности, разрешении которых редакция журнала «Сократ» намерена сосредоточиться в своих планах. Присутствующих на семинаре интересовало, в частности, какие именно учреждения и организации поддерживают новый журнал, а также, каковы перспективы распространения и расширения его продаж. Как подчеркнул А.П. Козырев, хорошим ориентиром для нас может служить журнальное дело во Франции, стране традиционной философской культуры, где только журнал *Philosophie magazine* (далеко не единственный журнал, предназначенный для широкой аудитории) выходит тиражом в 100 000 экземпляров и активно тиражируется в Интернете.

Заседание № 63 (11 марта 2010 г.)

Докладчик: Анна Игоревна Резниченко (РГГУ, Дом-музей С.Н. Дурдылина в Болшево).

Тема: Проблема реального в русском философском контексте рубежа XIX – XX веков (к истории одного понятия).

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Афанасьев С.В., Виноградова Е.Б., Волкова О.В., Ганин А.В., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Заславская Е.Е., Иванова Е.В., Казанцев О.Ю., Компанцева А.Ю., Кудрин В.Б., Манин Н.Г., Марченко О.В., Меньшикова Е.А., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Половинкин С.М., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Соколов Б.Г., Спиридонов М.В., Степанова Е.С., Тюлюбцев А.Н. Всего: 24 человека.

Тезисы доклада А.И. Резниченко: 1. Русская традиция на протяжении последних ста лет только то и делает, что успешно пытается схватить, утвердить и зафиксировать в слове, казалось бы, исчезнувшую реальность. Так, в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля нет слова «реальность», есть лишь прилагательное «реальный» как «практический», «дельный» (пример: «реальное училище»). Эта же прагматическая интерпретация понятия присутствует и в статье Д.И. Писарева «Реалисты» (1864): реалист – это деятель и прагматик, «трезво» глядящий в глаза «действительности».

2. Однако философское различие между понятиями «реальности» и «действительности» принадлежало вовсе не «реалистическим» публицистам и не «позитивным» философам, а Вл.С. Соловьеву. В финале «Философских начал цельного знания» он вводит различие между «действительностью» и «реальностью» как *natura naturans* и *natura naturata*, «природы производящей» и «природы произведенной», из субстантивированного прилагательного оно становится полноценным философским термином.

3. В начале XX в., в период дискуссий между «идеалистами» (авторами сборника «Проблемы идеализма», 1902) и «реалистами» (авторами сборника «Очерки реалистического мировоззрения», 1904) происходит переосмысление слова: реально вовсе не то, что окружает нас, вовсе не действительность, не то, что «на самом деле». «Действительность» – лишь форма ставшего, осуществившегося мира. «Реальность» же есть «*mare tenebrarum*», неопределимая глубь бытия – и в то же время его фиксированный онтологический стержень. Но такое различие между «действительностью» и «реальностью» – полная противоположность тому, что утверждал Соловьев. Если для Соловьева «действительность» есть нечто более глубокое, первоначальное, внутреннее, «производящая природа» в отличие от «произведенной природы» реальности, то для Булгакова в 1905 г. эмпирическая действительность есть нечто «внешнее» по отношению к глубине мистической реальности, которая уж, во всяком случае, более реальна, нежели действительность.

4. Этот этап в становлении смысла слова получил свое дальнейшее развитие в полемике между Андреем Белым и Вяч. Ивановым о символической реальности. В свою очередь, итоги этих дискуссий стали основанием новой интерпретации реальности не только как «*realiora*» (сфера символической реальности), но и «*ens realissimum*» – важнейшего понятия средневековой схоластики, обозначающего сущность Бога как залог и основание конкретной вещи.

5. В 1905 г. Николай Бердяев четко обозначил границы связи категории «реального» и категории бытия или жизни. В сущности, все дальнейшая «судьба имени» связана с принятием или непринятием этой позиции. Несводимость – во всей семантической полноте – к английскому *reality* ни русского «реальность», ни немецкого *Realität* (поскольку есть действительность и *Wirklichkeit*) чувствовал уже Владимир Соловьев. Однако слово *жизнь* на языке русской философии первой трети XX в. уже не синоним жизни биологической; и не изменчивый и текущий поток становления. Последнее, скорее, на языке тех лет, как раз и есть действительность. Жизнь – это то, что имеет свои «вопросы» и «запросы»; то, что может быть «живым», то, что можно приветствовать «с открытым забралом». Понимаемая так жизнь вопрошает сама и отвечает на вопрошания, поэтому поиски ее смысла, как чего-то сообщимого другому, воплощаемого в языке, сказанного – являются продуктивными. Понятие «жизни» (и понятие «реальности») не имеет какого-то одного устойчивого денотата. Строго говоря, «жизней» и «реальностей» может быть

много: поскольку «пустая потенция» актуализируется, приобретая то или иное содержание, все зависит от иерархии содержаний, если угодно, от иерархии ценностей-форм, оформляющих это содержание.

6. В этих дескрипциях берет свое начало поле последующих интерпретаций. В начале XX в. тема «реальности» тесно сплетается с целым рядом немаловажных для тогдашней философской ситуации тем: темой «Я», темой «Незримого Града», а позже, в 1910-е годы, в связи с философской рецепцией имяславческих споров – с темой Имени.

7. Концепт «осмысленности жизни» – синоним «реального бытия» – в 1920-е годы передается и описывается в терминах «пронизанности светом», что сообщает понятию «реальность» дополнительные смыслы. «Свет разума» С.Л. Франка – равно как и «луч Солнца памяти» С.Н. Дурылина – есть форма проявления и присутствия «высшей реальности» в наличном бытии. Однако было бы неверным рассматривать эту модель как простое повторение платоновой модели оформления идеей материи (хотя от влияния Платона несвободна вся русская философская традиция и даже в кантианских ее частях): для платоника не существует понятия опыта. Для русской философии в XX в. реальность лежит не вне опыта, а содержится в нем самом.

Из вопросов и обсуждений: 1. Довольно оживленную дискуссию вызвало использование докладчиком некоторых материалов Л.Е. Габриловича (Галича), в частности, его критики русских поэтов-символистов в работе «Катехизис русского символизма» (1904). 2. Вызвало интерес также упоминание позиции В. Набокова с его особенно резким неприятием «реализма» в русской демократической литературе («любовь к действительности без взаимности») и напоминание о двух принципиально различных типах отношения к реальности – основанном на подражании и на теургии (реплика О.В. Марченко). 3. Обсуждался вопрос о месте имяславия в пределах старинного разделения «номинализм – реализм – концептуализм». 4. В завершение вечера, Е.В. Иванова рассуждала о необычайном разнообразии подходов к реальности и реализму в русской художественной литературе и об исключительном месте Вл. Соловьева на этом «широком поле».

Заседание № 64 (25 марта 2010 г.)

Докладчики: Дмитрий Александрович Баяк (ИИЕТ РАН). Антиаверроизм российского антидарвинизма; Вячеслав Иванович Моисеев (МГМСУ). Синтетическая теория эволюции: история, современность и перспективы дальнейшего синтеза.

Тема: К 150-летию выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Агре Н.В., Блинков А.П., Брежнева М.А., Будинас Б.Л., Васильева М.В., Величко Е.А., Гончарова Н.Н., Грязнова О.И., Дмитриева О.В., Егоров И.П., Жаданова В.В., Жданова О.В., Загребин С.С., Зайцев О.Ю., Иванова Е.В., Казанцев О.Ю., Караулов С.А., Каштанов М.В., Китаева Е.Л., Климанова В.А., Космынин А.А., Красильников А.А., Кудрин В.Б., Лазько Н.В., Левшунова С.П., Максимова Т.В., Машанова Е.Ю., Меньшикова В.Д., Нигнич Л.Д., Позняк В.П., Половинкин С.М., Русова Е.Н., Сенько И., Скурлатов В.И., Соколова Н.А., Спиридонова Г.П., Темлякова Т.П., Тургунова Г.М., Федькина Ю.А., Фомина К.А., Харламова Т.Р., Чернов С.С., Шишкин И.М., Эпиктетова Л.А. Всего: 44 человека.

Тезисы доклада Д.А. Баяка: 1. Проходившие в прошлом году торжества по поводу 200-летия со дня рождения Чарльза Дарвина и 150-летия первой публикации его главного сочинения выявили значительное расхождение в восприятии как места Дарвина в развитии науки, так и в оценке культурной роли его теории со стороны российской науки и широкой общественности. Представители науки отдают Дарвину должное как ученому, даже если склонны подчеркивать значительные изменения в общем развитии эволюционной теории за прошедшие полтора века. В массовой же культуре эксплуатируется представление о дарвинизме даже не столько как об «ошибочной теории», сколько о «вредной идее».

2. История восприятия идей Дарвина в России показывает, что отмеченный феномен в отечественной массовой культуре довольно новый. С самого момента выхода книги и до совсем

недавнего времени отношение к идеям Дарвина и его трудам было исключительно положительным. Точнее, оно всегда декларировалось как положительное, хотя это положительное отношение не подразумевало однозначного приятия всех идей ученого.

3. Дореволюционный период оказывается наиболее плодотворным и благоприятным для проникновения новых идей в Россию. «Происхождение видов» попадает в Россию практически немедленно после выхода в свет. Очень скоро выходит первый русский перевод [в 1864 г., перевод С.А. Рачинского, второй – после немецкого – в Европе]. Всего до революции вышло тринадцать изданий этого сочинения, считая собрания трудов Дарвина. Появился и до сих пор считающийся лучшим перевод К.А. Тимирязева. Однако столь благоприятное восприятие дарвинизма объясняется его связью с социал-демократическими идеями, пользовавшимися тогда особой популярностью, в частности с марксизмом.

4. Послереволюционная публикационная судьба и научного наследия вообще, и «Происхождения видов» в частности, оказалась довольно печальной: хотя общий тираж изданий был высок, их научное качество оставляло желать лучшего. При этом с конца 1930-х гг. сочинения Дарвина на протяжении двух десятков лет (да и академические издания 1950-х гг.) по своему уровню значительно уступали дореволюционным.

5. Первый дарвиновский юбилей проходил в условиях резких противоречий между дарвинистами и генетиками. Противоречия в дальнейшем были сняты благодаря работам Сергея Четверикова и его школы (Б.Л. Астауров, Н.В. Тимофеев-Ресовский, С.М. Гершензон, Н.И. Вавилов, Н.П. Дубинин) в начале 1920-х гг. Эти работы были с воодушевлением восприняты V Международным генетическим конгрессом, однако в дальнейшем они послужили расслоению дарвинизма в СССР на две противоборствующие части – «буржуазную» молекулярно-генетическую и «пролетарскую» утилитарно-практическую.

6. Правильно оценить выбор властей в пользу «яровизаторского» направления в дарвинизме можно только в контексте двух принципиально важных обстоятельств. Во-первых, новая власть стремилась к подавлению любых форм интеллектуальной жизни. Это неприятие не ограничилось рамками гуманитарных и социальных наук («философский пароход»), но коснулось и естественных («дело Физико-технического института», «дело Лузина», разгром Московского математического общества). Во-вторых, на начало 1930-х гг. планировался грандиозный социальный эксперимент, имевший своей целью радикальную перестройку экономики, создание тяжелой промышленности ценой уничтожения большей части крестьянства.

7. Расслоение дарвинизма происходило постепенно в несколько этапов. Первый этап пришелся на предвоенные годы, и его историю можно проследить по организации VII Международного генетического конгресса, изначально планировавшегося в Москве при максимальном участии отечественных ученых, а прошедший в итоге в Эдинбурге при минимальном их участии. Второй этап относится к событиям, предшествовавшим созыву августовской 1948 г. сессии ВАСХНИЛ. Следующий дарвиновский юбилей 1959 г. отражал сохранившееся расслоение: официальная позиция отечественной науки в вопросах дарвинизма по-прежнему не могла быть признана научной со стороны международного научного сообщества.

8. «Буржуазный» дарвинизм самой вульгарной разновидности оправдывал, как казалось, экономические реформы в стране.

9. Начавшийся в последние годы ренессанс коммунистических идей создал благоприятную почву для реабилитации осужденного сталинизма и Т.Д. Лысенко как его части. Но новый коммунизм имеет свои специфические черты: он не опирается на идею интернационала, не содержит учения об «общечеловечьем общежитии» и не отвергает, а иногда даже прямо включает в себя как составную часть русское православие. На этом фоне отказ от дарвинизма как элемента культурного контекста выглядит вполне логичным.

10. Это далеко не первый случай в европейской истории, когда причиной кризиса служит слишком глубокое погружение научной теории в культурный контекст. В качестве аналогии можно рассмотреть пример слишком резкого неприятия католической культурой эпохи Возрождения гелиоцентрической идеи. Этому кризису предшествовал еще более ранний кризис, вызванный возрождением античных ценностей как таковых. Идея о несоизмеримости познавательных и религиозных ценностей выкристаллизовалась в ходе дискуссий теологов и

философов Парижского университета в XIII в. и получила выражение в теории двойной истины, или «латинского аверроизма». Его принципы отстаивались Сигером Брабантским и Боэцием Дакийским. В наиболее полной форме их сформулировал парижский епископ Стефан Орлеанский (Этьен Тампье).

11. Несмотря на осуждение латинского аверроизма в 1277 г., именно он стал основой томистского синтеза. К аверроистским тезисам весьма близка и позиция Галилея, выраженная в его так называемых коперниканских письмах 1615 г. и обычно кратко формулируемая фразой кардинала Борония о том, что наука учит, как небеса движутся, а не как на них попасть (*Come si vadia al cielo, e non come vadia il cielo*).

13. Полицентризм никогда не был характерен для российской философии. Из-за этого наука традиционно слишком тесно связывалась с идеологией, а научные теории трактовались слишком широко – в контексте, далеко выходящем за рамки их применимости. Та же судьба постигла и дарвинизм, предопределив сначала несоразмерно бурное его одобрение, а затем столь же несоразмерно бурное отрицание.

Тезисы доклада В.И. Моисеева: 1. Краткий исторический обзор синтетической теории эволюции (СТЭ): классический дарвинизм и менделизм, проблема их координации, решение этой проблемы в СТЭ.

2. Основные постулаты СТЭ (см.: Кейлоу П. Принципы эволюции. – М.: Мир, 1986):

- В основе эволюции лежат генетические изменения.
- Основа изменчивости – случайные мутации. Они могут быть мелкие и крупные, но последние как правило неблагоприятны, так что основную роль в эволюции играют мелкие мутации.
- Принимается центральная догма молекулярной генетики (возможна передача информации только от ДНК к белку) и принцип Вейсмана (передача информации только от зародышевых к соматическим клеткам).
- Эволюция идет путем изменения частот генов.
- Механизмы эволюции включают в себя различные процессы, например: мутации; импорт генов (поступление генов извне); экспорт генов (отток генов из популяции); генетический дрейф; естественный отбор.
- Отбору, однако, принадлежит главная роль среди всех более частных механизмов эволюции.
- Постулат замыкания: перечисленных выше принципов достаточно для объяснения механизма эволюции.

3. Синтетический потенциал СТЭ – синтез дарвинизма и менделизма, синтез механизмов эволюции, проблемность постулата замыкания.

4. Современное состояние биологии – «постмодернистская биология». Революция междисциплинарности в биологии: «Мы уже не можем допустить, что та или иная биологическая проблема может быть удовлетворительно решена с использованием интеллектуальных инструментов только одной биологической дисциплины. Это могло бы иметь место, но, по-видимому, большинство действительных решений в рамках одной дисциплины представляют собой “низко висящие фрукты”, уже собранные биологией 20-го столетия» (см.: M.R. Rose and T.H. Oakley. The new biology: beyond the Modern Synthesis. Biology Direct, 2007, p. 10 – <http://www.biology-direct.com/content/2/1/30>).

5. Перспективы дальнейшего синтеза в биологии и СТЭ (см.: Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005):

- генетика и эпигенетика,
- микро- и макроэволюция, альтернативные механизмы эволюции,
- редуccionизм и холизм.

6. Биология априори – система биологических архетипов (феномен жизни, развитие, уровни жизни). Ее реализации в современной и будущей биологии.

7. СТЭ как современное приближение теории развития. Работы А.А. Любищева (см.: Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982) о многомерности механизмов биологической эволюции. Холистическая биология.

Из вопросов и обсуждений: 1. Ведущий вечера напомнил, что на 2010 г. приходится целых два юбилея в истории мысли, связанных с судьбами дарвинизма и его осмыслением в России: это 125-летие выхода в свет книги Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (1885) и 90-летие доклада «Эволюционизм на основе закономерностей», прочитанного Л.С. Бергом в 1920 г. в Петрограде (через два года вышла его знаменитая книга «Номогенез») 2. Вопросы присутствующих на семинаре в основном затрагивали различные характеристики современной синтетической теории эволюции, особенно интересовало, что в ней содержится «недарвинского».

Заседание № 65 (8 апреля 2010 г.)

Докладчик: Ирина Игоревна Блауберг (Институт философии РАН).

Тема: А. Бергсон и философия в России.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Безмолитвенный В.А., Взорова Е.А., Визгин В.П., Виноградова Е.Б., Волкова О.В., Демидов С.С., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Ильина В.В., Китаева Е.А., Козлова О.И., Кудрин В.Б., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Мухаметжанова Г.М., Новиков Ю.Ю., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Русова Е.Н., Сиднева Л.Н., Соболев А.В., Соловьева Т.И., Чепуренко Т.В. Всего: 23 человека.

Тезисы доклада И.И. Блауберг: Цель доклада – представить общий обзор основных направлений рецепции идей Бергсона в России в первой трети XX века. Эта тема в отечественной литературе пока не получила целостного освещения, хотя и затрагивалась попутно в ряде трудов по истории русской философии данного периода. Первый опыт обобщающего исследования был предпринят Ф. Нэтеркотт в книге «Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917)» (1995; русский перевод 2008). В докладе мы будем опираться на эту работу, но остановимся главным образом на тех аспектах темы, которые были в ней мало освещены или совсем не рассматривались.

В России, как и в других странах, концепция Бергсона приобрела широкую известность после публикации во Франции главного труда мыслителя «Творческая эволюция» (1907); как вспоминал А.Ф. Лосев, «в те времена Бергсон гремел на весь свет». За последующие 20 лет в отечественной философии был дан многоплановый и глубокий анализ бергсоновского учения с разных позиций: оно привлекло внимание столь разных по складу мысли и общим установкам философов, как сторонники эмпириокритицизма В.А. Базаров и П.С. Юшкевич, интуитивисты Н.О. Лосский и С.Л. Франк, анархисты А.А. Боровой и И. Книжник-Ветров. Бергсоновской концепции посвящены брошюра Н.О. Лосского «Интуитивная философия Бергсона» (1914), выдержавшая несколько изданий, подробные статьи Базарова, Юшкевича, Бабынина, Лазарева, разделы в книгах (например, в труде Б.П. Вышеславцева «Этика Фихте»). В 1913–14 гг. в России было издано пятитомное собрание сочинений Бергсона.

Интерес к идеям Бергсона был обусловлен прежде всего осознанием кризисной ситуации в философии, необходимости разработки способов философствования, альтернативных позитивизму и неокантианству. Предложенная Бергсоном концепция «спиритуалистического реализма», родственная в ряде моментов философии Л.М. Лопатина, содержала в себе много плодотворных идей: это философия сознания, основанная на оригинальной трактовке времени и утверждавшая человеческую свободу в противовес детерминистическим подходам; сформулированная в «Материи и памяти» (1896) теория восприятия, которая легла в основу бергсоновского реализма и интуитивизма, преодолевавших традиционное разделение субъекта и объекта в новоевропейской философии; концепция творческой эволюции, развития мира, противостоявшая механистическим и телеологическим трактовкам эволюции; учение об интуиции, подчеркивавшее роль художественного творчества в осмыслении реальности и др. Все эти и многие другие стороны концепции Бергсона были восприняты и проанализированы в работах русских философов, сделавших, в соответствии с собственными философскими установками, акцент на разных ее моментах: так, Базаров и Юшкевич выдвинули на первый план реалистскую позицию Бергсона, сближавшую его с представителями эмпириокритицизма; для Лосского особенно важной стала бергсоновская теория восприятия, позволившая ему несколько

углубить собственное обоснование интуитивизма. Именно Бергсон оказался центральной фигурой и для представителей особого направления в отечественном интуитивизме – авторов сборника «Пути реализма» (1926) Б. Бабынина, А. Огнева, Ф. Бережкова и П. Попова.

Несколько меньшее освещение получила в отечественной философии концепция длительности, «конкретного времени», которую Бергсон считал главным своим философским достижением. Однако некоторые авторы, в частности С. Аскольдов (Алексеев), А. Лазарев и И. Дьяков, предложили интересное ее толкование.

К концу 1920-х гг. объективное изучение философии Бергсона в России стало уже практически невозможным, и хотя в 1960–70-е годы вышли работы В.Ф. Асмуса, К.А. Свасьяна и др., содержащие анализ его творчества, общая идеологизация истории философии в советский период сказалась на отечественном бергсоноведении особенно сильно: по-прежнему мало исследований на эту тему, до сих пор не изжиты стереотипы в трактовке концепции французского мыслителя, которая на Западе сейчас переживает «второе рождение».

Из вопросов и обсуждений: 1. В ответах на многочисленные вопросы уточнялись детали биографии и творческого наследия Бергсона (обстоятельства принятия французского гражданства; судьба архива философа, обстоятельства кончины и похорон; какие работы не были завершены; связи с идейным наследием Плотина, Августина, Декарта, Беркли; дружба с У. Джемсом; отношение к христианству и еврейству) и особенности распространения бергсоновских идей в мировой культуре (формирование концепции «потока сознания», влияние на европейскую и американскую художественную литературу). 2. На просьбу А.И. Резниченко сформулировать наиболее устойчивые ошибки и искажения в интерпретациях философии Бергсона, докладчик указала примеры известных упреков в антиинтеллектуализме Бергсона (Шпет) и его биологизме (Бердяев, отчасти Флоренский). 3. Предпринималась коллективная попытка выяснить в небольшом обсуждении, какой именно Б. Бабынин был автором сборника «Пути реализма», уточнялись также сведения о Ф. Бережкове.

Заседание № 66 (29 апреля 2010 г.)

Докладчик: Владимир Николаевич Катасонов (ПСТГУ).

Тема: Духовно-религиозные корни философии.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Васильев В.Л., Васильев В.Н., Визгин В.П., Галицкая Г.В., Гладкий Т.В., Ермишин О.Т., Ерофеев Б.Б., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Китаева Е.Л., Кудинкин Л.К., Кудрин В.Б., Ломач Л.А., Наумов И.Н., Новиков П.С., Новиков Ю.Ю., Петров А.Ф., Полетаев Н.В., Русова Е.Н., Саинов П.М., Соколов Б.Г., Спиридонова Г.П., Чецкий А.А. Всего: 23 человека.

Тезисы (план) доклада В.Н. Катасонова: 1. Вопрос о природе культуры, культура и жизнь.

2. Философия культа и философия культуры священника Павла Флоренского.

3. Платон и Кант, различная ориентировка на культ. Вопрос: *какой культ?*

4. «Культу можно противопоставить только культ». Мегакульты мировых религий и микрокульты культуры.

5. Духовная характеристика философских систем: созерцание и воля, утверждение определенных ценностей. Фундаментальная философия как *исповедание*.

6. Примеры: Декартовское *cogito*. Философская школа как *соборование* в определенном типе истины.

7. Примеры: Кантовское моральное учение.

8. Примеры: феноменология, Гуссерль и Шелер.

9. Примеры: Бергсоновский интуитивизм, *la duree, l'elan vital*.

10. Философия и различие духов.

Из вопросов и обсуждений: 1. В ответ на вопросы из аудитории докладчик довольно подробно прокомментировал учение о. Павла Флоренского о происхождении культуры из культа

(«вращение вокруг святынь»). 2. Обсуждался также тезис: если всерьез принимать позиции, обоснованные в докладе, то получается, что всякая подлинная философия должна базироваться на апофатической бездне и, тем самым, перед такой философией постоянно должны возникать непреодолимые трудности (реплика В.П. Троицкого). Докладчик попытался показать, как опора на ту или иную систему ценностей позволяет разрешать указанную проблему. 3. К череде многочисленных примеров из истории философии, так или иначе затрагивающих соотношение веры и знания, В.Н. Катасонов, кратко обрисовав, добавил пример творчества математика Г. Кантора. Этой теме специально посвящена его монография «Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора» (М., 1999).

В.П. Троицкий

Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: февраль – апрель 2010 г.

Согласно программе Семинара, 9 февраля 2010 г. с докладом «Николай Кузанский в творчестве А.Ф. Лосева» выступил *Сергей Владимирович Яковлев* (МГИМО). Текст этого доклада публикуется в настоящем выпуске нашего Бюллетеня. В ходе обсуждения доклада и в традиционной части «ответов на вопросы» были затронуты в основном темы из творческого наследия Николая Кузанского, особенно его учение об «абсолютном максимуме» (обсуждались: соотношение бесконечности и абсолютного максимума; роль геометрических образов в представлении бесконечности; «глубинная» семантика терминов «абсолют» и «максимум»), а также некоторые интерпретации идей Кузанца у А.Ф. Лосева и других русских философов и богословов. Докладчик не согласился с мнением, недавно заявленным в публикации немецкой исследовательницы Х. Шталь, о том, что Лосев во многом «платонизировал» Кузанца. Ставился также, с выдвижением некоторых объясняющих гипотез, и вопрос о причинах относительно малого влияния идей Кузанца на восточнохристианское богословие.

На следующем заседании Семинара, состоявшемся 9 марта 2010 г., выступил профессор Литературного института им. А.М. Горького *Станислав Бемович Джимбинов*, поделившийся воспоминаниями о своих встречах и беседах с А.Ф. Лосевым. Две сквозные темы, призванные очертить общую характеристику жизни и творчества А.Ф. Лосева, развивались и с разных сторон рассматривались по ходу всего выступления. Во-первых, доказывал С.Б. Джимбинов, Лосев как личность и как мыслитель явился подлинным сыном русского Серебряного века (среди столь же ярких представителей и выразителей этой эпохи, доживших до наших дней, докладчик посчитал нужным назвать также М.М. Бахтина и Даниила Андреева). Во-вторых, говоря о Лосеве, нельзя не затрагивать тему судьбы и Провидения: во всех жизненных испытаниях философа спасало и вело чудо, о жизнеустроительном значении которого он так проникновенно писал в своей «Диалектике мифа».

Особый интерес вызвал пересказ ряда реплик и суждений А.Ф. Лосева, которые запомнились С.Б. Джимбинову со времен их общения в 1970-80-е годы. Ниже мы приведем некоторые примеры из этих высказываний, с кратким описанием затрагиваемой в беседах тематики:

«Твой Розанов повинен в революции больше Ленина» (при обсуждении темы об интеллигенции и революции; прежде всего, пояснил Джимбинов, имелось в виду известное отношение В.В. Розанова к христианству и православию);

«Да если бы я не верил, что там увижу отца, мать, даже родную гимназию со всеми ее трещинками, то не стоило бы и жить...» (в разговоре о бессмертии души);

«Дай пять!» и последующий комментарий (экспрессивно выраженное одобрение в ответ на реплику Джимбинова о том, что лучше Д.С. Мережковского вряд ли кто сказал о творчестве Достоевского).

Перед началом выступления С.Б. Джимбинова присутствующим был представлен собиратель книг *Александр Владимирович Шурганя* (Москва), в коллекции которого оказалось две книги А.Ф.

Лосева с автографами, в разные годы приобретенные им у букинистов. Первый из автографов – на титульном листе книги «Античный космос и современная наука» (1927), – воспроизводится с комментариями в разделе «Из архива» настоящего выпуска Бюллетеня. Второй автограф размещен на титуле книги «История античной эстетики» (1963): «Дорогому Александру Петровичу Примаковскому в знак сорокалетней дружбы от автора. 23 / IX – 1964. А. Лосев» (написан рукой А.А. Тахо-Годи под диктовку А.Ф. Лосева). А.П. Примаковский – автор ряда исследований о культуре чтения, известен также своими изысканиями в области библиографии по философии и логике. Был вхож в семью Лосева, делал попытки оказывать помощь А.Ф. Лосеву методами траволечения от бессонницы. По предположению А.А. Тахо-Годи, он «учился у Алексея Федоровича в Институте слова в 1920-х годах» (*Тахо-Годи Аза. Жизнь и судьба: Воспоминания.* – М., 2009. С. 406). Тексты обоих инскриптов публикуются нами с любезного разрешения А.В. Шургаия.

На заседании Семинара 13 апреля 2010 г. с докладом «Шеллинг и Лосев» выступил кандидат философских наук *Петр Владиславович Резвых* (РУДН), участник международного проекта по изданию полного собрания сочинений Шеллинга в Германии. Тезисы этого выступления печатаются в настоящем выпуске нашего Бюллетеня. В заключительной части вечера, приступая к ответам на вопросы присутствующих, П.В. Резвых затронул и детализировал несколько проблем, на которых достаточно явно заостряются особенности трактовки Лосевым идей Шеллинга (докладчик видит здесь «некоторое внутреннее напряжение» при значительной идейной близости философов): важное для теоретической эстетики различение символа, схемы и аллегии и понимание «схематизма» при этом; практико-аскетический аспект в философии мифологии Шеллинга; отношение к философии Откровения (в «абсолютной мифологии» Лосева роль Откровения выполняет чудо); соотношение искусства и философии в системе Шеллинга; антитеза идеального и реального применительно к классификации искусств; «разведение» мифологии и диалектики у Шеллинга (Лосев отождествляет свою «абсолютную мифологию» и «абсолютную диалектику»). Докладчик специально подчеркнул, насколько интересной и перспективной становится в настоящее время проблема соотношения философии Шеллинга и христианского неоплатонизма (на вечере обсуждался, в частности, вопрос о следах «философии имени» у Шеллинга), поскольку недавно открытые документы из германских архивов свидетельствуют об устойчивом интересе философа к восточнохристианскому богословию.

А.В. Шашиурин

Хроника научной жизни: февраль 2010 г. – июль 2010 г.

16 февраля 2010 года в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» состоялся вечер, посвященный 60-летию выхода в свет «Истории русской философии» В.В. Зеньковского. Выступали члены редакционного совета по изданию Собрания сочинений В.В. Зеньковского: д.ф.н. *В.В. Сербиненко* (РГГУ), д.ф.н. *М.А. Маслин* (МГУ), д.ф.н. *О.Т. Ермишин* (Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына). В начале вечера *Вячеслав Владимирович Сербиненко* рассказал о деятельности учебно-научного центра «Общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского при Российском Государственном Гуманитарном Университете» (председатель Общества: В.В. Сербиненко; среди его организаторов – сотрудники РГГУ *Сергей Михайлович Половинкин*; *Александр Иванович Абрамов*; *Анна Игоревна Резниченко*). Докладчик отметил, что ведущий американский специалист по русской философии *Джордж Клайн* стал почетным членом совета Общества и передал ему часть архива В.В. Зеньковского, который, в свою очередь, был передан в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье». *Михаил Александрович Маслин* в выступлении особо отметил, что и для историков русской философии, и для отечественной культуры в целом двухтомник В.В. Зеньковского – это, без преувеличения, книга века. Между прочим, эта книга, после ее перевода Дж. Клайном на английский язык, сыграла большую роль в формировании первого поколения западных исследователей русской философии. Сам *Василий Васильевич*, по мнению М.А.

Маслина, в первую очередь именно историк философии, пожертвовавший ради истории собственными теоретическими построениями в области философии, в отличие от большинства других представителей философии русского зарубежья. В связи с нередко возникающими дискуссиями о значении материализма в истории русской философии, М.А. Маслин отдельно остановился на роли Н.И. Пирогова в истории русской мысли. Развивая эту тему, *В.П. Троицкий* поведал аудитории, что, насколько ему известно, А.Ф. Лосев и один из его старых друзей, проходивших когда-то по «имяславскому» делу, В.Н. Щелкачев, еще в 50-е годы активно обсуждали роль наследия Н.И. Пирогова. Выступая далее, *В.В. Сербиненко* предположил, что если бы В.В. Зеньковский не написал двухтомник по истории русской философии, он все равно остался бы в русской культуре как автор трудов по психологии (например, по психологии детства) и исследований творчества Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. Сама «История русской философии» В.В. Зеньковского есть наиболее серьезное исследование по русской философии своего времени. Но позиция В.В. Зеньковского такова, что оригинальная философия в России формируется только в XVIII в., рождается из недр религиозного мировоззрения и имеет теснейшие связи с русской культурой. Русская же средневековая философская мысль, находившая ответы на предельные вопросы бытия в богословии, в этом смысле, очень близка западной. Этот вывод вполне созвучен некоторым современным исследованиям, отметил выступающий. Далее В.В. Сербиненко подробно остановился на собственно самой историко-философской позиции В.В. Зеньковского, сравнил ее с западной, в частности, католической и аналитической традициями в философии. Затем участники вечера смогли увидеть серию фотографий, посвященную жизни В.В. Зеньковского, например, дом в Париже, где жил философ, Свято-Сергиевское подворье, где он работал и т.д. Показ фотографий, сделанных им, комментировал *Олег Тимофеевич Ермишин*, позже перешедший к чтению письма Джорджа Клайна, заочного участника этой встречи. В письме, озаглавленном «Заметки о В.В. Зеньковском и его Собрании сочинений», Дж. Клайн изложил свои размышления о В.В. Зеньковском и его творчестве. «Заметка» была специально прислана к этому вечеру (*публикуется в настоящем номере Бюллетеня*). Далее Олег Тимофеевич перешел к рассказу о предстоящем издании собрания сочинений В.В. Зеньковского, отдельно остановившись на третьем его томе, где впервые будет сделана попытка представить В.В. Зеньковского как самостоятельного философа, реконструировать его философскую эволюцию и воссоздать его философскую систему.

25 февраля в стенах «Дома А.Ф. Лосева» состоялась лекция кандидата исторических наук, профессора *Никиты Касьяновича Голейзовского* (члена международной Ассоциации искусствоведов) на тему: «Дионисий и его современники (культурологические исследования)». Докладчик обратил особое внимание аудитории на свою книгу, носящую такое же название, как и заявленная тема выступления, выделил ее главную составляющую, определил основные отличия своего исследования от других работ на эту тему. Далее Н.К. Голейзовский совершил исторический экскурс в эпоху Дионисия, подробно охарактеризовал манеру письма этого русского живописца XVI века.

2 марта свою новую книгу «“Судить Божью тварь”». Пророческий пафос Достоевского» в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» представил профессор философского факультета ГУ-ВШЭ *Владимир Карлович Кантор* (лауреат премии Генриха Белля, постоянный член редколлегии журнала «Вопросы философии», писатель). В начале вечера Владимир Карлович рассказал о наиболее значимых для него событиях собственной биографии, связанных с изучением творчества Ф.М. Достоевского. Далее гость предложил аудитории свое понимание места Ф.М. Достоевского в культуре, обратил внимание на понятие «город» в творчестве Федора Михайловича, указал на то, что каждое написанное великим автором слово, каждая описанная им ситуация появляется в тексте не случайно (как, например, черт в романе «Братья Карамазовы»). Ф.М. Достоевский, по мнению В.К. Кантора, это мыслитель, выразивший миропонимание всей европейской культуры, при этом оставаясь центром русской философской мысли.

16 марта в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» прошел вечер, озаглавленный «Чехов как мыслитель», приуроченный к 150-летию писателя. Выступали: председатель Чеховской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова *Владимир Борисович Катаев*, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова *Михаил*

Александрович Маслин, доцент кафедры истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова Алексей Павлович Козырев. Во вступительном слове директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» Валентина Васильевна Ильина указала на важность сохранения и, одновременно, постоянного пополнения лучшими образцами гуманитарной литературы книжного фонда «последнего классического мыслителя» XX столетия – А.Ф. Лосева. Ведущая вечера Елена Аркадьевна Тахо-Годи отметила тот факт, что, как правило, в «Доме А.Ф. Лосева» не проходят вечера, посвященные русской литературе; такие события являются, скорее, исключением: мы следуем своей историко-философской специализации. И подобным «исключением», в силу очевидных причин, уже успел стать Н.В. Гоголь, а в ближайшей перспективе планируется конференция, посвященная Ф.М. Достоевскому. Теперь этот список дополнила тема «Чехов как мыслитель» (формулировка С.Н. Булгакова, данная им в лекции 1904 г.) – важная и, на сегодняшний день, мало разработанная тема, заставляющая задуматься над вопросом: может ли писатель быть философом или же философ быть писателем? Владимир Борисович Катаев напомнил, что в рамках самой русской философии часто звучала мысль о том, что она возникает в лоне русской литературы. Тем не менее, когда разговор заходит о Чехове, следует учитывать, что философия и философы не принимались писателем всерьез (это явно следует из его писем и литературных произведений). А.П. Чехов также не был напрямую связан ни с одним современным ему философским направлением, подчеркнул докладчик. Однако, особая концептуальная основа создаваемого писателем художественного мира и его (мира) целостное воплощение в свете собственных представлений жизни, по мнению В.Б. Катаева, позволяют говорить об Антоне Павловиче как философе. А.П. Чехов осуществлял гносеологическую трактовку мира: он не писал о том, что есть мир и что есть Бог, но указывал пути познания мира и Бога. Благодаря этому писатель ставил проблему достоверности знаний о мире и обоснованности любых идей и концепций, считает Владимир Борисович. А.П. Чудаков называл А.П. Чехова «человеком поля» между «есть Бог и нет Бога». Считая любой единый вектор движения по этому полю, будь то религиозный или политический, губительным для искусства, Антон Павлович все-таки одаривал своих литературных героев внутренним компасом, различающим истинное и ложное направление движения, настраивал их на поиск «настоящей правды», подытожил свое выступление В.Б. Катаев. Е.А. Тахо-Годи, развивая идею «человека поля», напомнила аудитории рассказ А.П. Чехова «Казак» (действие которого разворачивается в истинно чеховском пространстве – поле), где гибель человека происходит от того, что он делает ложный выбор, руководствуясь законами обыденной жизни. Михаил Александрович Маслин заметил, что на сегодняшний день отечественные философы редко обращаются к проблеме «Чехов как мыслитель», тогда как на западе замечен определенный интерес именно к А.П. Чехову–мыслителю. В то же время, отметил Михаил Александрович, к творчеству А.П. Чехова довольно часто апеллируют при историко-философском анализе духа и умонастроения, выраженного в сборнике «Вехи» (например, А.П. Чехов поднимает проблему места и значения русской интеллигенции). В частности, М.А. Маслин привел выдержку из письма А.П. Чехова И.И. Орлову от 22 февраля 1899 г., на которое ссылается в своей статье «Творческое самосознание» М.О. Гершензон и где выражено отношение Антона Павловича к русской интеллигенции, звучащее вполне в унисон с настроением сборника. Указав на огромное значение эпистолярного жанра в истории русской мысли, Михаил Александрович отметил недостаточную изученность этой проблемы в русской философии и провел определенные параллели между чеховскими письмами, дневниками Н.И. Пирогова и письмами П.Я. Чаадаева. В этой связи М.А. Маслин обозначил проблему письма как рупора именно философской позиции автора, помещенного в конкретную историческую эпоху, когда только письмо (а не философское или литературное произведение) становится единственным отображением свободной мысли. В завершение выступления М.А. Маслин коснулся темы, которая имеет определенную популярность в философских кругах на Западе – «А.П. Чехов и самоубийство», и раскрыл свое видение этой проблемы. Зам. декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Алексей Павлович Козырев указал на то, что в современном мире возможности позиционирования А.П. Чехова значительно расширяются. Свое внимание Алексей Павлович сосредоточил на Чехове как замечательном мастере начинать рассказ и с первых строк завоевывать читателя. По мнению А.П. Козырева, рассказ Антона Павловича «Скучная история» – блестящий пример знания Чеховым

законов риторики. Кроме того, Алексей Павлович отметил, что творчество А.П. Чехова представляется весьма актуальным современным философам и исследователям философии постмодерна, которые особое внимание обращают на вещьность, телесность, на то, что философия существует не только в форме сложных логических дефиниций, но и в форме художественной попытки услышать голос самих вещей. А.П. Козырев специально остановился на значении А.П. Чехова как православного бытописателя, особенно выделяя глубокое человеколюбие чеховского творчества, его «человекосоразмерный гуманизм, лишенный героико-романтического пафоса». В финале своего выступления Алексей Павлович отметил, что А.П. Чехов не был ни философом, ни богословом, однако и философия и богословие разлиты в его творчестве. В завершении вечера выступила старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН *Анастасия Георгиевна Гачева*, подчеркнувшая, что философия в русской литературе и, как следствие, в творчестве А.П. Чехова существует в образно художественном, а не дискурсивно-логическом виде.

6 апреля в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» состоялось открытие выставки работ художника Станислава Кирилловича Гончарова (1940–2003гг.), объединенных общим названием, цитатой из стихов художника – «...Молчанья воз». Директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *Валентина Васильевна Ильина* представила книгу Станислава Кирилловича «Избывный свет». Вдова художника *Татьяна Петровна Гончарова* остановилась на отдельных моментах биографии живописца, рассказала о принципе отбора картин для небольшой выставки, органично вписавшейся в философско-библиотечное пространство «Дома А.Ф. Лосева». *Виктор Петрович Троицкий* поделился впечатлениями от знакомства с творчеством С.К. Гончарова, провел параллели между работами Станислава Кирилловича и культурой Серебряного века, отметил, что на одной из представленных на выставке картин изображен храм, где о. Павел Флоренский венчал А.Ф. Лосева и В.М. Соколову в 1922 г.

27 апреля в стенах «Дома А.Ф. Лосева» состоялся Круглый стол памяти художника С.К. Гончарова «Художественная культура России второй половины XX века» при содействии Музея-усадьбы «Мураново» и Ассоциации «Женщины в науке и образовании». На Круглом столе была осуществлена попытка коллективного осмысления данного периода с различных точек зрения с целью дать обобщенный «портрет времени». Открывая вечер памяти, директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *Валентина Васильевна Ильина* провела сравнение между переосмыслением творчества С.К. Гончарова в наши дни и заново открытой в современной культуре философской мыслью России начала XX столетия. *Виктор Петрович Троицкий* в докладе рассказал о философии света в картинах художника. *Василий Александрович Геронимус*, ученый секретарь Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина, предложил аудитории тему: «Лики эпохи в творчестве Станислава Гончарова» и постарался описать, как яркое, талантливое и оригинальное художественное явление отображает в себе какие-то черты эпохи второй половины XX века. *Наталья Анатольевна Винокурова*, один из организаторов Ассоциации «Женщины в науке и образовании», во вступительном слове рассказала об истории Ассоциации. *Виктор Павлович Визгин*, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, посвятил выступление своим наблюдениям за неформальным философским дискурсом второй половины XX века (подразумевая здесь, прежде всего, «социально-культурные ячейки генерации творческих актов в 50-е – 70-е годы в СССР»). *Сергей Михайлович Половинкин*, доцент кафедры истории отечественной философии философского факультета РГГУ, обратился к теме андеграунда и самиздата в философии в советское время, а также коснулся отношения философского андеграунда к диссидентству. *Елена Юрьевна Садыкова*, старший научный сотрудник РНИИ Культурного и природного наследия, прочла доклад «Лев Федорович Дьяконицын, зачинатель процесса переосмысления художественной жизни России». Присутствовавший в зале *Лев Федорович Дьяконицын*, член Союза художников России, кандидат исторических наук, академик Русской академии наук и искусства, коротко остановился на некоторых моментах своей биографии, призванных дополнить выступление предыдущего докладчика. *Анастасия Георгиевна Гачева*, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, озаглавила выступление «Жить и мыслить в пространстве свободы, феномен Георгия Гачева», где раскрыла принцип существования в культуре российского философа, доктора филологических наук, культуролога, литературоведа и эстетика, выдвинувшего концепцию ускоренного развития

литературы. С докладом «Антология Русского лиризма XX век; неизвестные поэты» выступила *Наталья Владимировна Рябинина*, украсив свое повествование цитатами из недавно вышедшего сборника «Антология Русского лиризма XX век». *Людмила Григорьевна Горичева*, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, в докладе «Конец нового времени» осветила принципы работы и устроения, господствовавшие в Институте мировой экономики и международных отношений в 60-е годы, а также рассказала об истории русской экономической науки до революции 1917 г. и методе изучения экономики с точки зрения национальной культурно-исторической целостности государства. *Анна Игоревна Резниченко*, доцент кафедры философии РГГУ, провела развернутое исследование «союза художников-графиков» и «выставки двадцати одного» в МГУ им. М.В. Ломоносова, близкой концептуалистам. Отдельно Анна Игоревна остановилась на русских концептуалистах. *Татьяна Михайловна Шумова*, искусствовед, член АИСа, представила аудитории доклад «Нонна Гантман. Роль личности в русском искусстве», где подробно рассказала о семье и судьбе Н. Гантман и о культурной атмосфере, которая ее окружала. С докладом «Коллекционеры неофициального искусства как явление художественной жизни 60 – 80-х гг. XX века» выступила искусствовед, в.н.с. музея современного искусства, *Евгения Александровна Сергеева*, уделив особое внимание отдельным владельцам частных собраний искусства.

27 мая в «Доме А.Ф. Лосева» состоялась встреча с исследователем, доктором филологических наук *Александром Николаевичем Николукиным* (ИНИОН РАН). Встреча была приурочена к выходу в свет 30-томного собрания сочинений В.В. Розанова (Изд-во «Республика», 1994–2010). Открывая вечер, *Виктор Петрович Троицкий* напомнил аудитории основные вехи биографии Александра Николаевича. А.Н. Николукин осветил подробности издания 30-томного собрания сочинений В.В. Розанова, в частности, упомянул, что изначально издание трудов философа не было подчинено единому плану; рассказал, как он открыл для себя В.В. Розанова и чем одалило его творчество этого мыслителя; обратил внимание аудитории на важность сохранения в некоторых случаях дореволюционной орфографии у В.В. Розанова. *Михаил Юрьевич Эдельштейн*, кандидат филологических наук, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели: 1800–1917» (издательство «Большая российская энциклопедия»), отметил несомненные достоинства 30-томного собрания сочинений В.В. Розанова, но также указал на ряд дискуссионных моментов в связи с последующим изданием работ мыслителя.

1 июня в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» была представлена книга «С.Н. Дурылин и его время. Исследования» (М.: Изд-во «Модест Колеров», 2010). На презентации выступили: *Н.А. Ваганова* (ПСТГУ), *И.А. Едошина* (Костромской ГУ), *А.П. Козырев* (МГУ им. М.В. Ломоносова), *М.А. Колеров* (Издательство «Модест Колеров»), *С.М. Половинкин* (РГГУ), *Г.В. Лебедев* («Музей С.Н. Дурылина»), *А.И. Резниченко* (Дом-музей С.Н. Дурылина, РГГУ). *Анна Игоревна Резниченко*, предваряя свое выступление, посвященное тому, как велась работа по подготовке первого тома «С.Н. Дурылин и его время. Исследования», по сложившейся доброй традиции подарила книгу в фонд Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». *Модест Алексеевич Колеров* остановился на проблеме «создания всей инфраструктуры мысли “из себя”», что в полной мере относится к С.Н. Дурылину. *Алексей Павлович Козырев* в докладе указал аудитории на то, что само по себе издание С.Н. Дурылина и книг о нем в наши дни – это большой шаг в деле просвещения общества, равносильный «поднятию со дна Светлояра» одного из представителей русского богословия и философии первой половины XX столетия, способствующий постепенному признанию места Сергея Николаевича в русской философской мысли. *Алексей Павлович* отметил, что в томе перед читателем предстают чрезвычайно взвешенные и сбалансированные исследовательские подходы, каждый из которых являет собой пример поиска нового в заявленной теме. *Геннадий Васильевич Лебедев*, директор «Музея С.Н. Дурылина» в поселке Болшево, уделил большое внимание проблеме чуда, связанной и с изданием книги «С.Н. Дурылин и его время. Исследования», и с буднями «Музея С.Н. Дурылина». *Ирина Анатольевна Едошина* обратилась к фигуре С.Н. Дурылина как специалиста в области театра, а также обратила внимание аудитории на очевидную «осмысленность» подбора авторов и статей в книге, что выгодно отличает этот том от многих иных, похожих по форме, но, к несчастью, страдающих по содержанию. *Наталья Анатольевна Ваганова* рассказала о личных мотивах исследования творчества С.Н. Дурылина, о своей статье, посвященной сопоставлению

С.Н. Дурьлина и Н.А. Римского-Корсакова. *Сергей Михайлович Половинкин* поделился впечатлениями, которые произвела на него книга «С.Н. Дурьлин и его время. Исследования».

8 июня в стенах «Дома А.Ф. Лосева» прошла встреча с доктором философии *Филипом Буббайером* (Университет Кента, Великобритания). На вечере была представлена новая книга английского исследователя: «Совость, диссидентство и реформы в советской России» (М.: РОССПЭН, 2010). *Андрей Константинович Сорокин*, директор издательства РОССПЭН, открывая вечер, рассказал о давнем творческом взаимодействии с Филипом Буббайером, подчеркнул, что в настоящее время исследования о развитии советской интеллектуальной и идеологической истории 60х – 80х гг. чрезвычайно редки. В начале Ф. Буббайер рассказал о работе над книгой о С.Л. Франке, о том, что она задумывалась как попытка изобразить Семена Людвиговича как человека и мыслителя в контексте своего времени. Переходя к представлению книги: «Совость, диссидентство и реформы в советской России», и сделав особый акцент на том, что он сам был сформирован под влиянием русской интеллигенции, Ф. Буббайер указал, что центральная тема этого произведения – попытка объяснить, почему «совость» стала краеугольным вопросом для русской интеллигенции, диссидентов и партийных реформаторов в последнее десятилетие советской власти. (*Выступление Ф. Буббайера полностью печатается в настоящем номере «Бюллетеня»*). Елена Аркадьевна Тахо-Годи сказала, что есть несомненная логическая связь между изучением творчества С.Л. Франка и проблемами русской интеллигенции, что становится очевидным, если мы вспомним, что С.Л. Франк был участником знаменитых сборников «Вехи» и «Из глубины». Она обратила внимание аудитории, что Ф. Буббайер, создавая биографию С.Л. Франка, изучал его архив, хранящийся у А.И. Солженицина в начале 90-х гг. в Вермонте, а также получал научные консультации у Альберта Васильевича Соболева, старшего научного сотрудника сектора истории русской философии ИФ РАН. Альберт Васильевич, присутствовавший в зале, рассказал о своих научных и творческих взаимоотношениях с Ф. Буббайером. Елена Аркадьевна Тахо-Годи, обращаясь к книге Ф. Буббайера «Совость, диссидентство и реформы в советской России», отметила, что главный вопрос, поднимающийся в ней, это вопрос этического отношения человека к жизни, который, в частности, был глубоко близок участникам сборника «Вехи». *Андрей Борисович Зубов*, доктор исторических наук, профессор МГИМО, высказал мнение, что книга Ф. Буббайера чрезвычайно интересна с точки зрения исследования интеллектуальных движений в России конца XX века; исследования продолжения и развития тех глубинных процессов, которые в свое время привели к русской революции. В развёрнутой дискуссии приняли участие: *В.Н. Порус* (заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания, ординарный профессор ГУ-ВШЭ), *В.В. Изрунов*, депутат Государственной Думы РФ первого-третьего созывов, бывший диссидент, *А.С. Ципко*, бывший помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, участник создания Фонда М.С. Горбачева.

Продолжалась работа лектория «История мировой культуры», организованного Библиотекой совместно с Греческим культурным центром. Прозвучали лекции кандидата исторических наук *А.С. Лубоцкой* «Греция и идея балканского объединения (1930-е гг.)»; *Т.В. Никитиной* «Внешняя и внутренняя политика Греции в 1950-60-е гг. (до установления диктатуры “черных полковников”)»; кандидата исторических наук *Е.Г. Круговой* «Экономическое и политическое развитие Греции в период правления “черных полковников” 1967–1974 гг.»; доктора исторических наук *А.А. Улунына* «Греция после диктатуры “черных полковников” (с 1974 г. до наших дней)».

В.Б. Кудрин

Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата»: февраль – май 2010 г.

18 февраля 2010 г. «Дом А.Ф. Лосева» принимал Зою Валерьевну Золотницкую – заведующую сектором научно-консультационного отдела истории архитектуры России ГНИМА имени А.В.

Щусева. Тема лекции – «Московский классицизм второй половины XVIII века». Временные рамки темы – так называемый «строгий классицизм», охватывающий период с 1760 по 1830-е годы. Лекция сопровождалась непрерывным показом диапозитивов, воспроизводящих облик осуществленных и неосуществленных сооружений, спроектированных двумя наиболее выдающимися архитекторами этого времени, – В.И. Баженовым (Дом Пашкова, Царицынский дворец, проект Кремлевского дворца) и его учеником М.Ф. Казаковым (Церковь Филиппа Митрополита в Мещанской слободе, Университет на Моховой, Благородное собрание, дом Козицких, Петровский путевой дворец).

18 марта состоялось заседание, посвященное 100-летию со дня рождения известного фотожурналиста Александра Васильевича Устинова (1909 – 1995), которого по праву называют «летописцем войны и мира». Перед собравшимися выступила дочь фотолетописца Нинель Александровна Устинова. Рассказав о жизненном пути отца, Нинель Александровна продемонстрировала слайды, отобранные из лучших фотографий Александра Васильевича.

Уроженец одного из арбатских предместий (1-го Смоленского переуллка), А.В. Устинов в 1917 г. поступил в гимназию Мартынова, преобразованную затем в школу-семилетку. По ее окончании в 1926 г. – работает осветителем на фабрике документальных и хроникальных фильмов. В 1930 г. – поступает на операторский факультет Института кинематографии (окончил 4 курса), сотрудничает с газетами «Гудок», «Машиностроение», «Красная звезда», «Иллюстрированная газета», журналом «Огонек». В 1938 г. Александр Васильевич снимает свой знаменитый фоторепортаж о подготовке перелета из Москвы на Дальний Восток самолета «Родина». С 1939 г. он – фоторепортер газеты «Красная звезда». В 1941 – 1945 гг. – военный фотокорреспондент газеты «Правда», корреспондентом которой он остается вплоть до своей кончины в 1996 г. С 1950-х годов Александр Васильевич – официальный фотограф Кремля. Без него не обходится ни одно торжественное заседание, ни одно вручение орденов и почетных грамот. В 1966 г. в Доме журналистов состоялась его персональная выставка «25 лет в “Правде”». Воспоминания Александра Васильевича «С “Лейкой” и блокнотом» завершаются словами: «Самое трудное в жизни – не работать. Никогда не чурался даже черной и самой малой работы».

По завершении рассказа Н.А. Устиновой был показан замечательный фильм Федора Деревянского «Забывтый дневник», в котором чтение военного дневника А.В. Устинова происходит на фоне его фотографий, и у зрителей возникает впечатление реального присутствия на поле боя. Общий стаж работы фотокорреспондента превышает 60 лет, и почти каждый день в «Правде» появлялись его новые репортажи.

15 апреля гостем «Зеленой лампы» был кинорежиссер (автор 24 фильмов), сценарист, президент Фонда защиты гласности Алексей Кириллович Симонов. Выразив восторг по поводу множества мероприятий, проводимых «Зеленой лампой», гость рассказал о двух линиях своих предков – материнской линии Ласкиных и отцовской – князей Оболенских, а также о своем военном детстве и становлении в качестве режиссера. «Профессия режиссера, – считает Алексей Кириллович, – заключается в том, чтобы находить выход из безвыходного положения». Собравшиеся узнали много новых эпизодов из жизни и творчества отца гостя – поэта Константина Симонова, а также о дальнейшей судьбе его произведений. Например, о стихотворении «Жди меня, и я вернусь». Этот текст широко известен, но только одно из 25 музыкальных произведений на эти слова было удачным: переведенное еще в 1943 г. на иврит Авраамом Шлёнским, оно в том же году было положено на музыку бойцом еврейской бригады, воевавшей в годы Второй мировой войны в составе британской армии Шломо Дрори (не профессиональным композитором!) и стало гимном этой бригады. До сих пор это произведение остается наиболее популярной песней израильской армии. По словам Алексея Кирилловича, это объясняется молитвенным духом самого языка, удивительно совпавшим с духом стихотворения, по существу являющегося молитвой.

Затем разговор коснулся истории создания в 1991 г. Фонда защиты гласности, символом которой Алексей Кириллович избрал черепаху. (По определению Алексея Кирилловича, «гласность – это черепаха, ползущая к свободе слова»). С этим связано его двенадцатилетнее увлечение – собирание коллекции черепах самых различных форм, из всевозможных материалов. В коллекции находится уже более 3000 черепах, ни одна из которых не повторяет другую. В

заклучение вечера был показан пятнадцатиминутный документальный фильм об этой коллекции, сопровождаемый комментариями Алексея Кирилловича.

20 мая состоялось заключительное заседание клуба в одиннадцатом сезоне. Пушкинист, зам. директора по научной работе Государственного музея А.С. Пушкина, доктор филологических наук, академик РАО *Наталья Ивановна Михайлова* рассказала о современном состоянии исследования жизни и творчества А.С. Пушкина. По словам Натальи Ивановны, «пушкинистика давно перестала быть занятием узкого слоя специалистов и стала важной частью всей нашей культуры». Казалось бы, о Пушкине известно уже буквально всё. Но, придя в Музей еще в 1960-е годы и непрерывно работая в нем уже более полувека, Наталья Ивановна не устает узнавать о Пушкине всё новое и новое. Известнейшие произведения поэта, помещенные в контекст эпохи, обогащенные аллюзиями, ранее не открытыми и не прослеженными, звучали совершенно по-новому.

В.Б. Кудрин, С.А. Баранова

Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь 2010 г.

Слушателей музыкальных вечеров в «Доме А.Ф. Лосева» всегда ждет необыкновенная атмосфера прикосновения к прекрасному.

15 февраля 2010 г. литературно-музыкальная композиция «Чехов и Чайковский» продолжила цикл концертов к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. Выступали лауреаты Международных конкурсов *Александр Водопьянов-Танненберг* (Магистр театрального искусства) – баритон, *Алена Артамонова* – сопрано, солист МГАФ *Алексей Герасимов* – фортепиано. В их исполнении прозвучала музыка Ж. Оффенбаха, В. Беллини, Дж. Россини, П.И. Чайковского.

5 марта состоялся вечер фортепианной музыки, посвященный 200-летию со дня рождения Фредерика Шопена. С вступительным словом к собравшимся обратилась профессор Российской академии музыки *С.Е. Сенкова*. Произведения великого польского композитора прозвучали в исполнении лауреатов международных конкурсов *Юлии Федоровой, Александры Зайцевой, Татьяны Кузьминой, Михаила Семенова, Андрея Зубова*.

19 марта Государственный квартет имени П.И. Чайковского, в составе лауреатов международных конкурсов имени П.И. Чайковского *Николая Савченко, Захара Малахова, Кирилла Родина*, заслуженного артиста России *Сергея Батурина* исполнил семь сонат Йозефа Гайдна, объединенных единым названием «Семь слов Спасителя нашего Иисуса Христа, сказанных им на Кресте» (произведение создано в 1786 г.).

22 марта в «Доме А.Ф. Лосева» выступил Ансамбль старинной музыки Московского театра Новая Опера имени Е.В. Колобова: художественный руководитель и дирижер *Александр Барклянский*, исполнители – лауреаты международных конкурсов заслуженная артистка России *Ирина Ромишевская* (меццо-сопрано) и *Максим Кузьмин-Караваев* (бас). Прозвучали произведения А. Вивальди, И.С. Баха, Г.Ф. Генделя.

9 апреля гостей Музыкальной гостиной ждал необычный сюрприз: Ансамбль старинной музыки «Concilium musicum Wien» из Австрии исполнил на исторических инструментах «Музыкальные раритеты для виолы любви, “богемского козла” и варгана». Состав Ансамбля: *Пауль Ангерер* – скрипка, клавесин; *Кристоф Ангерер* – скрипка, альт, виола д’аморе; *Герлинда Зоннляйтнер* – скрипка; *Мартин Хинтерндорфер* – виолончель; *Альбин Паулюс* – гайсебок («богемский козел», басовая волынка), маультроммель (варган).

18 апреля, в рамках «Дней исторического и культурного наследия Москвы», состоялся вечер скрипичной музыки. Выступили: *Андрей Чистяков* – скрипач-полистилист и *Алексей Сканава* – фортепиано. Прозвучали произведения И.С. Баха, Л. Бетховена, Г. Венявского, Н. Паганини, Ф. Крейсера.

23 апреля прошел еще один вечер скрипичной музыки под девизом «Учитель и ученики». Был представлен класс педагога *Й.И. Иордановой* (Болгария) Центральной музыкальной школы при Московской Консерватории: в составе которого – лауреаты международных конкурсов *Павел Минев* (Болгария) – скрипка; *Георгий Чилингарян* – скрипка; *Владислав Врублевский* – гобой; *Екатерина Яцук* – фортепиано; *Анастасия Алипова* – скрипка. Были исполнены произведения педагога *Й.И. Иордановой*, *В.А. Моцарта*, *С. Маха*, *О. Ридинга*, *И.С. Баха*, *Э. Лало*, *Э. Изай*.

7 мая всех собравшихся в «Доме А.Ф. Лосева» объединила 65-я годовщина Великой Победы. Весь вечер звучали популярные фронтовые песни. Их пел заслуженный артист России *Валерий Планкин* (баритон) под аккомпанемент лауреата международных конкурсов *Ирины Ковалевой* (фортепиано).

18 мая состоялся концерт «Нового Трио», посвященный 170-летию со дня рождения *П.И. Чайковского*. Лауреаты международных конкурсов *Сергей Главатских* (фортепиано), *Дмитрий Герман* (скрипка), *Олег Бугаев* (виолончель) сыграли «Юмореску», «Ноктюрн» и цикл пьес «Времена года» *П.И. Чайковского*.

31 мая, в рамках концерта «К юбилею выдающихся композиторов», выступили лауреаты международных конкурсов *Анна Грот*, *Артем Селиванов*, *Дмитрий Самойлов*, *Александр Воронин* и *Сергей Голев*, исполнившие произведения *Р. Шумана* и *Ф. Шопена*.

11 июня прошел концерт, посвященный очередной годовщине со дня рождения *А.С. Пушкина*. В программе вечера – произведения *М.И. Глинки*, *А.А. Алябьева*, *А.С. Даргомыжского*, *С.В. Рахманинова* на слова *А.С. Пушкина*, а также отрывки из оперы *П.И. Чайковского* «Пиковая дама». Романсы и арии из опер исполнили: заслуженный артист России, солист ГАБТ *Андрей Сальников* (тенор), заслуженная артистка России, солистка МГАФ *Галина Бойко* (сопрано), *Людмила Ляхова* (меццо-сопрано), *Дарья Сальникова* (сопрано), Трио «Ренессанс-мозаика»: солисты оркестра ГАБТ *Наталья Сорокина* (скрипка) и *Алексей Иванов* (кларнет), лауреат и дипломант международных конкурсов *Марина Агафонникова* (фортепиано).

18 июня состоялся концерт камерной музыки, в котором прозвучали произведения *Керубини*, *Л. Шпора*, *Ф. Штрауса*, *Э. Пэриш-Альварса* и *Н. Боксы*. Выступили заслуженный артист России *Глеб Карпушкин* (валторна) и лауреат международных конкурсов *Нина Гвамичава* (арфа).

28 июня прошел вечер скрипичной музыки, завершивший музыкальный сезон 2009 – 2010 гг. Произведения *Ф. Шуберта* и *С. Прокофьева* были представлены слушателям лауреатами международных конкурсов *Павлом Миневым* (скрипка) и *Александром Малкусом* (фортепиано).

Перед аудиторией Музыкальной гостиной «Дома А.Ф.Лосева» продолжают выступать солисты филармонии, лауреаты международных конкурсов, пианисты, ансамбли камерной музыки и многие, многие другие. Звучит классическая камерная музыка, духовное песнопение, русские народные песни и песни военных лет. Продолжают свои циклы традиционные фестивали, включающие в свои программы лучшие сочинения композиторов-классиков, проходят их юбилейные концерты.

Н.Ю. Стоюхина

А.Ф. Лосев и Нижегородский университет: 1919–1921 годы

В нашей статье мы хотим рассказать о зарождении науки в стенах провинциального вуза. Общество давно признало ключевую роль провинции в развитии русских культуры и духовности, но все же зачастую понятия «провинциальное сознание», «провинциальная наука» звучат несколько снисходительно. Рассматривая эти понятия в аспекте научной психологической мысли – компонента структуры общественного сознания, его интеллектуальной составляющей, тесно связанной с ментальностью народа и оказавшей сильное влияние на ее формирование, – оказывается, что провинциальная наука как часть провинциального сознания, отражает не интеллектуальные, творческие возможности и потенциал провинции, а является результатом, функцией социально-исторической ситуации, проводимой государством научной политики². Наука не создается отдельными учеными, работающими в ведущих научных центрах столиц. Во славу ее работает множество людей, чьи имена в истории остаются неизвестными. Нам бы хотелось рассказать о почти забытых фактах нижегородской истории образования и науки, относящихся к годам создания Нижегородского государственного университета. В данном случае речь пойдет о психологии, которая в описываемое время – с 1919 по 1921 гг. – представляла собой неоднородную картину – в ней еще были представлены характерные для российской дореволюционной психологии направления: экспериментальное, эмпирическое и религиозно-философское³.

Источниковой базой для нашего исследования служили, в первую очередь, архивные документы, бережно хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области, работникам которого мы выражаем признательность, особенно – заведующей читальным залом Галине Алексеевне Деминовой.

Образование Нижегородского университета

Нижегородский государственный университет был основан 28 марта 1918 г. постановлением Нижегородского губисполкома, на базе существовавшего с 1916 г. Народного университета и Варшавского политехнического института, занесенного в Нижний Новгород вихрем Первой мировой войны. Среди множества имен известных ученых, работавших в университете, имя Алексея Федоровича Лосева стоит особняком. Он работал в Нижнем Новгороде в 1919–1921 гг. Именно в эти трагические для страны годы, когда на всем пространстве бывшей Российской империи царили война, голод, холод, нищета, болезни, – в провинциальном вузе, создаваемом практически «с нуля», закладывались великие традиции философского европейского образования, в основе которого лежат вечные понятия Гармонии, Личности, Культуры. А.Ф. Лосев, будучи выпускником Московского университета, искренне нес идеалы, переданные его Учителями: Р.Ю. Виппером, И.В. Поповым, В.К. Мальмбергом, Г.И. Челпановым, Н.И. Новосадским. Нам показалось интересным посмотреть на ученого-Лосева – психолога, который в начале своего научного пути следовал идеям горячо уважаемого им Г.И. Челпанова, яркого представителя эмпирической психологии, но вскоре заявил о себе как оригинальный мыслитель.

Мы попытались реконструировать события этих двух лет, напряженных и плодотворных и для университета, и для молодого ученого (он приехал в Нижний Новгород, будучи 26-тилетним).

2 Кольцова В.А. Интеллектуальный ресурс провинциальной психологии: историко-психологический экскурс // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи». – М., 2006. – С. 486–489.

3 Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.

Следует признаться: нельзя было отказаться от обаяния живого лосевского слова, поэтому в тексте много цитат не только из архивных документов, найденных нами, но и из произведений А.Ф. Лосева. Реконструировать события тех лет невозможно без текстовых заимствований из документов того времени: декретов, заметок из газет, отрывков из произведений современников нашего героя. Как писала Л. Гинзбург, «чужие слова всегда находка – их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить или переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обретенная формула»⁴.

Посещая Нижний Новгород в начале XIX в., путешественники отмечали в своих путевых заметках уединенность города, бедность его строений, и это немудрено: из 35 губернских городов Российской империи Нижний, имевший 14 тысяч жителей, был на 19-м месте. Это была глухая провинция, весьма трудная для посещения – дороги были непроезжими. Но за столетие многое изменилось, и в 1900 г. Нижний Новгород стал типичным волжским городом средней величины с 92 тысячами населения, с преобладанием сословий мещан и купцов. 18 тысяч больших и малых домов, каменные и деревянные – плотно стояли на высоком берегу Волги.

Образование в городе было представлено училищами – духовным, коммерческим, ремесленными, четырнадцатью гимназиями, среди которых выделялись Дворянский институт и Мариинский институт благородных девиц. Разговоры насчет университета среди либерально мыслящей части нижегородского общества начались сразу же после Всероссийской выставки 1896 г., но дальше разговоров дело не шло. И лишь 1 октября 1916 г. состоялось открытие эвакуированного в Нижний из Варшавы Политехнического института.

Нижегородский государственный университет был организован весной 1918 г., а 16 сентября для 2532 студентов начались занятия в университете, располагавшемся тогда в нескольких зданиях города, на десяти открывшихся факультетах: агрономическом, биологическом, горно-техническом, инженерно-строительном, математическом, механическом, профессиональном, рабоче-энциклопедическом, химическом и электротехническом.

8 ноября 1918 г. на частном совещании преподавателей гуманитарного знания было единогласно принято решение: считать целесообразным и весьма желательным в ряду прочих факультетов иметь особый – историко-филологический. Предполагалось окончательно организовать факультет не ранее весеннего семестра следующего года в виду неполного наличного состава профессоров и преподавателей. Тем не менее решили начать занятия с 25 ноября 1918 г., и студенты стали записываться немедленно. Преподавателей катастрофически не хватало. Да и откуда им взяться!? – высших учебных заведений до 1918 г. в Нижнем Новгороде не было. Если преподавателей на естественнонаучные курсы можно было набрать из бывшего Варшавского политехнического института (из-за Первой мировой, а потом и Гражданской войн не все преподаватели смогли вернуться на родину, поэтому в городе существовал некоторый резерв «кадров»), то преподаватели гуманитарных дисциплин были только из гимназии. Вот почему идея о приглашении преподавателей из Петрограда и Москвы, поддержанная на первом заседании историко-филологического факультета, была абсолютно правильной. Ориентация на столичные университеты, на их планы, на их кадры, станет понятна, если мы учтем, что большинство нижегородских преподавателей гимназий в свое время окончили историко-филологические факультеты Московского или Санкт-Петербургского университетов.

Начало научной и педагогической деятельности А.Ф. Лосева

Кандидатура Алексея Федоровича Лосева, проживающего по адресу: Москва, Воздвиженка, № 13, 12, обсуждалась 25 февраля 1919 г. на заседании историко-филологического факультета НГУ. Шестью голосами «за» он был избран профессором классической филологии, что и было утверждено 6 марта того же года⁵.

4 Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб., 2002. – 768 с. С. 18.

5 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1 Д. 832. Л. 11.

К сожалению, в архиве ННГУ, хранящемся в Центральном архиве Нижегородской области не сохранилось личного дела преподавателя Алексея Федоровича Лосева, но его curriculum vitae⁶ было найдено в архиве Нижегородского государственного педагогического университета, куда он устроился на работу по совместительству 29 октября 1919 г.:

«Родился я в г. Новочеркасске Донской области 10 сентября 1893 года. Окончил в 1911 году мужскую классическую гимназию с золотой медалью в г. Новочеркасске. В 1915 г. окончил философско-словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета. В 1914 г. работал в Берлине по вопросам современной психологии. Весною 1915 г. был оставлен при кафедре классической филологии Московского университета для приготовления к профессорскому званию. С осени 1915 г. состоял преподавателем различных средних учебных заведений г. Москвы: древних языков в гимназии А.Е. Флерова, русского языка и словесности в женской гимназии Е.С. Пичинской, гимназическом учреждении Гесс, гимназическом учреждении М.Х. Свентицкой. С февраля 1918 г. состоял председателем педагогического совета женской гимназии Е.С. Пичинской в Москве. После преобразования этой гимназии в 18-ю трудовую советскую школу I-й ступени был до 1 января 1919 г. председателем школьного совета этой школы. В годы 1917 – 19 держал магистерские испытания по классической филологии при Московском университете. Последние годы состоял членом Лекционного Бюро общества преподавателей Московского университета, принимая постоянное участие в чтении лекций по различным учительским и иным курсам в провинции и в Москве по философии, педагогике и литературе.

Труды:

- 1) Происхождение греческой трагедии. 19 печ. листов. Печатается в книгоиздательстве «Задруга».
- 2) Критика основных учений Вюрцбургской школы. 15 печ. листов. Рукопись. Застряла в типографии.
- 3) Эрос у Платона. Статья в сб. «Г.И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве», М., 1916.

4) Два мироощущения. Статья в сб. «Студенчество – жертвам войны».

5) О музыкальном ощущении любви и природы. Статья в журнале «Музыка». 1916. № 251-252.

6) Статьи, предоставленные в историко-филологический факультет Московского университета при магистерских испытаниях:

1. Эволюция пессимизма в греческой политической литературе.
2. Риторика последнего периода творчества Овидия в сравнении с ранним периодом.
3. О мироощущении Эсхила.

7) Учение Аристотеля о трагическом мифе.

8) Элементы платонизма в чистой феноменологии. Печатается в сб. «Философия Гуссерля». Изд. «Задруга»⁷.

Выпускник историко-филологического факультета Московского университета и Психологического института при Московском университете, своим учителем Алексей Федорович считал выдающегося психолога и философа Георгия Ивановича Челпанова. Программа знаменитого «семинария» Челпанова, организованная им в Киеве и Москве, была рассчитана на четыре года и включала изучение экспериментальной психологии, сдачу коллоквиума, участие в исследованиях в трех ролях – испытуемого, протоколиста и экспериментатора. «Участники семинария учились регистрировать и анализировать цветовые и слуховые ощущения, время, форму и физиологические показатели реакций, исследовали память, внимание, моно- и бинокулярное зрение, осваивали методы психофизики. Члены семинария изучали психологическую литературу на иностранных языках и обсуждали работы современных им западных авторов. Обязательной литературой для них служили учебники психологии В. Вундта, Э. Титченера, Г. Эббингауза, а также специально написанное Г.И. Челпановым руководство «Введение в экспериментальную психологию» (1915 г.)»⁸.

6 Жизнеописание.

7 ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 11а. ЛЛ. 58-59.

8 Умрихин В.В. Основатель экспериментальной школы в российской психологии // Челпанов Г.И. Мозг и душа: Критика материализма и современных учений о душе. – М., 2007. С. XIII.

О большом влиянии личности Челпанова на становление Лосева-психолога и философа пишет А.А. Тахо-Годи: «Психология личности интересует Лосева как профессионала, ученика Г.И. Челпанова. Ведь “жизнь души и жизнь сознания – это удивительная вещь”. “Какая интересная вещь физиогномика”, надо всмотреться в человеческие лица, “что таят они”, надо искать обобщения и в фотографиях (26/VII-1914). А пока он экспериментирует над собой, отмечая то “дионисийское ощущение”, врывающееся в душу, то “бессознательное”, ведущее к сумасшествию; то смерть и сладкий сумрак, и всегда Христос – светлый, очищающий, возвышающий (22/XII-1914)»⁹.

Дипломную работу «О мироощущении Эсхила» Лосев писал под руководством филолога Н.И. Новосадского, впоследствии ставшего, как и Г.И. Челпанов, близким ему человеком. В ней «Лосев четко разграничивает мироощущение и мирозерцание. Разницу в них он находит в степени и качестве моментов восприятия окружающего. Мироощущение интуитивно, не требует доказательств, мир воспринимается как целостная данность. Мирозерцание же основано на рассудочно-логическом восприятии окружающего. Задача работы не только определить слагаемые той суммы, которую представляет мироощущение Эсхила, но также вскрыть и психологически осветить индивидуально-эсхилевские черты отношения к миру как к целому. В исследовании трагедий Эсхила Лосев занят внимательным филологическим анализом психологии “страха и ужаса”, переходя к психологии чувства, волевых процессов и характеров. Изучая психологию “страха”, “ужаса”, волевых движений и характеров, Лосев приходит к выводу, что трагизм Эсхила выражен отнюдь не в драматической форме, а эпически и мифически»¹⁰. Даже по короткому описанию данная работа представляется как синтез психологии и классической филологии, тот самый синтез наук, который всю творческую жизнь Лосев будет воплощать в своих трудах.

В 1915 г. Алексей Федорович блестяще оканчивает университет, и его оставляют при кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию у научного руководителя проф. Н.И. Новосадского. Чтобы хоть как-то обеспечить себе материальное существование, он, как многие профессора и приват-доценты университета, начинает преподавательскую деятельность в гимназиях. Позже, в 1918 г. Лосев пишет заметку «Кризис частной средней школы», опубликованную в газете «Жизнь», где видно, как хорошо осведомлен он в школьных делах, и не только в деле обучения и воспитания, но и в вопросе материального обеспечения школы: «Речь идет не о внутреннем кризисе средней школы. Чтобы там ни говорили, а наша средняя школа, по крайней мере та, которую я знаю, – московская, – на общем фоне разрушения и хаоса сохраняет наиболее стройный и наиболее устойчивый вид. На улице совершались беспорядки, одно правительство сменяло другое, а в классах шла речь о погибших цивилизациях Востока, о поэзии Пушкина, решались тригонометрические задачи. Средняя школа, надо сказать прямо, была каким-то странным оазисом, который и по настоящий день наименее затронут кем бы то ни было, хотя угроз и было достаточно. Нет, не в этом кризис. Кризис, который я имею в виду, – чисто внешний, а именно финансовый (я говорю о частной школе); тем не менее все данные носят катастрофический характер»¹¹.

Далее идет расчет оплаты, которую следует брать за одного ученика, и становится очевидным, что сумма эта нереальная для родителей в условиях постоянной инфляции рубля, учитывая к тому же, что в семьях один ученик встречается нечасто. Заключает Лосев так: «Частная средняя школа, после национализации капиталов и домов предоставленная самой себе, долго не выдержит. ...сейчас мы не можем в сущности ни принимать учеников, ни договариваться с преподавателями, ибо не знаем, сколько, кому и из чего платить и что получать. Через полтора месяца начнется учебный год, а к бюджету еще не приступлено и приступать нельзя. Пусть не забывают об этом те, кому дорого просвещение»¹².

9 Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 2007. С. 40.

10 Там же. С. 52-53.

11 Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи]. М., 2007. С. 408.

12 Там же. С. 409.

В 1914 г. Лосев-студент был командирован в Берлин для усовершенствования в науках. Многие студенты ездили на стажировки в разные страны – русская наука до 1917 г. была составной частью международного научного сообщества, пусть и разделенного значительными противоречиями (между Германией и Францией, например), но соединенного сложной сетью международных союзов, дисциплинарными обществами и конгрессами, системой поездок и командировок, студенческой диаспорой и своеобразным научным зарубежьем. Здесь он стал готовить серьезное исследование, впоследствии получившее название «Критический обзор основных учений и методов Вюрцбургской школы»¹³.

Почему именно Вюрцбургская школа попала в центр внимания Лосева? В начале XX в. на фоне «необычайно пестрого и хаотического состояния методологической и вообще основной, принципиальной части психологии», как пишет Алексей Федорович¹⁴, вюрцбургская школа заметно выделялась. Именно ее ученые О. Кюльпе, Н. Ах, К. Бюлер, А. Мессер, И. Орт, К. Марбе, Г. Уотт, восприняв революционные идеи Ф. Brentano об интенциональности, направленности как неотъемлемого свойства нашего сознания, ставшие затем основой феноменологии Э. Гуссерля, и реформировали традиционные методы исследования мышления. В.В. Умрихин объясняет: «В. Вундт <...> полагал, что интроспекция применима лишь к изучению элементарных психических процессов. Мыслительный же процесс относился к области высших проявлений психики, доступных не интроспективной и экспериментальной психологии, а входящих в предмет уже упоминавшейся “психологии народов”, опирающейся на совершенно иные теоретические основания и методологические принципы. Нарушив этот запрет, исследователи из Вюрцбурга не только применили интроспекцию к исследованию мышления, но и усовершенствовали этот метод, чтобы избавить его от давно замеченного недостатка: самонаблюдение, осуществляемое одновременно с протеканием изучаемого психического процесса, могло вносить существенные искажения в содержание и динамику последнего. Смысл вюрцбургской инновации заключался в разбивании мыслительного процесса на отдельные этапы и последующем интроспективном отчете о каждом из них. Интроспекция приобретала ретроспективный характер и в сочетании с психологическим экспериментом стала обозначаться как систематическая экспериментальная интроспекция. Благодаря модификации интроспекции и разработке принципиально новых психологических методов исследования мышления Вюрцбургская школа довольно скоро пришла к открытиям, неведомым прежней психологии. Однако сами по себе новые методы не смогли бы привести к ним, если бы не произошла резкая смена теоретических оснований исследований»¹⁵.

Первая мировая война прервала работу молодого ученого, который вынужден был покинуть Германию, оставив там часть наработанных материалов. Восстановив рукопись и подготовив ее к изданию, в Предисловии к ней, датированном 1 апреля 1919 г. (к этому времени Лосев уже был профессором Нижегородского государственного университета), он писал: «Мышление для меня <...> есть объективное обстояние. Этим раз навсегда уничтожается для меня невылазная трудность для большинства современных направлений в гносеологии и психологии связать “я” и “предмет”, “понятие” и “вещь” – трудность, о которую спотыкается и Вюрцбургская школа. Вместо оперирования с понятиями “образ”, “представление”, “суждение” как с какими-то замкнутыми субстанциями, я рисую себе картину сознания и мышления как лестницу структур – начиная от чистого опыта (где только чистое качество, которое если и хранит в себе оформление, то – внепространственное и вневременное) и кончая сложными структурами понятия, умозаключения и пр. Эти структуры сплошно и текуче переходят одна в другую. А тут и происходит совмещение текучего потока бытия и сознания (которое в предлагаемой книге я взял в образе теории Джемса – как наиболее психологической) с идеальными смыслами и значениями, которые этот поток несет с собой (это взято в форме учения Гуссерля об абстракции – как наиболее близкого к предмету исследований в Вюрцбургской школе). Так на почве понятия “объективный смысл”, противопоставленного мною <...> субъективной психологии, отгораживающейся от анализа идеальных смыслов, и объективной феноменологии, отгораживающейся от субъективного *источка*

13 Лосев А.Ф. Личность и абсолют. М., 1999.

14 Там же. С. 17.

15 В.В. Умрихин. А.Ф. Лосев и новая психология мышления // Лосев А.Ф. Личность и абсолют. М., 1999. С. 667.

сознания, так, говорю я на почве понятия “объективный смысл” как первичной данности я строил тогда всю психологию и философию мышления»¹⁶.

Это серьезное методологическое исследование (напомним, что автор был очень молод), насыщенное подробнейшими, логически-четкими критическими замечаниями-размышлениями, Алексей Федорович сводит к системе общих особенностей Вюрцбургской школы: «отождествление сознательного с психическим, или, что то же, убеждение, что все наиболее характерное для данного переживания непременно сознательно, т.е. непременно осознается в моменты самых переживаний»¹⁷; «вполне определенное колебание в методе, именно смешение различных точек зрения на переживание «абстрактно»-логических и «конкретно»-психологических»¹⁸; «выводы отдельных исследований <...> никак не могут считаться вполне ясными и определенными, и, внимательно вчитываясь в эти исследования, иногда находишь колебания в терминах, даже в самых центральных»¹⁹. Но нам кажется, итог работы А.Ф. Лосева заключен все же в Предисловии к этой работе, написанном в 1919 г., когда в самом его конце он заключает с каким-то восторгом, свойственным его молодому возрасту: «Надо писать не о бытии, а само бытие <...> не жить этой “сделанной”, библиотечной, чахоточной новоевропейской философией, стремящейся стать все той же отвлеченной наукой вместо духовного руководства, все той же математической и естественнонаучной дисциплиной»²⁰. Впрочем, тут же продолжает: «Но это не значит, что ее не следует изучать. Быть не ниже, но выше – вот смысл моей книги и вот мое дружеское пожелание читателю»²¹.

В 1919 г. Лосевым была написана статья «Русская философия»²², где автор в первых же строках заявляет: «почти вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую или, лучше сказать, сверх-логи-ческую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений»²³. Молодой ученый формулирует общие особенности русской философии: «Русской философии, в отличие от европейской, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом... В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии... И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто “литературными” или “художественными”, но философскими и гениальными»²⁴.

В очерке А.Ф. Лосев пишет о философии Григория Сковороды, славянофилов, Владимира Соловьева, отмечая вклад С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, И.Н. Лапшина, А.И. Введенского, Г.И. Челпанова. В заключение А.Ф. Лосев рисует картину будущей самобытной русской философии: «<...> представители заимствованной философии распрощаются с абстрактностью и бесплодностью и признают великую русскую проблему Логоса... Самостоятельная русская философия, поднявшаяся на ступень апокалиптической напряженности,

16 Лосев А.Ф. Личность и абсолют. С. 15–16.

17 Там же. С. 184.

18 Там же. С. 185.

19 Там же.

20 Там же. С. 16.

21 Там же.

22 Век XX и мир. 1988. № 2. С. 36–44; № 3. С. 40–48.

23 Век XX и мир. 1988. № 2. С. 36.

24 Там же. С. 39.

уже стоит на пороге нового откровения, возможно, также и новой кристаллизации этого откровения, то есть новых догм»²⁵.

С таким серьезным и оригинальным научным багажом приехал в Нижний Новгород Алексей Федорович Лосев.

А.Ф. Лосев – профессор НГУ

2 апреля 1919 г. на очередном заседании историко-филологического факультета «оглашается заявление профессора Лосева о следующих курсах, им предлагаемых:

Введение в классическую филологию (1 час в неделю)

История греческой религии (2 часа в неделю)

Пропедевтический курс греческого языка (4 часа в неделю)

Семинарий: Поэтика Аристотеля (2 часа в неделю)»²⁶

Тогда же он пишет объяснительную записку к курсу «Введение в классическую филологию»²⁷, где предлагает воспринимать этот курс не как изолированные друг от друга античную историю и филологию, а, предварив его историко-психологическим анализом, синтетически воспринять античность в целом как известный религиозный, литературный, историко-культурный тип учебного знания. А.А. Тахо-Годи так пишет об этой ранней аналитической работе Алексея Федоровича: «На заре своей научной деятельности Алексей Федорович, таким образом, уже поставил вопрос об античности как типе культуры... В этой, казалось бы, учебной программе звучат любимые лосевские темы, узнающиеся нами в дипломной работе об Эсхиле, в консерваторских лекциях по истории эстетических учений, в мифологических трудах и эстетике зрелого Лосева»²⁸.

Педагогическая деятельность факультета постепенно налаживается, количество студентов, обучающихся на факультете, уже 190 человек²⁹. В начале мая намечается состав учебных курсов летнего триместра, где Алексею Федоровичу Лосеву отводят:

Введение в классическую филологию (2 часа в неделю).

Пропедевтический курс греческого языка (4 часа в неделю).

Пропедевтический курс латинского языка (4 часа в неделю)³⁰.

Тогда же всем преподавателям, выезжающим в командировки в Москву и Петроград, было решено выдать по 10 тыс. рублей каждому для приобретения и перевозки книг с различных книжных складов, научных обществ и других мест для библиотеки историко-филологического факультета. Это была значительная сумма, если, судя по отрывку из дневника одного московского обывателя, в это время на знаменитом Сухаревском рынке цена однотомника сочинений А.С. Пушкина составляла 75 рублей.³¹

Тогда же А.Ф. Лосев обращается с просьбой о напечатании его ученых трудов, и профессорско-преподавательский состав постановляет обратиться с соответствующим заявлением в редакцию «Университетских известий»³².

Проблем у приезжих профессоров была масса: Нижний – традиционный купеческий город, население которого в большей своей массе составляли мещане, купцы, рабочие; основную часть жилищного городского фонда были одно- и двухэтажные дома, в большинстве своем – деревянные. Революционные события, разруха и хаос потрясли устоявшийся уклад губернского города, для ученых не было нормальных условий для жизни и работы, город не имел тех прекрасных библиотек, которые были в Москве и Петербурге. Поездки в Москву на поездах (а

25 Век XX и мир. 1988. № 3. С. 40-48. С. 47.

26 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1 Д. 832. Л. 15.

27 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1 Д. 832. Л. 42-43об.

28 Тахо-Годи А.А. Лосев. С. 75.

29 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 836. Л. 152.

30 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 832. Л. 20.

31 Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 264.

32 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 832. Л. 21.

Лосев часто ездил в Московский университет для завершения научных занятий) были также весьма трудными: не было поездов, нужно было ездить по командировочным удостоверениям, которые выхлопывалось каждый раз в Управлении НГУ после предварительного обсуждения целесообразности поездки на заседании факультета с предоставлением выписки из протокола заседания (разруха, царящая всюду, как следствие Гражданской войны, ударила и по системе железнодорожного транспорта – гражданских поездов было мало, расписание как таковое, не соблюдалось, только с 10 апреля была возобновлена свободная продажа железнодорожных билетов). Для деканата отъезды были также неудобны: нельзя было составить постоянное расписание, нужно было учитывать возможности всех приезжих преподавателей. Студенты высказывали недовольство. Поэтому в начале лета 1919 г. на заседании историко-филологического факультета впервые встает вопрос о правильности приглашения московских и петроградских преподавателей, которые не живут в Нижнем Новгороде постоянно, а периодически вынуждены уезжать домой. Однако пока, после горячих споров, решили оставить все, как есть.

Постепенно университет определялся со своей нормативной базой – в декабре 1919 г. был принят Устав, где, в частности, было сказано: «для того, чтобы иметь право быть избранным профессором, кандидат должен: а) иметь согласно прежней терминологии ученую степень или б) иметь научные и технические труды по признанию авторитетными специалистами, достаточно характеризующие кандидата, как самостоятельного в данной области работника или в) иметь достаточно представленный стаж в высшей школе, удостоверенный соответствующими рекомендациями»³³. Учебный план историко-филологического факультета был составлен таким образом, что при нормальном прохождении университетского курса слушание и изучение всех предметов заканчивалось в 4 учебных года.

По поводу цели обучения на факультете в Уставе значилось: «дать научную подготовку, знание и владение методами исследования для всех лиц, желающих работать в области дисциплин этого цикла наук, а также дать педагогическую подготовку лицам, желающим практически использовать знание данных предметов в качестве работников школы I и II ступени»³⁴. Предполагалось, что на факультете будут функционировать отделения: славянорусское, историческое, философское. Учебные предметы по каждому отделению делились на: пропедевтические (сюда входили введение в философию, логика, психология, греческий автор, латинский автор), основные, вспомогательные, семинарии, древние языки, новые языки. Пропедевтические курсы, курсы древних и новых языков являются для всех отделений обязательными и одинаковыми по объему.

Что касается философского отделения, то основные курсы здесь делились на одинаковые и общие для славянской и исторической секций, т.е. философско-словесные и философско-исторические, сюда относились: история древней философии, история средневековой философии, история новой философии (до Канта), история новейшей философии (после Канта), психология (отличная от пропедевтического курса), логика (отличная от пропедевтического курса), спецкурс по истории философии.

7 октября на заседании историко-филологического факультета утверждается план на предстоящий семестр и А.Ф. Лосеву достаются философские курсы на словесном отделении: *история греческой литературы классического периода* (4 часа в неделю), *сравнительный синтаксис греческого и латинского языка* (4 часа в неделю), *семинарий по поэтике Аристотеля* (2 часа в неделю)³⁵.

Появляются учебные программы курсов, они были изданы в большом количестве, и студенты могли ими пользоваться³⁶.

24 октября 1919 г. на заседании историко-филологического факультета намечаются перевыборы руководства. «Закрытой баллотировкой баллотируется А.Ф. Лосев на должность заместителя декана: 6 голосов “за”, 2 – “против”. ...Записками намечается кандидатура на должность

33 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 837. Л. 2.

34 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 837. Л. 5.

35 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 832. Л. 25об., 26.

36 Учебные планы и программы Нижегородского Гос. Университета 1918-1919 гг. – Н. Новгород, 1918.

заведующего библиотекой. Закрытой баллотировкой баллотируется кандидатура А.Ф. Лосева: 6 голосов “за”, 2 – “против”³⁷.

Борьба за подлинную педагогику

Отдельного внимания заслуживают отношение А.Ф. Лосева к педагогике. Почти все преподаватели университета работали в Нижегородском институте народного образования. А.Ф. Лосев – с 24 октября 1919 г.³⁸ читал философию на отделении школьных работников 2-й ступени³⁹ и на подготовительных курсах. Сам будучи талантливым педагогом, он находил неправильным положение педагогики в вузах России: в 1913 г. в университетских программах педагогика упоминается как обязательный предмет только для философского отделения, существующего только в Московском университете. После революции 1917 г. количество педагогических вузов в стране стремительно увеличивалось – нужно было строить новое, невиданное до этого государство там, где 70% населения не умело читать, писать, плохо понимало речи тогдашних «трибунов». Требовалась новая интеллектуальная элита, на роль которой претендовали «тысячи молодых людей, обуреваемых абстрактными идеями, которые немедленно хотели внести свой вклад в строительство утопии. Количество педвузов в стране только за 1919/1920 уч. г. возросло в полтора раза; все равно они были переполнены: в 1921 г. в них училось в шесть раз больше студентов, чем в 1914-м»⁴⁰.

В Нижегородском университете отдельного педагогического факультета или даже кафедры педагогики не было. На историко-филологическом факультете существовали лишь педагогические дисциплины, и, как написано в Уставе НГУ, посещающие их освобождались от слушания части специальных теоретических дисциплин по истории или славяноведению. Поэтому в апреле 1920 г. на заседании историко-филологического факультета постановили учредить кафедру педагогики с соответствующим изменением учебного плана (и добавить курсы: систематическая педагогика, история педагогических учений, педагогическая психология (психология ребенка), семинарий по педагогике, школоведение, методика изучаемого предмета), а также педагогический кабинет при ней. Позже решили этот вопрос вынести на Большой Совет университета, для чего коллега Лосева и однокашник по Московскому университету и Психологическому институту Павел Сергеевич Попов написал обоснование необходимости самостоятельной кафедры педагогики. Алексей Федорович Лосев также подписался под текстом.

«При обсуждении в Учебном Комитете проекта организации кафедры педагогики на историко-филологическом факультете было высказано желание иметь мотивированное мнение по этому вопросу при утверждении проекта в Совет НГУ.

Это легко сделать в виду того, что педагогика не есть наука сегодняшнего дня, не есть вместе с тем простая совокупность приемов школьного дела и педагогической практики, варьiruемой волею тех или иных распоряжений, декретов, а также политических и других влияний и лозунгов, почему вопрос о кафедрах педагогики при факультетах гуманитарных наук есть нечто вполне определившееся и созревшее в строе университетских дисциплин данного цикла.

В России дело обстояло так: до переворота 1917 г. самостоятельных кафедр при университетах не было: духовные академии имели при этом явное преимущество, обладая отдельными кафедрами педагогики; педагогика читалась в университетах на одном из курсов, обслуживаемых кафедрой философии; на более прочную почву преподавание педагогических наук было поставлено в 1904 г. Министерством Народного Просвещения в его предложении историко-филологическим факультетам введения педагогических дисциплин. Что педагогика входит в цикл гуманитарных наук, не могло быть серьезных сомнений. Связь философии и педагогики, однако, была такова, что педагогика не являлась

37 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 832. Л. 28.

38 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 53. Л. 44.

39 Это отделение состояло из 4-х циклов: математический, физико-химический, естественно-географический, социально-исторический (ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 44-47).

40 Эткинд. А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 72.

выделенной самостоятельной дисциплиной; эта недифференцированность была результатом слабого развития данных наук в России: ведь и самостоятельных кафедр психологии не было на прежних историко-филологических факультетах. Однако чувствовалось, что педагогика занимает свое определенное, почтенное место наряду с философией. Когда над кафедрами философии разразился эксперимент распоряжения Николая I в середине прошлого века, то, по запрещении философии как науки вредной в смысле свободомыслия, педагогика оказалась неуязвимой, и с 1859 г. по 1861 г. у нас существовали кафедры педагогики. Шевырев в Москве, Гогоцкий в Киеве, Фишер в Петербурге, Штрюмпель в Дерпте – были профессорами педагогике. При восстановлении кафедры философии педагогика опять слилась с философией (за некоторым условным исключением в Юрьевском университете, где до самого последнего времени кафедра носит название кафедры философии и педагогики) – вряд ли к пользе дела; Западная Европа, идущая впереди в вопросах развития знания, дает нам основания необходимости диспарантного существования данных дисциплин. Прочитую мнение одного из крупнейших авторитетов педагогики в Германии Паульсена (F. Paulsen. Pädagogik. – Stutt. u. Berlin, Gotta, 1911, 51): “Едва ли, – говорит он, – можно сомневаться, что при соединении педагогики в виде придатка к другим наукам, педагогика находится не в надлежащем положении; в виду этого безусловно следует пожелать, чтобы в наших высших научных учебных заведениях она была представлена более надлежащим образом”. В виду этого весьма понятно высказанное в 1912 г. на страницах “Вопросов педагогики” пожелание, чтобы кафедра педагогики в университетах стала делом ближайшего будущего – делом неотложным и общепользным. Благодаря развитию психологии как общетеоретической и экспериментальной, благодаря развитию дисциплины педологии педагогика вполне сформировалась как круг своих проблем. Достаточно сослаться на такой труд, как тысячестраничную книгу Меймана “Vorlesungen zur Einführung in die experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grundlagen”, чтобы понять, какой ответственный ряд проблем вошел в цикл педагогики как учебной дисциплины. Не просто организация дошкольного воспитания, не практика народного образования, не постановка средней школы, не дом грудного ребенка, а обсуждение данных проблем в обобщенном виде в связи с принципиальными проблемами сущности воспитания, предмета педагогики, нормативных задач педагогики и т.п. – вот что заставляет педагогику быть университетской наукой. В этом отношении, конечно, нельзя смешивать задачи каких-нибудь педагогических курсов или институтов с целями методологической обработки педагогики как науки. Педагогика, по существу разумеется, уже попала в свойственную ей академическую атмосферу: профессора педагогики теперь у нас налицо в центрах – благодаря переводению всех доцентов известного статуса в звание профессоров, в связи с чем стало возможным иметь отдельных профессоров целого ряда философских и смежных дисциплин – по теории познания, этике, эстетике, не говоря уже о психологии и педагогике. Но и в провинции подчас дело обстоит так же благоприятно для педагогики – в Тамбовском университете, например, соответствующий факультет гуманитарных наук получил при своей организации даже название педагогического факультета. Иметь опору педагогических наук и в провинциальных университетах, разумеется, вполне целесообразно: слишком много теперь вокруг шумящей и новой педагогической практики, чтобы не возникло желание констатирования всего этого материала в спокойном научном лоне университетского знания через определение связи этой практики с тем, что дала педагогика в своей прежней научной разработке. Это дает еще более права педагогике возвысить свое значение именно благодаря обстоятельствам нашего времени, реформаторского в деле образования.

Итак, – не ведение педагогической практики, не организация подготовки отдельных работников цикла учебных программ для разных школьных деятелей, а научная обработка, ведение методов педагогических дисциплин есть то, что формирует состав данной науки, как науки и выдвигает ее право на отдельную кафедру.

Нижний Новгород, 10 июля, 1920.

Павел Попов, А. Лосев»⁴¹

Забота о книгах

Все работники историко-филологического факультета заботились о комплектовании факультетской библиотеки. В протоколах часто встречаются обращения разных преподавателей с просьбой о выделении различных сумм на приобретение книг или даже целых библиотек⁴². Вклад Алексея Федоровича Лосева и его коллег в это дело также огромен. Где только не добывались эти книги... В первую очередь, это были собрания книг бывших дворян, неотъемлемый атрибут русского интеллектуала и просвещенного человека. 19 июня 1920 г. Алексей Федорович на заседании факультета заявляет о необходимости найти средства для приобретения одной частной московской библиотеки, состоящей из русских и иностранных книг. Вероятно библиотека большая, так как было решено просить правление НГУ выдать четырем преподавателям (в том числе и Лосеву) в виде аванса по 100 тысяч рублей каждому для покупки и доставки книг⁴³. Мы не можем сказать, много ли можно было купить на эту сумму книг, но в Москве рыночная цена самого важного продукта – хлеба – была 450-500 руб. за фунт (ржаной) и 1000 руб. за фунт (белый)⁴⁴.

О трепетном отношении Алексея Федоровича к книгам говорит то, что он чаще, чем остальные обращался в правление НГУ с заявлениями о продаже частных библиотек, хлопоча о деньгах для их покупки. Когда Лосев был заведующим библиотекой на историко-филологическом факультете, его помощницей была молодая женщина Тамара Алексеевна Каширская. В 1920 г. она написала заявление в Нижегородский институт народного образования с просьбой принять ее на работу заведующей библиотекой Института Народного Образования, и Алексей Федорович дал ей блестящий отзыв, из которого видно, какую важность для него имели люди, ценящие знания, образование, книгу:

«Тамара Алексеевна Каширская давно известна мне как весьма ревностная работница по библиотечному делу, изученному ею, как теоретически, так и практически. Состоя помощником библиотечного историко-филологической библиотеки НГУ, она, по истине, может считаться создательницей и единственной руководительницей этой библиотеки. Через ее руки прошло много тысяч томов из сочинений историко-филологического цикла, и опытность ее в библиотечной классификации является для Нижнего совершенно исключительной. Пройдя специальный стаж на библиотечных курсах и впоследствии преподавая библиотечное дело на внешкольных курсах, Т.А. Каширская приобрела солидную теоретическую подготовку в этой области, а довольно высокое личное образование выгодно отличает ее от большинства библиотечных работников, пришедших в библиотечное дело чисто внешне, без достаточного внутреннего понимания книги и ее места в науке. Ко всему этому, я, как непосредственный ее сотрудник в историко-филологической библиотеке, должен прибавить ее колоссальную энергию, превосходящую вообще все, что я теперь встречаю в Нижнем и даже в Москве. Это человек, способный одновременно делать несколько трудных дел и одинаково везде успевать. Будучи сама заинтересована науками этого цикла, она с редкой любовью приобретает новую книгу и бережет ее. Она – прекрасный хозяин своего книжного имущества.

Все вышеизложенное заставляет меня горячо и усиленно рекомендовать Т.А. Каширскую в библиотечари Института народного образования в Нижнем. Я глубоко убежден, что другое подобное же лицо, соединяющее в себе такой опыт с такой молодой энергией не встретится в настоящее время в Нижнем, и Тамару Алексеевну Каширскую необходимо всячески просить взять на себя обязанности библиотечаря, вполне доверившись ее опыту и трудоспособности.

*Зав.библиотекой историко-филологического факультета НГУ профессор А. Лосев.
Москва, 30 сентября 1920 г.»⁴⁵*

Отношения со студенческой молодежью

42 Есть также заявление в хозяйственную комиссию НГУ о просьбе двух подвод для перевозки книг.

43 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 839. Л. 28.

44 Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917 – 1924: в 2 книгах. Кн. 2. М., 1997. С. 52.

45 ЦАНО. Ф. 2724. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ.28-29 об.

Работать со студентами было нелегко, ведь многие были не готовы к учебе в университете: декретом СНК от 6 августа 1918 г. студентом мог стать любой, достигший 16-летнего возраста без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании школы. В журнале «Вестник Нижегородского университета» была опубликована статья о необходимости применения новых методов обучения в новой высшей школе, где говорилось, что «система бесплодного “пассажирского” сидения на лекциях» должна уступить место более совершенным методам преподавания, своеобразному методу научного воспитания, когда «центр тяжести <...> должен лежать на самостоятельном чтении курсов и практических занятиях. Профессор же может ограничиться общим руководством и указаниями, несколькими вступительными и заключительными лекциями, объяснениями, обсуждением учебных студенческих рефератов. <...> Простота и ясность науки упорно говорят о возможности ее крайней доступности, и эта доступность должна быть отыскана»⁴⁶. Но, как оказывалось в реальности, все было не так просто. Образование – это не только демонстрация знаний профессора, не «натаскивание» студентов по учебному материалу, не требование заучить указанный материал. Это глубокое общение, заключенное в непрерывающемся доброжелательном и содержательном диалоге профессора, который «не преподает свой предмет, а высказывает публично свои научные взгляды – потому он и называется профессором (от латинского *profiteor*)»⁴⁷ и учащегося-студента, который «не просто учится, но занимается наукой. Оба они <...> двигают вперед науку»⁴⁸.

Занятия в вузах были интересными и увлекательными, о чем пишет тогдашний студент Института Народного Образования, а позже писатель Н.И. Кочин (он поступил учиться в 1920 г.): «Аудитории любимых профессоров ломились от слушателей. Стоял дым коромыслом – лекции превращались в диспуты. Даже вечерами часто залы были битком набиты, до отказа: доклады, совещания, лекции, рефераты, диспуты. Выступал каждый, кто хотел и о чем хотел, слушатели, оппоненты всегда находились.

Независимость суждений была полная. Утром профессор читал лекцию, а вечером студенты собирались в той же аудитории и опровергали ее, предварительно оповестив профессора. Профессора, если приходили, а это случалось очень часто, выступали в свою очередь оппонентами студентов. Это никого не удивляло. Никто никого не оскорблял, притеснять за чужие мнения считалось нарушением свободы. Студенты входили в аудиторию, когда вздумается и покидали ее тоже по желанию. Но порядок не нарушался, делалось это деликатно и не в ущерб делу.

Профессора, которые находили аудиторию почти пустой, не обижались, они понимали своеобразие момента, садились рядом со студентами и вели беседы в учебные эти часы на самые вольные темы: о чудачествах знаменитых ученых, о быте дореволюционного студенчества, о своем детстве. Студенты знали, когда тот или иной профессор проел шубу и что еще ему осталось проесть»⁴⁹.

Колоссальные усилия, вложенные в образование рабочей молодежи, полуграмотной, усвоившей только лозунги Гражданской войны об опасностях настоящего момента, или молодежи, приехавшей на учебу из разных районов губернии, из деревень, в большинстве своем с незаконченным средним образованием, почти не читавшей и косноязычной, давали плоды. Были организованы кружки, где за каждым выступлением преподавателей стояла научная проблема, демонстрация умения мыслить и говорить, приглашение к освоению великой русской культуры. Организованный при университете студентами-филологами в мае 1919 г. литературно-художественный кружок был первым. Кружок по своему уставу был заявлен общестуденческим и на его собрания приходили студенты различных факультетов и студенты из Института Народного Образования. В первый год существования кружка в нем читались, главным образом, произведения его членов-студентов. В прениях участвовали как студенты, так и профессора и преподаватели. «В живом обмене чтениями выковывалась определенность и

46 Моцок Д. О преподавании в высшей школе // Вестник Нижегородского университета. 1918. № 6. С. 1-4. С. 3-4.

47 Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 310.

48 Там же.

49 Кочин Н. Нижегородский откос. М., 1982. С. 75.

яркость молодой поэтической и иной мысли, и в этом отношении кружок в значительной мере был школой для начинающих литераторов»⁵⁰.

Кроме творческой, кружок развивал и организующую деятельность, где на первом плане стояло издательское дело: был опубликован сборник стихов студентов-поэтов, Нижегородское Губагентство «Центропечать» выпустило литературно-художественный сборник «Зарницы», первый номер студенческого журнала «Метеор», была устроена выставка книг современной русской литературы (символизм, футуризм и пр.), которая привлекла немало публики.

А.А. Тахо-Годи пишет о насыщенной жизни Лосева и его друзей в Нижнем Новгороде: «Великую культурную работу, кроме обычных лекций, устраивали кружки, дискуссии, делали доклады, спорили. Лосев с увлечением просвещал нижегородцев музыкальной классикой. Читал лекции о Бетховене, Вагнере, Римском-Корсакове, Чайковском»⁵¹.

В Институте Народного Образования состоялись публичные собрания, в одном из которых участвовал А.Ф. Лосев с докладом «Трудовая школа»⁵².

Педагогика религиозного воспитания

Еще в 1919 г. при профессиональном факультете университета организуется цикл педагогических лекций и занятий для учащихся города и лиц, желающих посвятить себя педагогической деятельности. Педагогический кружок оказался очень популярным – сразу записалось 274 человека. Лекторами являлись преподаватели НГУ, среди которых был и Лосев.

Нам бы хотелось особо остановиться на докладе Алексея Федоровича Лосева «О методах религиозного воспитания», сделанного им 29 марта 1921 г. в Педагогическом кружке НГУ.

Эта тема была выбрана Лосевым неслучайно. С 1905 г. религиозное воспитание в семьях российской интеллигенции перестает занимать то важное место, которое ему отводилось ранее, и это изменение в общественном мировоззрении сразу же нашло отклик в печати. Марков в журнале «Вестник воспитания» публикует результаты обширной анкеты среди молодежи⁵³, где три вопроса носят религиозный характер. Первый из них должен был выяснить основные пункты расхождения молодежи с религией. Из 250 человек 38 заявляли, что верны своей религии и ни в чем с ней не расходятся; 155 – расходятся с религией, из которых 77 человек отталкивает ее внешняя сторона: обрядность, церковность, фанатизм, страх и повиновение, 10 человек не устраивают догматы, 61 человек заявляет себя атеистами. Второй вопрос касался соблюдения религиозных обрядов. Отрицательно ответили на вопрос 210 человек, неопределенно – 40. Что касается соблюдения обрядов семьями, 159 семей соблюдают религиозные обряды, 87 – нет, и 49 ответили неопределенно. На вопрос «Верите ли вы в загробную жизнь?» из 316 человек положительно ответили 38, неопределенно – 42 и отрицательно 236.

Психолог Н.А. Рыбников отмечал наименьшую изученность такого явления, как религиозные переживания раннего детства, «до сих пор еще идет спор о том, может ли возникнуть религиозное чувство самопроизвольно в душе ребенка, или оно внушается ему со стороны окружающих»⁵⁴. Это осложняется боязнью вторжения в интимную область переживаний, предвзятостью взрослых. Но именно семья должна дать соответствующие возрасту ребенка ответы на все его вопросы, одним из которых является вопрос о существовании Бога. М.М. Рубинштейн заявляет, что нерешительность общества в вопросах религиозного воспитания более нельзя терпеть: «тот, кто просто устранился от решения этой роковой проблемы, в сущности отдал решение ее в руки слепого случая, отдал своих детей на произвол судьбы со всеми его тяжкими последствиями»⁵⁵. На вопрос ребенка, который раньше не смущал взрослых – «есть Бог или его нет?», теперь часто отвечают уклончиво

50 Литературно-художественный // Мысль. 1921. № 1. С. 14.

51 Тахо-Годи А.А. Лосев. С. 76.

52 ЦАНО, Ф. 2734. Оп. 1. Д. 24. Л. 48 об.

53 Марков. О школьной молодежи // Вестник воспитания. 1913. № 6. С. 162-199.

54 Рыбников Н. Религиозная драма ребенка // Психология и дети. 1917. № 5 (сентябрь). С. 21-32. С. 21.

55 Рубинштейн М.М. О религиозном воспитании // Вестник воспитания. 1913. № 1. С. 75-123.

или дают отрицательный ответ. «Особенно тяжело обстоит дело с этим вопросом в массе педагогов и интеллигентных родителей; там либо гнут детскую душу под ярмо внешней религиозности, насилью всякое живое проявление религиозной мысли и этим посеяв самое грозное неверие, или, как это часто встречается в интеллигентных семьях, идут по пути резкого отрицания, разрубая этот гордиев узел с плеча. И у тех, и у других такое решение носит характер скорее акта отчаяния, чем спокойного объективного убеждения»⁵⁶.

Н.А. Рыбников также отмечает особенность семьи русской интеллигенции: «этот вопрос – ее больное место. Именно в этом пункте взаимное непонимание “отцов” и “детей” у нас особенно резко сказывается... Обычные “интеллигентские” разговоры о Боге, религии, “попах” и других подобных темах рано начинают сеять скептицизм в юной детской душе. Навязывая ребенку свои рационалистические взгляды, “отцы” вносят болезненный разлад в эту душу, которая меньше всего в этом возрасте способна удовлетвориться отвлеченными рассуждениями старших. При некоторых условиях этот разлад обращается порой в настоящую драму мятущейся, ищущей понятного ей ответа, детской души»⁵⁷.

Говоря о религиозном воспитании, М.М. Рубинштейн имеет в виду, в первую очередь, религию как личное переживание, их связь с безусловным, ценным, бесконечным, абсолютным, находящая свое выражение в своей чистой форме во всей совокупности чувств, действий и опыта отдельной личности, в сознании связи единичного с общей жизнью целого, в чувстве бесконечного и связи с ним, в религии образа мыслей, чистого настроения в глубине души личности, где ее не может осветить никакая рассудочная мысль. Как же проводить религиозное обучение и воспитание? – «отклонить догматическое обучение и вступить на путь исторического», поскольку только такой исторический путь дает возможность подчеркнуть общечеловеческий характер религиозной жизни, на почве которой «рождается сильная, устойчивая, всеобъемлющая жизнерадостность, в которой так сильно нуждаются именно люди нашего времени»⁵⁸.

После Февральской революции вышло постановление Временного правительства «О свободе совести» от 14 июля 1917 г., гарантировавшее гражданам России, что «пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры». В отношении детей-школьников предполагалось, что в школе может появиться учащийся, семья которого не исповедует никакой религии, и не понятно было, чем такой ребенок будет заниматься в часы, отведенные на преподавание Закона Божия. Поэтому Государственный комитет при Министерстве народного просвещения принял «Временное положение о преподавании Закона Божия», согласно которому во всех заведениях, кроме высших, должна быть обеспечена возможность обучения Закону Божьему, хотя в частных учебных заведениях Закон Божий мог вообще не преподаваться. 23 сентября в «Вестнике Временного правительства» был напечатан законопроект министра народного просвещения А.А. Мануилова, где, согласно постановлению «О свободе совести», в школе должны были появиться ученики, которые не изучали вероучительных дисциплин, а детям, достигшим 14-летнего возраста, проект представлял право самостоятельно определять свое отношение к религии.

К отмене Закона Божьего отрицательно отнеслось и большинство учащихся, и их родители. Возникшие после Февральской революции родительские комитеты по всей России дружно выступили в защиту этого предмета.

Вопрос о преподавании Закона Божия взволновал и Поместный собор, начавший работу 15 августа 1917 г. Был создан особый Отдел, рассматривающий вопросы, касающиеся преподавания Закона Божия. Мнения членов Отдела разделились. Одни полагали, что государству нужны нравственные граждане, и оно должно быть заинтересовано в сохранении Закона Божия в школе. Они считали, что преподавание Закона Божия не может противоречить свободе совести – учение Христа должен знать любой образованный человек. Другая позиция членов Отдела состояла в том, что ученикам следует рассказывать о христианстве в связи с историей философских учений. В

56 Там же. С. 78.

57 Рыбников Н. Религиозная драма ребенка // Психология и дети. 1917. № 5 (сентябрь). С. 22.

58 Рубинштейн М.М. О религиозном воспитании // Вестник воспитания. 1913. № 1. С. 121.

конце концов, Отдел начал готовить протест против «Временного положения» с подробной мотивировкой, что давало возможность использовать эти материалы в будущем при подготовке альтернативного законопроекта.

Отдел остановился на проекте протоиерея Е.З. Капралова, настаивавшего, чтобы во всех учебных заведениях, где учатся дети православных родителей, преподавание Закона Божия было поставлено в одинаковые условия со всеми другими предметами школьного курса. Проект предусматривал отмену установленной законом нормы, позволяющей в 14-летнем возрасте менять конфессию или же объявлять себя человеком нерелигиозным. Прекратить изучение Закона Божия учащиеся могли бы лишь при оставлении ими православия в связи с выходом из православия их родителей.

С приходом к власти большевиков положение церкви ухудшилось. В декабре 1917 г. Комиссариат народного просвещения издал постановление, в котором подтвердил все акты Временного правительства, касающиеся перехода церковных школ в ведение Министерства образования. С 1 марта 1918 г. прекратилась выплата жалования законоучителям, в феврале 1918 г. отношение к церковной школе было сформулировано следующим образом: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Наконец, 24 августа 1918 г. появилась «Инструкция о проведении в жизнь Декрета об отделении церкви от государства», которая подтвердила запрет преподавания религиозных дисциплин во всех учебных заведениях. Принятая VIII съездом РКП (март 1919 г.) партийная программа говорила о том, что школа должна быть превращена «из орудия классового господства буржуазии в орудие <...> коммунистического перерождения общества». Таким образом, школьный учитель становился главным действующим лицом в деле всенародного перевоспитания.

В таких условиях Алексей Федорович Лосев подготовил и прочел доклад «О методах религиозного воспитания», представленный вниманию будущим педагогам, в котором, по мнению А.А. Тахо-Годи, выступил «как враг всяких механистических односторонностей, как принципиальный диалектик, для которого вера и разум, знание и вера едины»⁵⁹.

Начинает доклад Алексей Федорович с указания на неадекватность религиозного воспитания, в котором «проявилась вся глупость и безнадежное мещанство интеллигентских душ»,⁶⁰ и религии, которая воплощает принципы «мистической проникновенности», «творческой текучести чистого религиозного опыта» и «духовной телесности, основанной на просветлении конкретного животного инстинкта»⁶¹. Лосев считает, что на религиозное воспитание следует смотреть как на воспитание «всей цельной жизни в религиозном смысле», «аффективных и инстинктивных корней религиозного мира и богосознания» вообще и «как данных во всей животной конкретности инстинкта, просветленного, но не умаленного в своей животной конкретности»⁶². Далее Лосев предлагает свою периодизацию психического развития личности ребенка, где мы видим оригинально мыслящего психолога.

Возраст 6-7 – «возраст инстинктов», «период автоматизации и дрессировки, а не свободного творческого сознания», имеющий следующие стадии развития мышления и языка:

психика ребенка развивается от образования центров переживания через осознание их, сознание, что образ отражает действительность;

мышление ребенка: от степени чувственного образа до различения образа на суждения и понятия;

язык ребенка – от сочетания ритмических жестов с чувственным образом через слово до грамматических категорий.

⁵⁹ Лосев А.Ф. О методах религиозного воспитания. Публикация и комментарии А.А. Тахо-Годи // Вестник русского христианского движения. 1993. № 167. С. 83.

⁶⁰ Там же. С. 63.

⁶¹ Там же. С. 64-65.

⁶² Там же. С. 66.

Таким образом, в этом возрасте наблюдается эмоциональность, мифологизм мышления, психофизиологическое сопряжение символов. Из этого выводится метод воспитания: «семейные отношения, понимаемые в их интимной глубине и чревной близости к нам»⁶³, так как именно «в красоте и тайне семейных отношений кроется истинное познание Бога»⁶⁴. Если ребенок будет лишен этого, то, предостерегает Лосев, «трудные вывихи ожидают юную душу в 13-18 лет». В семье, окруженный любовью близких (особенно – матери) ребенок может почувствовать:

«1. *Любовь даже до смерти и до страдания*, не только до мук рождения, но, быть может, еще горьких мук воспитания и образования.

2. Ничто не волнует так взрослого, как *забота матери и страдания ее о ребенке*. Это она нуждалась и – воспитывала. Это она отдавала в школу и радовалась успехам. Это она ставила вас на колени перед образом и вы читали за ней “Отче наш” и “Богородицу”. Это ее вечно-милое и святое лицо улыбается вам в кроватку, и вы слышите ласковый голос ее всю жизнь. Что может уничтожить вас и унижить, если в душе живет ласка вечной матери и живое касание пресветлому телу вечности в Материнстве?

3. Что создает мелочность жизни? – Отсутствие узрения другого субъекта в личности и ее большого “я”. Всякая порочность и безобразие есть нечто божественное, но задавленное и искаженное. Мы и не видим этого божественного. Где же узреть личность? *Любовь* не всегда дается. Только сохранение в душе любви отцов и к отцам дает возможность разделить эмпирический и умопостигаемый характер. Из-за этого стоит жениться и выходить замуж»⁶⁵.

Именно в семейном воспитании из-за его конкретности закладываются основы нравственной стойкости на всю жизнь, те опоры личности, которые все следующее время держат человека «на плаву», дают ему жизнестойкость.

Возраст 7–12 лет – возраст привычек и внешних устремлений, когда происходит «переход от чувственности раннего детства к отвлеченному мышлению позднейшего детства»⁶⁶. Здесь необыкновенно важна обрядовая сторона религии, представленная в семье: «Пироги по воскресеньям. Родительское благословение перед путешествием, трудным делом. Молебен перед большим делом и т.д.».

Возраст 13–18 лет – «инстинкты и сознательно-критическая мысль» характеризуется такими религиозными переживаниями: «несколько разных типов религиозного Богочувствия; историко-психологическая концепция христианства; осознание себя в религиозной жизни человечества»⁶⁷.

Как же можно воспитывать вне семьи, когда влияние семейного воспитания может быть подкреплено школьным? Если соблюдать следующие принципы воспитания 6-7-летних детей: твердость и определенность материала, на основе данного извне, как факт, при этом внутренне-переживательного, то соединение всего этого дает материал историко-психологический. Все это комбинируется в историю религии, основанную на расширении внутреннего религиозного опыта и имеющую его своей целью. На следующем возрастном этапе, более уравновешенном, закрепляются все образования предыдущего возраста, но в 13-15/16 лет происходит приобретение нового религиозного роста на основе вновь пробуждающихся инстинктов, который закрепляется во внутреннем анализе в 16-18/19 лет. «Ясно, что должна быть некоторая философская дисциплина, своего рода философская пропедевтика.

1. Существующие формы философской пропедевтики *скудноваты и отвлеченны*.

2. Они дают *терминологию* и некоторую умственную выучку.

3. Однако их *безрелигиозный характер* мешает принять их в качестве настоящей философской пропедевтики.

4. Неоднократно приходилось выслушивать жалобы учеников на *отвлеченность* психологии: “Ну, какая же это психология”.

63 Там же. С. 67.

64 Там же. С. 68.

65 Там же. С. 68-69.

66 Там же. С. 69.

67 Там же. С. 70.

5. Не вполне годится и т.н. введение в философию, по – *безрелигиозности* и гуманистической светскости, и – отсутствию и часто даже боязни перед *самостоятельной системой философии*.

6. Поэтому, и здесь философская пропедевтика должна

1) *исходить из религиозного опыта* и

2) *приходить к нему*,

3) пройдя путь критического всматривания в глубину религиозного переживания и трепета.

Эта философская пропедевтика должна подвести, итоги *тысячелетним взаимоотношениям мистики и безрелигиозного сознания*»⁶⁸.

В своем выступлении Лосев умело сочетает исторический материал, «проблемы православного богословия, религиозный опыт, практику школьного педагога, труды по детской психологии, русскую классическую литературу с ее религиозными исканиями, материалы античной мифологии, философии и поэзии»⁶⁹.

Тревога молодого ученого по поводу отсутствия религиозного воспитания и в семье и в школе вполне понятна. До 1917 г. во множестве учебников психологии для гимназий выделялось в содержании отдельным пунктом «Религиозное чувство», авторы учебников по-разному давали описание его, но одним из лучших был учебный материал учителя А.Ф. Лосева – профессора Г.И. Челпанова: «Словами “религиозное чувство” обозначается та группа чувств, которые связаны с представлениями о Боге, о сверхчувственном Мире. Человек, размышляя об устройстве Мира, видит, что величие и красота Мира могут быть объяснены только в том случае, если допустить, что он создан могущественным Творцом, а мудрое устройство Мира можно понять только в том случае, если признать, что миром правит мудрый Правитель. Таким образом, возникает представление о Боге, как о Творце и мудром Правителе Мира.

Представление о Боге, как о Творце и Правителе Мира, связывается с представлением высшего совершенства: Бог есть существо всемогущее, премудрое, бесконечно благое. Такое представление вызывает в человеке чувство *благоговения* к Богу. Уверенность в том, что мудрый Правитель Мира ведет Мировую жизнь к осуществлению нравственного совершенства, соединяется с надеждой на то, что эта мировая цель осуществится и в единичной личности, и что Бог руководит деятельностью человека, что Бог заботится или “печется” о нем. Вера в это вызывает в религиозном человеке чувство *благодарности* и чувство преданности воле Божьей. Уверенность в том, что Бог печется о благе человека, порождает в нем также надежду на продолжение существования единичной личности или веру в бессмертие души.

Чувства благоговения, благодарности, преданности соединяются в одно общее чувство: *чувство любви к Богу*»⁷⁰.

С начала 1920-х гг. из учебных программ гимназий совсем убрали и психологию, и философскую пропедевтику. В различных классификациях эмоций исчезло как психическое явление и «религиозное чувство» вместе с «чувством спокойствия совести» и «чувством утрызения совести», «чувством собственного достоинства», «чувством чести»⁷¹...

Молодым ученым была дана своеобразная периодизация возрастного развития личности, основанная на формировании религиозного сознания, которое, по Лосеву, является основным критерием цельности нравственной личности. Доклад Алексея Федоровича основан на его собственном опыте воспитания безрелигиозных детей, «которое он сам испытал на внимательном изучении с ними художественной литературы, в личном общении и спорах. Он свидетель того, как его безрелигиозные ученицы благоговели перед тайной и начинали прислушиваться к учителю. Так он обратил в веру свою любимую ученицу, ...привлекая ее внимание к “потoku сознания” Джемса, другую ученицу..., читая с ней Карамзина, “бедную Лизу”;

68 Там же. С. 75.

69 Там же. С. 85.

70 Челпанов Г.И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). Москва – Петербург – Харьков. 15-е издание. 1918 г. С. 169.

71 Гобчанский И. Опытная психология в двух частях. СПб, 1901.

третью – на поэзии Тютчева и таким методом – многих. Главное, считал молодой воспитатель душ, – “личная убежденность и вера в свое дело и его правоту”»⁷².

Через год, в 1922 г., петроградский философ А.И. Введенский, весьма уважаемый Лосевым, публикует статью «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом»⁷³, основные мысли которой во многом перекликаются с положениями в докладе А.Ф. Лосева. В числе причин, поддерживающих сохранение веры в Бога, А.И. Введенский называет наличие чуткой совести: «Совесть требует, чтобы мы относились к человеку, как к чему-то священному, чтобы мы уважали человеческую личность. Поэтому совесть запрещает нам обращаться с людьми, как только с выгодным для нас средством, и ни в коем случае не позволяет убивать их ради наших удобств или ради нашей выгоды, как это мы делаем с животными. Если же мы отвергнем существование Бога, то приходится также отвергнуть бессмертие человеческой души <...> если в человеке нет бессмертной души, то чем же он отличается от животных?.. чуткая совесть бунтуется против такого приравнивания человека к животному. Поэтому она бунтуется и против атеизма с его отрицанием бессмертия души»⁷⁴.

И еще одну причину веры в Бога называет А.И. Введенский: «Картина вселенной, которая рисуется верующими в Бога, гораздо привлекательнее с эстетической точки зрения, гораздо красивее, отличается большей цельностью и закругленностью, чем картина, создаваемая атеистом»⁷⁵.

Закрытие историко-филологического факультета

Еще в конце 1920 г. вышел Декрет СНК № 503 «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР», где говорилось: «В виду крайней устарелости учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР, а также совершенной непригодности этого преподавания к основным потребностям советского строительства Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Образовать при Народном Комиссариате по Просвещению Комиссию (в составе т.т. Боголепова, Бухарина, Быстрянского, Волгина, Гойхбарга, Ларина, Лукина, Мархлевского, Покровского, Радека, Ротштейна, Скворцова и Фриче) для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики...

<...> Комиссии вменяется в обязанность не позднее 15 января 1921 г. представить через Государственный Ученый Совет при Народном Комиссариате Просвещения на утверждение Совета Народных Комиссаров:

1. Новые учебные планы факультетов и отделений, посвященных преподаванию общественных наук, а равно детально разработанные программы основных теоретических курсов по соответствующим дисциплинам.

2. Списки лиц, коим может быть поручено преподавание общественных наук по новым планам и программам.

19 ноября 1920 г.»⁷⁶.

Слухи о новых преобразованиях высшей школы, уже ходившие среде профессоров и преподавателей, воплотились в конкретном документе – Декрете СНК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов». Вот его текст:

«1. Факультеты общественных наук имеют своей задачей создание кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства.

2. В нормальный состав факультетов общественных наук Российских университетов входят отделения: экономическое с циклом: организации промышленности, труда, снабжения и

⁷² Тахо-Годи А.А. Лосев. С. 62.

⁷³ Мысль и Слово. Философский ежегодник под ред. Г.Г. Шпета. СПб., 1922. № 2. С. 1-20.

⁷⁴ Там же. С. 15.

⁷⁵ Там же. С. 17.

⁷⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 93. С. 497.

финансово-административным; правовое с циклом: судебным и административным; общественно-педагогическое с циклом: школьным и внешкольным...

<...> 4. Исторические и филологические отделения факультетов Общественных Наук при Российских университетах с 1-го мая 1921 г. упраздняются...»⁷⁷.

И в связи с этим устанавливался общий научный минимум, обязательный для преподавания во всех высших школах РСФСР:

«а) По общественным наукам.

1) Развитие общественных форм (1 триместр по 4 часа).

2) Исторический материализм (1 триместр по 2 часа).

3) Пролетарская революция (исторические предпосылки переворота, включая империализм; его формы и история в связи с историей 19-20 века вообще и рабочего движения в частности (3 триместра по 2 часа).

4) Политический строй РСФСР (1 триместр по 2 часа).

5) Организация производства и распределение в РСФСР (1 триместр по 2 часа).

6) План электрификации РСФСР, его экономические основы, экономическая география России, значение и условия осуществления плана (2 триместра по 2 часа).

Примечание. Настоящий минимум по общественным наукам читается во всех отделениях всех высших школ кроме ФОН, на которых входящие в минимум предметы читаются в расширенном виде»⁷⁸.

Очевидно, что классическую филологию, философию, логику, психологию и другие дисциплины потеснили в пользу новых предметов. Однако оставалась надежда, что, несмотря на близкое закрытие историко-филологических факультетов, преподавателям будет, куда применить свои знания и силы – страна нуждается в подготовленных преподавателях русского, новых и местных и восточных языков, и историки могут найти применение в общественных науках.

Слухов было много, в том числе – о переводе гуманитарного (или как тогда говорили, теоретического) цикла наук в педагогический институт, но власти все не предпринимали никаких конкретных действий по судьбе факультета, а уже наступила весна, и надо было определяться с учебными планами на будущий учебный год.

Сначала, 23 марта 1921 г. на историко-филологическом факультете упразднили библиотеку: на заседании историко-филологического факультета Алексей Федорович Лосев как заведующий факультетской библиотекой и представитель в Библиотечной комиссии НГУ зачитал акт о передаче библиотечных фондов в фундаментальную, общеуниверситетскую⁷⁹, согласно распоряжению учебного комитета от 21 марта 1921 г. Через два дня книги были переданы.

Затем, в конце апреля нижегородских профессоров и преподавателей ознакомили с Декретом СНК от 4 марта этого года «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» и дополнением от 18 апреля: «Историко-филологические Факультеты, а равно исторические и филологические отделения факультетов общественных наук при Российских Университетах с 1-го июня с. г. упразднить»⁸⁰.

Преподаватели, профессора и студенты – все пребывали в растерянности, ведь «реорганизация преподавания наук общественно-исторических и словесных могла быть совершена без подобного толчка и перерыва, так как и без того трудна академическая и педагогическая работа при большом отсутствии сил и средств»⁸¹. Они предложили организовать в первую очередь общественно-педагогическое и художественно-литературное отделения на новом факультете – при наличии имеющихся педагогических сил это было вполне возможно. Так как четких распоряжений от Наркомпроса еще не поступало, то решили самостоятельно начать посильную предварительную работу по реорганизации факультета: «войти в контакт с другими имеющимися педагогическими силами в Нижнем Новгороде», узнать, какие работники в области обществоведения и историко-

77 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1. 1921. №№ 1-80. С. 111.

78 Там же. С. 111.

79 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. Л. 22 об.

80 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1. 1921. № 1-80. С. 194.

81 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. Л. 30.

социального цикла есть в Губотнаробе (губернский отдел народного образования), во внешкольном отделе Института Народного Образования и какие из них могут работать в качестве преподавателей будущего факультета. Это было необходимо потому, что на факультете общественных наук, на отделениях общественно-педагогическом и литературно-художественном, предполагалось готовить преподавателей истории и литературы. Факультет решил «выйти в Учебный Комитет и Большой Совет с предложениями, чтобы, во-первых, историко-филологический факультет переименовался в факультет общественных наук, и, во-вторых, было возбуждено ходатайство перед Центром об открытии с 1 июня 1921 г. факультета общественных наук в Нижегородском государственном университете и также литературно-художественного отделения при нем, ибо сходство научных дисциплин историко-филологического факультета с дисциплинами факультета общественных наук дает возможность начать работы на вновь открываемом факультете с 1 июня сего года»⁸².

От преподавателей-москвичей ожидалась поддержка в виде сбора сведений о том, как осуществляется решение декрета в Московском и других университетах.

16 мая, на заседании Большого Совета НГУ, состоялась реорганизация историко-филологического факультета. Студенчество, преподавательский состав и президиум факультета без исключения и изменения вошли в состав факультета общественных наук. На первом заседании нового факультета 18 мая решили просить ректора ходатайствовать в Главпрофобре об утверждении открытых отделений – общественно-педагогического и литературно-художественного, а также «просить Ректора войти в сношения Губполитпросветом по обеспечению преподавательскими силами преподаваемых предметов “Советской конституции”, “Научно обоснованного марксизма”, “Финансового бюджета России”, “Истории социализма” и “Истории революционного движения в России и на западе”»⁸³.

Вскоре ректор Нижегородского университета профессор А.А. Завадский поехал в Москву для «переговоров с властями о положении факультета общественных наук при НГУ», где выяснил, что в предстоящем учебном году этот факультет не будет открыт, студенты-первокурсники будут распущены, а студенты 2-го и 3-го курсов могут быть размещены по другим университетам, но некоторым студентам будет возможно окончить курс обучения в текущем учебном году.

На этом же заседании дважды выступал Алексей Федорович Лосев. Он просил, чтобы «факультет оказал ему содействие в обратном получении книжного имущества, национализированного у него на родине в Каменской, Донской области, ходатайствуя об этом в Каменский Совет рабочих депутатов Донской области»⁸⁴. Вероятно, это был результат действия Декрета СНК «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» от 20 апреля 1920 г.:

«1. Все запасы книг и иных печатных произведений (за исключением библиотек), принадлежащие как частным лицам, так равно кооперативным и всяким другим организациям и учреждениям, а равно и муниципализированные Советами, объявляются собственностью Государства (национализируются).

2. Проведение в жизнь настоящего декрета возлагается в центре на Народный Комиссариат по Просвещению, а на местах на Президиумы Исполнительных Комитетов, которые обязуются образовать на местах Комиссии в составе 3-х лиц, по одному представителю от Отдела Народного Образования, Рабочей и Крестьянской Инспекции и Отдела Управления.

3. Владельцы книг и кооперативные организация, виновные в сокрытии запасов книг и иных печатных произведений, предаются суду. Той же ответственности подлежат домовые комитеты и представители комитетов служащих и рабочих»⁸⁵.

Высказался Лосев и по поводу учебных курсов, читаемых им в данный момент или предполагаемых для чтения в следующем учебном году. Как необходимые курсы он отметил: «историю античных мировоззрений, семинарий по этому курсу, введение в эстетику».

82 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. ЛЛ. 31-32.

83 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. Л. 38.

84 Там же.

85 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 43. С. 394.

Возможными для себя указал: «историю греческой литературы, семинарий к этому курсу, историю эстетических учений, педагогику, трудовую школу, историю античной литературы». Невозможными – «все, связанное со специальным рассмотрением экономической и правовой жизни, в особенности, в изолированном от прочей культуры виде»⁸⁶. Его заявления были приняты к сведению.

Последнее заседание президиума факультета общественных наук – бывшего историко-филологического факультета произошло 27 июля 1921 г. Декан профессор В.А. Волошинов доложил результаты поездки в Москву в Главпрофобр, где он пытался выяснить ситуацию с ликвидацией историко-филологического факультета и организацией нового факультета. Итоги были печальны: «а) факультет общественных наук в НГУ в предстоящем академическом 1921 – 22 году открыт не будет и, если когда-нибудь и последует его открытие, то лишь с одним экономическим отделением и при наличии преподавательских сил; б) положение факультетов общественных наук, вообще, не прочно; в) вся ликвидация историко-филологического факультета должна быть закончена 1 августа сего года, никакая отсрочка не будет дана; <...> и) педагогическому персоналу факультета предоставить возможность поступить на службу в другие учебные заведения, например, в Нижегородский Институт Народного образования»⁸⁷.

Имущество историко-филологического факультета, вместе с бережно собиравшимся психологическим кабинетом передали на биологический факультет.

В конце концов, все преподаватели разошлись и разъехались на летние каникулы, не представляя, что же будет дальше. С началом нового учебного года часть из них трудоустроилась на имеющиеся факультеты Нижегородского государственного университета или в Институт народного образования. А.Ф. Лосев, его коллеги-москвичи Н.В. Петровский и П.С. Попов не возвращались в Нижний Новгород, так как работы здесь не было, никто ничего не предлагал. Увольнение их произошло обыденно, приказом № 408 по Нижегородскому государственному университету от 8 ноября 1921 г. «Профессора А.Ф. Лосев, Н.В. Петровский, П.С. Попов увольняются от должности профессора за неприбытием к исполнению служебных обязанностей с 17 октября, о чем сделать надлежащее распоряжение. Ректор Завадский»⁸⁸.

Так закончился короткий (всего два года!), но яркий период пребывания Алексея Федоровича Лосева в Нижнем Новгороде. Его педагогическая деятельность проходила в стенах историко-филологического факультета университета и в Институте Народного образования, куда пришли сотни молодых людей – голодных, плохо одетых, малообразованных, но со страстным желанием учиться. Молодой профессор преподавал им замечательный образец гуманитарного и гуманистического знания, унаследованный им от преподавателей Московского университета. Научная деятельность Алексея Федоровича за эти два года, как нам видится, была только подготовкой к тем большим творческим вершинам философии, которые уже к концу 20-х годов завоюют сердца и умы тех, кто умел ценить Знание и Культуру. Но все же, можно с гордостью сказать, что именно в Нижнем Новгороде, в эти сложные годы жизни, Лосевым была написана психолого-педагогическая работа «О религиозном воспитании» с оригинальной классификаций возрастного развития, к сожалению, пока не оцененная педагогами и психологами. Именно в ней он явил себя как психолог религиозно-философского, или духовного, направления психологии⁸⁹, продолжатель традиций Н.О. Лосского, В.И. Несмелова, В.В. Розанова, И.И. Лапшина, Л.М. Лопатина, С. и Е. Трубецких и других русских ученых духовной ориентации.

В.П. Троицкий

86 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. Л. 53 об.

87 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 844. Л. 57об.; там же – Д. 837. Л. 86.

88 ЦАНО. Ф. 377. Оп. 2. Д. 958. Л. 39.

89 Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.

Автограф А.Ф. Лосева на книге, подаренной Г.Г. Шпету

На заседании семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы», проходившем в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» 9 марта 2010 г., московский коллекционер Александр Владимирович Шургаия представил публике экземпляр книги А.Ф. Лосева «Античный космос и современная наука» (1927) с автографом автора. Книга была приобретена им у одного из московских букинистов. Пользуясь любезным разрешением обладателя книги А.В. Шургаия, мы публикуем данный инскрипт с необходимым комментарием:

Глубокоуважаемому
Густаву Густавовичу Шпет
от автора.

Οὐτέ σε νεικέϊω περιώσιον οὔτε κελεύω:
οἷδα γὰρ ὥς τοι θυμῷς ἐν στήθεσσι φίλοισιν
<ῆ>πια δὴνεα οἷδε: τὶ γὰρ φρονέεις ἅ τ' ἐγὼ περ.
<ᾶ>λλ' ἴθι τὰτα δ' ὀπίσθεν ἀρεσσόμεθ' εἴ τι κακῶν νᾶν
<εῖρ>ηται, τὶ δὲ πάντα θεοῦ μεταμῶνια θεῶεν.
(Homer. Il. IV 360–364⁹⁰)

А. Лосев

Москва. 16 окт. 1926 г.

Приводим перевод Н.И. Гнедича соответствующих стихов из «Илиады»:

Я не упрекнов отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о друг! А когда что суровое сказано ныне,
После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!

В данном эпизоде из IV книги «Илиады» звучат слова царя Агамемнона, обращенные к Одиссею.

Автограф относится ко времени работы А.Ф. Лосева в Государственной академии художественных наук (ГАХН), вице-президентом которой был, как известно, Г.Г. Шпет (1879–1937). Возглавляя также Философское отделение академии (образовано в 1922 г.), Шпет во многом определял как теоретические рамки, в которых разворачивались разнообразные исследования в ГАХН, так и направленность практической и экспериментальной деятельности многочисленных научных лабораторий и комиссий. В свою очередь, А.Ф. Лосев работал в Философском отделении в ряде его научных подразделений, в том числе в комиссиях по форме, по изучению эстетических учений, по изучению художественной терминологии и др. В 1927 г. вышли в свет четыре книги А.Ф. Лосева, из которых по меньшей мере три – «Философия имени», «Диалектика художественной формы» и «Музыка как предмет логики» – по своей тематике и содержанию вполне соответствовали занятиям в Академии, а название последней из указанных книг явственно корреспондировало с названием известной работы Шпета «История как проблема логики». Автограф красноречиво свидетельствует о близости творческих поисков двух философов («ты одинаково мыслишь со мною») и одновременно констатирует определенные трудности в их общении («когда что суровое сказано ныне»).

Публикуемый автограф не единственная дарственная надпись Шпету – в книге А.А. Тахо-Годи «Жизнь и судьба. Воспоминания» (М., 2009) со ссылкой на свидетельство С.Б. Джимбинова приводится дарственная надпись Шпету на лосевской книге «Диалектика художественной формы» с еще одним фрагментом из гомеровской «Илиады» (см. с. 347–349).

90 В автографе описка. Должно быть: IV 359–363.

Обращает на себя внимание датировка инскрипта: 16 октября 1926 г. Выходные данные на обложке экземпляра книги «Античный космос и современная наука» – 1927 г. – входят в некоторое противоречие с этой датой. Вопрос снимается, если предположить, что тираж данной книги (или какая-то его часть) действительно появился осенью 1926 г. Подобной гипотезе вполне благоприятствует тот факт, что известен еще один автограф А.Ф. Лосева с близкой датировкой и тоже на экземпляре книги «Античный космос и современная наука» (хранится в домашней библиотеке А.Ф. Лосева и печатается с разрешения А.А.Тахо-Годи): «Глубокоочтимому и дорогому учителю Николаю Ивановичу Новосадскому преподносит сей труд с любовью и с вечной благодарностью А. Лосев. Москва. 11 окт. 1926 г.».

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 08-03-00127а

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Джордж Клайн (США)

Заметки о В.В. Зеньковском и его Собрании сочинений

В 1936 г. В.В. Зеньковский опубликовал сердечный некролог о своем почитаемом и любимом учителе Г.И. Челпанове (1862–1936), семинары которого по философии и психологии в Киевском университете он вспоминал как во всех отношениях «образцовые»⁹¹. Мы должны помнить, что в 1936 г. сталинские репрессии снизили философскую культуру в Советской России до примитивной марксистско-ленинской карикатуры и эффективно раздавили «свободное философское творчество». Двое из трех наиболее творческих русских философов этого времени Густав Шпет (1879–1937) и Павел Флоренский (1882–1937) уже замолчали в сталинском ГУЛАГе, где вскоре погибли. Третий философ Алексей Лосев (1893–1988) был в 1930 г. осужден на 10 лет лагерей, но освобожден по инвалидности в 1933 г. Тем не менее, Лосев полностью замолчал и был лишен возможности публиковать свои научные работы в последующие двадцать лет.

Зеньковский хорошо знал культурную бесплодность и интеллектуальную нищету советской философии в 1936 г., хотя ему не была известна ужасная судьба Шпета, Флоренского и Лосева. Эти подробности стали известны уже после смерти Зеньковского.

Но Зеньковский был уверен, что цветущая философская культура и свободное философское творчество, в конце концов, будут восстановлены в России. Он завершает некролог Челпанова следующими оптимистическими словами: «Когда для России вновь вернется возможность свободного философского творчества, вновь восстанет философская культура, имя Г.И. Челпанова, как неумолимого борца и деятеля философской культуры, будет всегда поминаться с любовью и благодарностью»⁹². И, действительно, это произошло вместе с полезными и прекрасными статьями В. Умрихина и А. Ждана, опубликованными в Москве в 1990-е гг.

Конечно, возникает вопрос о том, была ли у Зеньковского такая же уверенность относительно своих трудов, что они будут приветствоваться и изучаться в постсоветской России, а его имя будет произноситься свободными русскими философами «с любовью и благодарностью». Этот вопрос никогда не возникал в наших разговорах с Зеньковским в Париже в 1950-х гг. и в нашей переписке с 1950 по 1962 г.⁹³ Но, по моему личному ощущению, он был уверен в этом.

Во всяком случае, я уверен, что Зеньковский был бы рад и благодарен, если узнал, что в Москве с 2001 г. есть Общество историков русской философии имени В.В. Зеньковского, что шесть его книг опубликованы в России⁹⁴, а его «История русской философии» переиздавалась несколько раз с 1991 по 2004 г.⁹⁵ С другой стороны, он, возможно, захотел бы, чтобы новые издания его «Истории русской философии» сохранили именной и предметный указатель первого парижского издания⁹⁶ и чтобы была исправлена грубая опечатка издания 1948 г., где напечатано «О возрождении нравов в России» вместо «О повреждении нравов в России» кн. Щербатова. По крайней мере, в издании

91 Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2008. С. 159.

92 Там же. С. 162.

93 В 1953 г. вышел полный перевод 2-томной «Истории русской философии» В. Зеньковского на английский язык, сделанный Дж. Клайном (примеч.ред.).

94 «Психология детства» (М., 1996), «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (М., 1996), «Педагогика» (М., 1996), «Идея православной культуры» (М., 1997), «Основы христианской философии» (М., 1997), «Русские мыслители и Европа» (М., 1997).

95 Три издания: Л., 1991 (Составитель А.В. Поляков); М., 2001; Ростов-на-Дону, 2004.

96 Ленинградское издание 1991 г. сохранило именной и предметный указатели, тогда как в московском и ростовском изданиях 2001 и 2004 гг. они опущены.

2004 г., что я держал в своих руках, опечатка осталась неисправленной (Т. 1. С. 103), так что я боюсь, что она не исправлена и в других изданиях 1991 и 2001 гг.

Но, конечно, Зеньковский еще больше бы обрадовался, если узнал, что его труды бережно собраны в Собрании сочинений, из которого первые два хорошо подготовленных тома вышли в 2008 г. Он бы с удовольствием прочитал ясную, информативную и прекрасную вступительную статью Олега Ермишина к 1-му тому и аккуратные примечания, которые содержат необходимую информацию о людях, книгах и журналах, упоминаемых Зеньковским.

Хотя, конечно, я не могу говорить за Зеньковского. Я осмелюсь только предположить, что Зеньковский разделял бы мою радость и благодарность за теплый и щедрый прием, что он получил в последнее время в России, где произошло окончательное возвращение нормальной философской культуры и свободного философского творчества.

г. Андерсон (Южная Каролина)

14 февраля 2010 г.

Перевод с английского О. Т. Ермишина

С.В. Яковлев

Николай Кузанский в творчестве А.Ф. Лосева

Несмотря на то, что жизнь и деятельность кардинала Николая Кузанского относятся к XV в. (1401–1464), внимание исследователей к его трактатам было привлечено только во второй половине XIX века – в фундаментальном трехтомном энциклопедического характера труде Фр. Ибервега «Очерки истории философии» (1863–1866) и в обобщающей работе В. Виндельбанда «История философии» (1892). В начале XX в. (1906) начинается издание четырехтомного труда «Проблема познания в философии и науке Нового времени», в первом томе которого значительное место уделено философии Николая Кузанского. Это объемное исследование принадлежит перу Э. Кассирера – ученика основателей «марбургской школы» неокантианства Г. Когена и П. Наторпа.

В России к жизни и творчеству Кузанца обратился, по всей видимости, одним из первых, Вл. Соловьев. Ему принадлежит статья «Николай Кузанский» (90-е годы XIX в.), написанная для энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона и содержащая, кроме необходимых биографических данных и перечня основных трактатов, кратчайшее описание главных принципов философских построений Кузанца. В своей книге «Столп и утверждение истины» (1914) о. Павел Флоренский, исследуя проблему противоречия (антиномии), затрагивает учение о совпадении в Боге противоположных определений (*coincidentia oppositorum*), а самого кардинала Николая Кузанского называет «глубоким и творчески-мощным представителем антиномизма»⁹⁷. В 1915 г. в Петрограде была издана книга С.Л. Франка «Предмет знания» (в ее основу была положена магистерская диссертация), в которой была предпринята весьма успешная попытка серьезного анализа основных особенностей философии Николая Кузанского⁹⁸ с опорой на тексты, изданные в 1514 г. в Париже. Исследуя в своем труде основную гносеологическую проблему, касающуюся самой возможности знания, Франк неоднократно обращался к произведениям Кузанца, пытаясь вслед за ним мыслью проникнуть в «рай совпадения противоположностей». В одном из современных исследований высказывается предположение о том, что решающую роль в пробуждении интереса к творчеству Кузанца у Франка сыграли именно марбургские неокантианцы, произведения которых Франк хорошо знал и высоко ценил⁹⁹. Как бы то ни было, позднее, в предисловии к работе «Непостижимое» (Париж, 1939) Франк проникновенно и с глубокой искренностью назовет Николая Кузанского – «мой единственный учитель философии», а саму свою работу охарактеризует как «систематическое развитие его [Николая Кузанского –

⁹⁷ Флоренский Павел свящ. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 156–157.

⁹⁸ Один из разделов этой книги специально посвящен изучению проблемы т.н. онтологического доказательства у Николая Кузанского (Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Минск – М., 2000. С. 582–588).

⁹⁹ См.: Гайденок П.П. Вл. Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 256 (прим. 38).

С.Я.] умозрительного выражения вселенской христианской истины»¹⁰⁰. И наконец, философии Кузанца посвящен один из параграфов (XI) главы об апофатическом богословии в труде С.Н. Булгакова «Свет невечерний» (1917), причем большую часть этого параграфа занимают латинские цитаты из трактатов Николая Кузанского и их переводы на русский язык.

Философское наследие кардинала Николая Кузанского интересовало А.Ф. Лосева в течение довольно долгого времени, начиная с одной из первых его монографий – работы «Античный космос и современная наука» (1927)¹⁰¹. До трагических событий 1930 г. (арест и конфискация рукописей) Лосеву удалось написать отдельную работу, посвященную философии Николая Кузанского¹⁰², а также осуществить перевод как минимум одного из его трактатов на русский язык (при аресте был изъят машинописный перевод трактата «О неинном»). Отдельные стороны диалектики Кузанца были проработаны А.Ф. Лосевым в комментариях к выполненным им переводам трех трактатов для публиковавшегося в 1937 г. сборника «Николай Кузанский. Избранные философские сочинения». Через несколько десятков лет (1978) вышла в свет объемная монография «Эстетика Возрождения», в которой отдельная глава специально посвящена исследованию философии Кузанца.

В общем контексте исследования античных учений о космосе (мироздании) в работе «Античный космос и современная наука» при анализе текстов Платона, Плотина, Прокла и других древнегреческих мыслителей Лосевым привлекается и теоретическое наследие Николая Кузанского как в качестве иллюстративного, поясняющего материала (в Примечаниях к основному тексту), так и для указания тех направлений развития мысли, которые остались незатронутыми в ходе основного исследования. Лосева интересовала в первую очередь «диалектическая структура» анализируемого космоса (поскольку, с точки зрения Лосева, именно диалектика, во-первых, представляет собою логическую сторону бытия, а во-вторых, обеспечивает в общем случае искомую связь познающего мышления и познаваемого предмета, обосновывая тем самым саму возможность познания), и потому особое внимание он уделил специфике диалектики в трактатах Кузанца.

Важным тезисом, во многом объясняющим основную задачу диалектики, для Лосева является следующее утверждение: «Диалектика говорит только об одном – если есть предмет, то как он мыслим?»¹⁰³, другими словами, диалектика занимается условиями самой по себе мыслимости, принципами мышления как такового, и потому не менее важным является и указание сферы преимущественной применимости диалектики, или, другими словами, «самосознательного самоположения разума»¹⁰⁴ – сферы так называемого «чистого мышления».

Одна из специфичных для анализируемой Лосевым неоплатонической диалектики особенностей заключается в указании принципа единства предмета, предполагающего исходный момент, в который предмет и его смысл еще не выделены, как не выделено еще и само их отличие, и только на основании такого вот единства-без-различия возможно последующее соотнесение предмета и его смысла. Такая особенность свойственна неоплатоническому Первоначалу

100 Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 184.

101 Об отношении Лосева к Николаю Кузанскому см.: Яковлев С.В. «“Античный космос” А.Ф. Лосева и учение о максимуме Николая Кузанского» // Лосевские чтения. Материалы научно-теоретической конференции «Цивилизация и человек: проблемы развития». Южно-Российский государственный технический университет. Новочеркасск, 2004. С. 18–23; Тахо-Годи Е.А. О восприятии Николая Кузанского А.Ф. Лосевым: новые архивные материалы к теме // Наследие Николая Кузанского и традиции европейского философствования (Verbum. Вып.9). СПб., 2007. С. 235–252 (переиздан в 2007); Шталь Х. «Единое» Платона – корень «неинного» Николая Кузанского? Статья Алексея Лосева о трактате «De li non aliud» // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 106–121.

102 Работа о Николае Кузанском, упоминаемая не только в лагерных письмах к В.М. Лосевой, но и в Предисловии к «Истории эстетических учений», датированном декабрем 1934 года (Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 331), была сдана в типографию г. Тверь незадолго до ареста А.Ф. Лосева. Ее сохранившийся фрагмент опубликован в юбилейном издании: Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П. «А.Ф. Лосев – философ и писатель» (М, 2003. С. 326–345).

103 Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 70.

104 Там же. С. 93.

(Первоединому), превышающему не только мыслимость, но и само существование (и потому сверх-мыслимому и сверх-сущностному). Определенные черты сходства с этой неоплатонической доктриной можно обнаружить и в учении Николая Кузанского о наибольшем из всего и всё превосходящем, которое он называет максимальным, или максимумом.

Это учение в самых общих чертах можно представить следующим образом¹⁰⁵. Кузанец в трактате «Об ученом незнании» («De docta ignorantia», 1440) исходит из вполне очевидного утверждения: наибольшим называется то, больше чего ничего не может быть. Значит, наибольшее (максимум) превосходит всё, что может быть сравнимо (и соотнесено) по великости в силу ограниченности. Следовательно, и сами ограничения, предполагающие противоположение, тоже превосходятся максимумом и, в силу этого, сам максимум выше всякого противоположения и любой изменчивости. При этом максимум охватывает не только все возможные противоположности (утверждения и отрицания), но и самый принцип противоположения, являясь, следовательно, их простым (не составным) и единым источником, в котором они совпадают еще до своего соотнесения и противоположения, поэтому он есть всё, что только может быть. В силу этого он заключает в себе существование всего, следовательно, всё получает это существование от него. Максимум не может быть ничем ограничен и определен, но всё, что есть или может быть, определяется им самим. Поэтому в силу его всеохватности всё, что есть, в той или иной степени подобно ему, так как он – так или иначе – проявляется во всем. Поэтому всё, что получило свое существование и определение от максимума, рассмотренное с точки зрения единства, есть не что иное, как конкретно определившийся максимум (условно говоря второй максимум). И, наконец, раз максимум нельзя ничем определить, значит, к нему неприменимы в качестве определений наименования, используемые для сферы ограниченного (хотя они допустимы в качестве несовершенных и относительных, в силу своей неполноты, имен). Истинное же максимальное имя максимума может постигнуть только максимальный ум.

Указание Николая Кузанского на специфику совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) примечательно в том отношении, что именно оно сдерживало натуралистические тенденции, не допуская их в сферу чистого мышления. Аналогичные требования в качестве специфичной черты неоплатонической диалектики неоднократно встречаются и в «Античном космосе» (например, при анализе категории материи). Иные типы мышления вполне могут допускать перенесение указанного принципа в сферу предметной действительности (как это, например, произошло у Джордано Бруно, на что сделал очень серьезное и важное указание В.Ф. Асмус в своей работе «Диалектический материализм и логика»¹⁰⁶, опубликованной в 1924 г.), но в «Античном космосе» они подробно не рассматривались.

Античная диалектика совершенно неумолимо указывала на то, что постепенное возвышение мысли подводит нас к не-мыслимости, к необходимости признать отсутствие всяких качеств у рассматриваемого в своей абсолютности Первоначала – Одного. Но в то же самое время это Одно таит в своих глубинах и все свои качества, все возможности для своего проявления в них. Простое Одно – едино и, как таковое, превыше и существует до всех возможных различий и противоречий. Но в силу этого оно именно и является основой или источником для появления этих самых различий и противоречий. Утверждение и отрицание, имеющие свое значение только во взаимной соотнесенности, обладают «статусом» противоречия лишь благодаря своему изначальному единству – диалектическому совпадению, которое и лежит в основе практически всех построений античной диалектики. Именно на это положение Лосев обращает внимание читателей «Античного космоса», подчеркивая: «...закон противоречия только и возможен на основе закона диалектического совмещения противоречия»¹⁰⁷. Это же положение можно считать исходным и в философии Николая Кузанского, что подтверждается приводимыми Лосевым ссылками на тексты трактата «Об ученом незнании». Так, например, в указываемом Лосевым¹⁰⁸

105 Дальнейшие рассуждения изложены по первым главам трактата «Об ученом незнании», на которые ссылается А.Ф. Лосев в «Античном космосе». См.: Николай Кузанский. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 51–57, 72–76, 83–86.

106 См.: Асмус В.Ф. Избранные философские труды. В 2 т. Т.2. М., 1971. С. 433.

107 Лосев А.Ф. Античный космос... С. 119. Выделено автором – С.Я.

108 См.: там же С. 373.

фрагменте из 4-й главы трактата Кузанец развивает тезис о совпадении противоположностей в очень интересном направлении. А именно – раз в абсолютном максимуме противоположности «еще» совпадают, это означает то, что максимум, содержа (охватывая) в себе и то и другое, одновременно есть и то и другое, или, говоря словами Николая Кузанского, «абсолютный максимум пребывает в полной актуальности, будучи всем, чем он может быть»¹⁰⁹. В этих формулировках также можно увидеть аналогию с неоплатоническим учением Дамаския и Прокла, равно как и с утверждениями Псевдо-Дионисия Ареопагита. В связи с этим не исключено, что Лосев косвенным образом хотел обратить внимание читателей, с одной стороны, на реально осуществившуюся в трактатах Кузанца возможность плодотворного применения античной диалектики к осмыслению христианского религиозного опыта и, соответственно, мировоззрения в целом.

В главе «Имя и его диалектика» (в рамках анализа «тетрактиды А», то есть сущности) Лосев обосновывает особую – энергийную связь самой сущности и имени этой сущности¹¹⁰, утверждая: «имя сущности есть смысловая энергия сущности»¹¹¹, и, в качестве иллюстрации к этому тезису среди прочих текстов приводит латинскую цитату из трактата «Об ученом незнании», в которой затрагивается проблема именования Абсолюта. Николая Кузанского проблема именования интересовала в одном из своих аспектов, а именно – с точки зрения именования Абсолюта, чему и посвящены 24–26 главы первой книги трактата «Об ученом незнании». Внимание Лосева привлёк фрагмент 24 главы «Об имени Бога и утвердительной теологии», в котором Кузанец говорит о практической невозможности для обычного рассудка выйти за пределы противоположностей, чтобы охватить то, что превышает эти самые противоположности и предшествует им: имя максимума должно быть максимальным (потому и имя максимума есть максимум). Но, как пишет Кузанец, «поскольку имя Божие есть Бог (*nomine Deus sit Deus*), Его имя тоже знает только тот ум, который сам есть максимум и сам есть максимальное имя»¹¹². Николай Кузанский не стал в указанном месте подробно и детально анализировать принципы учения об именах (восходящего к Платону и неоплатоникам), ограничившись указанием различий между утвердительным (катафатическим) и отрицательным (апофатическим) методами богословия (опираясь на учение Псевдо-Дионисия Ареопагита), а также важным указанием на применявшийся в античности способ именования богов «исходя из отношения к творению», то есть с учетом интерпретации. Отметим, что затронутая Николаем Кузанским проблема имени Божия оказалась одной из центральных при решении вопросов философского обоснования почитания Имени Божия (ономатодоксии) в начале XX века. А.Ф. Лосев принимал самое активное участие в философской разработке этой темы в начале 20-х годов, о чем свидетельствуют опубликованные тезисы его докладов, посвященных этой теме, а также письмо (январь 1923 г.) о. Павлу Флоренскому с указанием на подготовленную Лосевым специальную работу по этим вопросам¹¹³.

109 *Николай Кузанский. Сочинения...* Т. 1. М., 1979. С.54.

110 Историко-философскому и диалектическому исследованию проблем имени и именования посвящена «Философия имени» (1927 г.), но в том или ином виде вопросы, связанные с этой проблемой, затрагиваются и в некоторых других произведениях, среди которых следует указать готовившийся к печати труд «Вещь и имя» (в настоящее время опубликованы 4 обнаруженные в архиве части из написанных пяти), небольшие по объему работы по истории и теории имяславия, а также доклады, тезисы докладов и заметки по этой тематике. Публикации: *Лосев А.Ф. Имя. Сочинения и переводы.* СПб., 1997; *Лосев А.Ф. Личность и Абсолют.* М., 1999. С. 225–376.

111 *Лосев А.Ф. Античный космос...* С. 156.

112 *Николай Кузанский. Сочинения...* Т. 1. С. 89.

113 Текст письма, прилагаемые тезисы об Имени Божием и черновик тезисов с исправлениями о. Иринее опубликованы: *Лосев А.Ф. Имя. Сочинения и переводы.* СПб., 1997. С. 56–61. Отметим, что тема, названная в письме к о. Павлу, «чисто философские тезисы имяславия» совпадает с сохранившимся заголовком пятой части работы «Вещь и имя» – «Философские тезисы ономатодоксии», что может свидетельствовать об объеме проделанной теоретической работы, результатом которой стала целая глава значительного по объему сочинения, каковым является «Вещь и имя» (в данном случае мы придерживаемся того мнения, что работу «Философия имени», по словам самого Лосева, написанную в 1923 г., вряд ли можно рассматривать как произведение, целиком направленное исключительно в защиту имяславия).

Привлекли внимание А.Ф. Лосева и использовавшиеся Николаем Кузанским геометрические аналогии. Так, в 11-й главе 2-й книги трактата «Об ученом незнании» рассматривается принцип сферичности, который, в соответствии с традиционным космологическим воззрением, лежит в основе устройства мироздания, и предполагает фиксацию какого-либо столь же принципиального центра этой сферы. Вывод, к которому приходит Кузанец, применяя в данном случае свою теорию максимума, отличается известного рода логичностью и, одновременно, неожиданностью для тех, кто еще не был знаком с этой теорией: признавая Вселенную максимумом (хотя и ограниченным – конкретным) и вместе с тем считая, что принципом ее строения является сферичность, приходится согласиться с тем, что она будет сферой с максимальным (бесконечным) диаметром. Но у бесконечной сферы диаметр будет совпадать с окружностью, точно также и центр этой самой сферы будет должен совпадать с окружностью, каковое условия вряд ли может быть соотнесено с каким-либо из существующих астрономических тел. Поэтому Кузанец считает: следует признать, что «как Земля не центр мира, так сфера неподвижных звезд не есть его окружность...»¹¹⁴, то есть принятая в качестве исходной принципиальная схема мироздания теряет физическую ограниченность и представлявшуюся ранее очевидной наглядность. Другими словами, мироздание имеет не физические границы, а ограничено на самом деле чем-то принципиально иным – тем, что не есть мироздание. Если не упускать из виду того, что в подлинном смысле слова, согласно предлагаемой теории, бесконечен только абсолютный максимум, можно согласиться с такой постановкой проблемы: «хотя этот мир не бесконечен, однако его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него нет пределов, между которыми он был бы замкнут!»¹¹⁵. Доводя до логического завершения использование геометрических аналогий в богословском аспекте понимания мироустройства, Кузанец пишет: «Кто центр мира, то есть Бог благословенный, тот и центр Земли, всех сфер и всего в мире; он же одновременно – бесконечная окружность всего»¹¹⁶.

Следующее обращение А.Ф. Лосева к философскому творчеству кардинала Николая Кузанского было связано с тем, что в 1935 г. Институт философии Академии наук, которым в то время руководил П.Ф. Юдин, обратился к Лосеву с предложением¹¹⁷ о переводе на русский язык нескольких трактатов Кузанца для последующего их издания в составе отдельной книги. Такое же предложение, по всей видимости, было направлено и С.А. Лопашову, взявшему на себя труд по переводу первой строго философской работы Кузанца – «De docta ignorantia». Результатом этой напряженной и кропотливой работы стала вышедшая в 1937 г. в издательстве «Соцэкгиз» книга «Николай Кузанский. Избранные философские сочинения», в которую вошли выполненные Лосевым переводы трех трактатов – «О неинном», «О бытии-возможности» и «Об уме» с краткими комментариями (в основном – филологического характера). Очерк жизни и деятельности Кузанца, как и комментированный перевод труда «Об ученом незнании», были сделаны С. Лопашовым. Чуть более сорока лет это издание было основным источником сведений о философии Николая Кузанского и единственной публикацией его трудов на русском языке. Отметим интересное обстоятельство: в архиве А.Ф. Лосева сохранился перевод трактата Николая Кузанского «De non aliud» («О неинном»), который в некоторых малозначительных деталях отличается от текста, опубликованного в издании 1937 г. Эти отличия вполне можно объяснить как редакторской правкой, так и дальнейшей авторской шлифовкой на стадии подготовки рукописи к печати, но некоторые обстоятельства¹¹⁸ позволяют предположить, что указанный перевод был практически подготовлен к изданию еще до ареста Лосева весной 1930 г. и предназначался для совершенно другого издания. В пользу этого предположения служит и упоминание в Предисловии к «Истории эстетических учений», датированном декабрем 1934 года: «Эта же позиция [страсть к виртуозности мысли – С. Я.] заставила меня любить Николая Кузанского, из которого я перевел самый

114 Николай Кузанский. Сочинения... Т. 1. С. 131.

115 Там же.

116 То же. С. 132.

117 См.: Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 1997. С. 241.

118 Машинописный экземпляр перевода с авторскими рукописными вставками иноязычных терминов был возвращен А.А. Тахо-Годи в 1995 г. из архива ФСБ вместе с другими материалами, изъятыми у Лосева при аресте в апреле 1930 г.

головоломный трактат, открывающий, однако, перспективу на всю новую философию с высоты зрелого и перезрелого средневековья, и которому посвятил тоже немалое сочинение, ныне наполовину утраченное»¹¹⁹. Приводимая характеристика «головоломный»¹²⁰ с полным основанием может быть отнесена к тексту трактата «О неинном», что и отмечалось Лосевым в примечаниях к изданию текста в 1937 г. Однако сделать окончательный вывод о времени и целях создания А.Ф. Лосевым перевода указанного трактата не представляется в настоящее время возможным.

Кроме этого перевода сохранился фрагмент (начальная часть какой-то значительной по объему рукописи), опубликованный в юбилейном издании «А.Ф. Лосев – философ и писатель» (2003) под условным названием «Николай Кузанский и антично-средневековая диалектика», также свидетельствующий о заинтересованности Лосева творчеством Кузанца. В изданном тексте встречаются неоднократные обращения к трактату «О неинном»¹²¹ и только к нему. Появление таких обращений в стройном лосевском изложении неоплатонической диалектики, на наш взгляд, можно было бы рассматривать как свидетельство возможной связи (например – включения в состав единой работы) имеющегося в архиве перевода и данного фрагмента.

Важной особенностью осмысления А.Ф. Лосевым творчества Кузанца в 30-е годы можно считать обращенность к специфике используемой в трактатах кардинала терминологии в аспекте ее своеобразия и возможных историко-философских параллелей. Об этих же особенностях терминологии, допускающих различные трактовки изложенного материала, в том числе и неоднозначные в плане оценки ортодоксальности автора, А.Ф. Лосев счел необходимым напомнить и при новом обращении к творчеству Кузанца – в своем труде «Эстетика Возрождения» и при переиздании переводов в составе двухтомника Николая Кузанского (изд. «Мысль», 1979–1980).

Рассматривая позицию Кузанца в вопросе о творческих способностях человека-творца в общем контексте переосмысления значимости категории творчества у некоторых мыслителей эпохи Возрождения, Лосев считает, что Николай Кузанский, трактовавший божественное творчество по аналогии с деятельностью художника, сумел сохранить в решении этого вопроса соответствие церковному вероучению (в отличие, например, от Джованни Пико де Мирандола), утверждая, что принцип ограниченного в своих возможностях творчества получен человеком от самого Творца, не ограниченного в своих возможностях¹²². Философию Николая Кузанского А.Ф. Лосев в «Эстетике Возрождения» продолжает трактовать как многоплановое явление, в основе которого лежит своеобразная интерпретация неоплатонизма¹²³. О влиянии выдающихся неоплатоников на теоретические построения Кузанца в той или иной степени говорили практически все исследователи его творчества. Принципиальной особенностью античного неоплатонизма, космологичного по сути своей, можно считать отсутствие (да и, собственно говоря, принципиальную невозможность) учения об абсолютной Личности, творящей мир из ничего по своей воле, и о трансцендентности такой Личности по отношению к сотворенному миру. Эти и некоторые другие элементы характеризуют как раз средневековую, теологичную, по выражению Лосева¹²⁴, модификацию неоплатонизма, которая и была воспринята Николаем Кузанским в качестве основы для его онтологических и гносеологических построений. И хотя в своем исследовании А.Ф. Лосев неоднократно говорит о «пограничном положении» некоторых утверждений Кузанца по отношению к католической доктрине, в целом он всё же склоняется к тому, чтобы согласиться с мнением об отсутствии в трактатах Николая Кузанского

119 Лосев А.Ф. Предисловие к «Истории эстетических учений»... С. 331.

120 Ради терминологического интереса отметим, что трактат Прокла «Первоосновы теологии», значительная часть перевода которого была опубликована уже в «Античном космосе», Лосев позднее, в «Истории античной эстетики», назвал «абракадабрением» (Т. 7. Ч. 2. С. 28).

121 См., например, сс.: 339, 340, 341, 344.

122 «...Он дает нам свой живой образ, в соответствии с которым мы можем если не образовывать всё, как Он сам, то ассимилировать всё и сообразовываться со всем» // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998. С. 311.

123 Там же. С. 294.

124 Там же. С. 93.

принципиальных разногласий с церковным вероучением¹²⁵. Осужденное католической церковью в XIII в. учение о тождестве содержания концептов «Бог» и «всё», по всей видимости, может считаться результатом именно эманативного понимания творения мира (в рамках иной модификации того же неоплатонизма). Как утверждает Лосев, подобное понимание не было свойственно не только Николаю Кузанскому, но и автору ареопагитского корпуса, оказавшему огромное влияние на последующее развитие философии и богословия¹²⁶.

К несомненным чертам «новаторства» в творчестве Кузанца А.Ф. Лосев относит, в первую очередь, использование арифметических и геометрических аналогий для разъяснения некоторых философских и теологических положений, в частности – проблемы соотношения конечного и бесконечного¹²⁷.

При анализе вариантов последующего развития пантеистических и имманентистских тенденций эпохи Возрождения Лосев выделяет несколько историко-философских крайностей, к которым, в частности, он относит субъективизм и панлогизм: неограниченное стремление к рационализированию, выражающееся, в предельном случае, в конструировании образа действительности из «гипостазированных понятий»¹²⁸, так и чрезмерное преувеличение роли субъективного мышления, фактически исключающее связь этого мышления с объективной действительностью. Как показывает в своем исследовании А.Ф. Лосев, Николаю Кузанскому удалось устоять против подобных искушений, что составляет его несомненную заслугу в истории философии.

П.В.Резвых

Ф.В.Й. Шеллинг и А.Ф. Лосев: Тезисы к постановке проблемы

1. Место Лосева в русской шеллингиане

Даже при самом поверхностном взгляде на наследие Лосева нетрудно заметить, что в истории рецепции шеллинговских идей в России его творчество занимает совершенно особое место.

а) В целом для русской философии характерны скорее косвенные формы рецепции шеллинговских идей. Напротив, у Лосева референции к Шеллингу всегда *специфичны, предметны, конкретны*. В этом отношении его высказывания существенно отличаются от высказываний многих других философов Серебряного века, способствовавших поддержанию определенной мифологии вокруг шеллинговской философии. Для контраста достаточно указать, к примеру, на Бердяева, Лосского или даже Франка, у которых мы не найдем ни детального анализа шеллинговских текстов, ни тщательной работы со специфической для него терминологией и аргументацией. Разговор о Шеллинге ведется здесь на уровне самых общих философских интуиций, и по высказываниям русских авторов невозможно даже установить, с какими именно оригинальными текстами Шеллинга они были знакомы. Напротив, лосевский взгляд на наследие Шеллинга поражает дифференцированностью и специфичностью его анализа: свои суждения о Шеллинге Лосев всегда основывает на детальном анализе конкретных текстов с точными ссылками,

125 Там же. С. 296, 299.

126 Там же. С. 30–33.

127 Там же. С. 298.

128 Лосев А.Ф. Античный космос... С. 75.

сопровождая свои соображения реферирующими пересказами и даже собственными переводами¹²⁹.

б) Вместе с тем обращает на себя внимание также исключительно *широкий охват* освоенного Лосевым текстового материала. В отличие от многих своих современников, Лосев последовательно избегает искусственного рассечения шеллинговского творчества на «периоды», каждый из которых репрезентируется каким-то одним наиболее известным текстом. Для Лосева существует один цельный Шеллинг, и во всех своих комментариях он довольно последовательно проводит мысль о тематическом, проблемном и содержательном единстве шеллинговской философии. Заметим, что в западном шеллинговедении такой взгляд утвердился лишь в 50–80-е гг. XX века. Конечно, такое целостное восприятие шеллинговского наследия не исключает наличие для Лосева определенных фаворитов в ряду шеллинговских сочинений. Читатель «восьмикнижия» сразу обратит внимание на то, что особенно часто и охотно Лосев цитирует три текста: «Систему трансцендентального идеализма», «Философию искусства» и «Введение в философию мифологии». Однако в тех же работах есть ссылки и на «Изложение моей системы философии» 1801 г., и на вюрцбургские «Афоризмы к введению в натурфилософию» и «Афоризмы о натурфилософии» 1806 г., и даже на ранние натурфилософские сочинения, например, на «Идеи к философии природы». Особенного удивления заслуживает тот факт, что Лосев дважды дает ссылки на совершенно почти в его время неизвестные и очень слабо рецептированные «Мировые эпохи» – текст, радикальная переоценка которого во многом определила судьбы западноевропейского шеллинговедения в 1940–1950-е гг. Поскольку Лосев явно хорошо ориентируется в корпусе Шеллинга в целом, довольно неожиданным выглядит то обстоятельство, что Лосев почти повсюду обходит молчанием тексты по философии откровения, казалось бы, наиболее притягательные для религиозного философа. Из единственного критического замечания относительно шеллинговского учения о Церкви¹³⁰ можно заключить, что с текстами философии откровения Лосев тоже был знаком, более того, довольно пристально и критически их изучал. Остается только гадать о том, почему Лосев не оставил развернутых критических суждений именно о философии откровения, которая должна была особенно заинтересовать мыслителя, сформулировавшего идею абсолютной мифологии.

в) Наконец, и это весьма существенно, Лосев сам не только открыто признает, но и настойчиво подчеркивает свою идейную близость к Шеллингу и прямую философскую *преемственность* между своими философскими построениями и центральными идеями шеллинговского творчества. В этом отношении особенно показателен пространственный автобиографический пассаж из «Очерков античного символизма и мифологии», где Лосев, описывая генезис предложенной в этом труде новаторской концепции платонизма, отводит возможный упрек в зависимости от Шпенглера и настаивает: «...[В]овсе не Шпенглер, а изучение *эстетики Гегеля и Шеллинга* привело меня к формуле античности, которую я даю в I очерке этого тома. <...> трехтомные гегелевские “Лекции по эстетике” и шеллинговскую “Философию искусства” я впервые тщательно проштудировал не раньше 1924 г. И должен прямо сказать, это сочинения произвели на меня огромное впечатление. Из них-то я и почерпнул то удивительное понимание античности, которое гениально вскрывает и ее полную специфичность и несводимость ни на какой другой культурный тип и ставит ее в совершенно ясную *диалектическую* взаимозависимость с другими основными

129 Впрочем, переводы Лосевым пассажей из различных шеллинговских сочинений заслуживают отдельного разговора, поскольку при внимательной сверке с оригиналом обнаруживается, что в передаче шеллинговских мыслей повсюду Лосев существенно смещает смысловые акценты, в целом ряде спорных случаев принимает довольно неожиданные переводческие решения, а порой просто допускает небрежности.

130 «У Шеллинга мы найдем даже и *религиозное* конструирование мифа; но это религиозное построение не есть, собственно говоря, подлинно религиозное построение. Подлинное религиозное построение мифа уже не может быть просто теорией, хотя бы даже и теорией мифа и хотя бы даже самого глубокого и целостного мифа. Подлинное религиозное построение мифа есть воплощение мифа. А миф есть настолько всестороннее и глубокое бытие, что воплощение его может быть только *жизненным*, а не теоретическим воплощением. Воплотить миф в жизни можно только путем соответствующего устройства жизни, т.е. путем обряда и таинства, или, другими словами, только при помощи церкви. *Церковь и есть воплощение мифа в жизни*. Самое же главное, до чего дошел Шеллинг – это до *теории* церкви, хотя и тут у него много всяких недоговоренностей и условностей, о которых неуместно говорить в настоящем изложении» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. С. 486).

культурно-историческими эпохами. <...> мое понимание специфика античной культуры зависит <...> прежде всего – от гегелевского учения о “символической”, “классической” и “романтической” художественной форме и от шеллинговского учения о существовании античного символа и мифа»¹³¹. В «Диалектике художественной формы» Лосев столь же однозначно высказывается о прямой преемственности собственных построений в области теоретической эстетики от шеллинговских. Эти высказывания тоже побуждают отнести к восприятию Лосевым Шеллинга с особым вниманием.

На мой взгляд, в тех случаях, когда речь идет об идейной близости или даже преемственности, связывающей самостоятельных и значительных мыслителей, ключ к пониманию сложных взаимоотношений между ними следует искать не столько в общности ответов, сколько прежде всего в общности проблематики. Поэтому на первых подступах к разработке темы «Шеллинг и Лосев» я постараюсь кратко перечислить и содержательно раскрыть те основные проблемные комплексы, которые, на мой взгляд, являются для Шеллинга и Лосева общими и мотивируют лосевский интерес к наследию Шеллинга.

2. Шеллинг и Лосев о диалектике первосущности

Поскольку Лосев открыто и последовательно позиционирует собственные философские искания как прямое продолжение традиции европейской диалектики, он, естественно, никак не мог обойти своим вниманием мыслителя, занимающего ключевое место в истории спекулятивной диалектики немецкого идеализма. Однако один только интерес Лосева к спекулятивной диалектике вовсе еще не объясняет преимущественного интереса именно к Шеллингу и того явного предпочтения, которое Лосев отдает ему перед Гегелем. На мой взгляд, в проблематике диалектики первосущности, как она развернута в шеллинговских построениях, определяющим и наиболее существенным оказываются не проблемы диалектического отрицания, полярности и противоречия, не общедиалектические фигуры мысли, в равной мере формообразующие для мышления многих других немецких мыслителей первой четверти XIX в. – Фихте, Гегеля, Зольгера и т.п. (показательно, что с наследием перечисленных авторов Лосев тоже очень интенсивно работал). Принципиальной точкой глубинной общности с Шеллингом для Лосева становится другая, возможно, куда более фундаментальная структурная проблема – проблема соотношения сущности и той формы, в которой сущность может быть выражена.

Надо сказать, что этот вопрос – каким образом безусловное, т.е. сущность, содержащая в себе основание всякого определения, может стать доступным для мысли – является центральной для всего шеллинговского творчества, и именно в решении этого вопроса Шеллинг с самого начала движется в принципиально ином направлении, нежели Гегель. Особенно ясно этой видно при анализе программных текстов так называемой философии тождества, в частности, «Изложения моей системы философии» 1801 г., где Шеллинг впервые ясно формулирует принципиальное различие, имеющее решающее значение для его понимания абсолютного – различие между сущностью и формой. Абсолютное как абсолютное тождество раскрывается всегда в некоторой форме – в форме отождествления абсолютного с самим собой или, как это называет Шеллинг, самоутверждения абсолютного. Форма соотносительности с самим собой, как стремится показать Шеллинг, – это форма, которую всегда имеет любой смысл, но которая, тем не менее, никогда не может вместить всю полноту сущности. Шеллинг фиксирует это в парадоксальной формуле: абсолютное всегда существует и выражается только в форме, и в этом смысле форма абсолютного есть сама сущность его (ведь абсолютное содержание может быть выражено только в абсолютной форме), однако сущность, тем не менее, никогда не есть форма. Эта фиксация принципиально асимметричного отношения между сущностью и формой в разнообразных вариациях проходит через все шеллинговское творчество, вплоть до поздних сочинений, где он оперирует фигурой предположения всякому смыслу некоторого абсолютно неформализуемого, неартикулируемого в мысли, предшествующего мышлению (*unvordenkliche*), абсолютно положительного принципа,

который хотя и делает всякий смысл возможным, но именно поэтому сам как определенный смысл выражен быть не может.

Именно эта идея лежит в основании главного методического инструмента шеллинговской философии – концепции потенций. Потенцирование абсолютного Шеллинг понимает как раскрытие его в виде многих разных единств, которые, будучи многими, тем не менее не представляют собою части абсолютного, но разные формы выражения полноты, которые через взаимосотнесение друг с другом эту полноту делают нам доступной. Именно эта концепция принципиально отличает шеллинговскую концепцию от гегелевской. Для Гегеля абсолютное существует не только в форме, но и как форма – как самодвижущаяся форма, поэтому никакого не умещающегося в форму трансцендентного остатка гегелевская концепция первосущности не допускает¹³².

Если мы посмотрим теперь на лосевские построения периода «восьмикнижия», то без труда увидим прямую параллель этим шеллинговским рассуждениям в выкладках Лосева о понятиях сущности и энергии. На этот параллелизм прямо указывает и сам Лосев в замечательном примечании к «Диалектике художественной формы», где речь идет о понятии потенций в шеллинговской философии мифологии. Лосев пишет:

«Из новейшей философии родственные построения я нахожу у Шеллинга в его сложном учении о Потенциях. Потенции Шеллинга, говоря вообще и не вникая в детали, есть иначе учение об энергии. Я приведу – *Ideen SW I 2, 66-67*, об идеальных и реальных потенциях, *Weltalter I 8, 309* сл., о мировых эпохах как потенциях, *Philos. d. Myth.* – см. наше прим. 22. Весьма важно отдавать себе полный отчет в принципиальной важности и серьезности понятия энергии. Это – то понятие, которого необходимо требует апофатизм, если он не хочет остаться простым агностицизмом. Так как апофатизм оправдан только в виде символизма, то все, что ни познается в сущности, есть ее **энергия**, хотя через энергию мы утверждаем и саму сущность. Сущность дана только в свете своих энергий, но, имея эти энергии, мы через них **отличаем** сущность от энергий. Поэтому три перво-начала диалектики, не будучи ни в каком смысле энергией (это сущность, а не энергия), даны нам только через энергетическое излучение и в энергиях. В свете энергии и все, что есть в сущности, дано энергетично. ... Так и Шеллинг, взявши аристотелевское учение о четырех формах и давши его диалектику, понимает их как потенции, необходимые в общем мифологическом процессе. Энергия, таким образом, есть необходимая категория того мировоззрения, которое живет как апофатикой, так и символикой и объединяет их, при всей их раздельности, в одной неделимой самотождественной точке»¹³³.

Если сформулировать принципиальное расхождение между шеллинговским и гегелевским методами на языке лосевских понятий, можно сказать, что апофатический момент в концепции Гегеля является внутренним моментом самой формы, а у Шеллинга выведен за пределы формы и сокрыт в глубине сущности.

Следует особо отметить, что Лосев на редкость точно понимает систематическую функцию учения о потенциях и его принципиальное отличие от гегелевского «снятия» именно по функции в системе. Кстати, это позволяет ему увидеть то, чего не видел практически никто из современников – единство концепции потенций от ранних натурфилософских сочинений вплоть до «Философского введения в философию мифологии». Как известно, у среднего и позднего Шеллинга концепция потенций тесно связана с проблематикой творения, с поиском инстанции, опосредующей связь между творцом и сотворяемым в акте творения. Из приведенного лосевского примечания ясно видно, что для него ранняя натурфилософская концепция потенций как форм саморазличения абсолютного и концепция 1830–40-х гг., связывающая потенции, с одной стороны, с модальностями, а с другой, с аристотелевскими причинами, суть лишь две различные транскрипции одной и той же структурной проблемы – проблемы отграничения сущности от формы, в которой сущность выражается, при сохранении полноты выражения.

Впрочем, именно эти размышления позднего Шеллинга создают Лосеву серьезные трудности. Стоит задуматься над тем, почему такой последовательный поборник апофатизма, как Лосев, почему-то оказывается совершенно нечувствителен к радикальному ограничению прав

132 См. об этом мою статью: *Резвых П.В.* Критика философии тождества Шеллинга в «Предисловии» к «Феноменологии духа» // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 135–141.

133 Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение. М., 1995. С 187.

диалектики, которое Шеллинг проводит уже в 1810-е гг. и которое в несомненно известных Лосеву более поздних текстах получает свою наиболее радикальную форму в различении отрицательной и положительной философии. Для Лосева совпадение абсолютной диалектики и абсолютной мифологии не только возможно, но и неизбежно – для Шеллинга между обеими всегда остается неустранимый разрыв, основанием которого служит как раз асимметрия сущности и формы. Это принципиальное расхождение тем поразительнее, если учесть общность исходной постановки проблемы. Полагаю, что прояснение вопроса о том, каковы аргументативные основания для столь разных выводов из одних и тех же предпосылок, помогло бы лучше понять и отношение Лосева к немецкому идеализму в целом.

3. Смысл, выражение, имя

Благодаря различению сущности и формы в центр внимания и Лосева, и Шеллинга совершенно закономерно выдвигается проблема выражения. Следует сразу заметить, что для лосевского восприятия не только шеллинговского творчества, но и вообще всего немецкого идеализма в целом, решающее значение имеет осознание того, что абсолютное немецкого идеализма – это не субстанция, не особого рода предметность, а инстанция смысла. Поэтому форма, о которой идет речь в шеллинговских текстах и которая находится в обозначенном выше парадоксальном отношении к сущности, – это именно форма всякой возможной осмысленности. На то, что именно такое понимание абсолютного отвечает шеллинговским намерениям, совершенно ясно указывает содержащееся в «Изложении моей системы философии» прямое разъяснение относительно того, какая именно форма находится в описанном выше парадоксальном отношении к обуславливающей ее сущности: это форма, в которой нечто может быть высказано, форма соотношения субъекта и предиката, форма «сказывания». Соответственно, шеллинговские потенции – это способы сказывания, функции выражения. Важно отметить, что внутреннее устройство формы смысла, то есть предикативной формы, тоже отмечено принципиальной асимметрией: чтобы понимать смысл сказывания, нужно быть способным усматривать принципиальную необратимость отношения между субъектом и предикатом, в противном случае помыслить какой бы то ни было определенный смысл будет невозможно. Обращая внимание на это обстоятельство, Шеллинг стремится показать, что асимметрия субъекта и предиката, в свою очередь, обусловлена асимметрией сущности и формы.

Совершенно неудивительно поэтому, что Лосев, подхватывая шеллинговскую тему асимметрии сущности и формы (или, как на неоплатоническом языке сформулировал он сам, сущности и энергии), последовательно развернул эту проблематику в плоскость философии языка – ведь именно обоснование возможности языка исходя из асимметрии сущности и энергии составляет основную аргументативную интригу «Философии имени». По существу, в «Философии имени» Лосев попытался последовательно провести спекулятивную дедукцию всех уровней и способов организации смысла именно из внутреннего напряжения между сущностью и энергией – идея, структурно чрезвычайно близкая не только «Системе трансцендентального идеализма», но и «Мировым эпохам».

Однако и здесь отношение Лосева к шеллинговской концепции оказывается куда более сложным, чем можно было бы ожидать. Именно потому, что обращение к теме имени в контексте общей для Шеллинга и Лосева структурной проблематики столь естественно и закономерно вне всякой зависимости от специально теологических мотивов, достойно всяческого изумления, что создатель «Философии имени» – трактата, где целый ряд спекулятивных дедукций осуществляется с прямыми ссылками на «Систему трансцендентального идеализма» и даже на «Мировые эпохи», – нигде даже не упоминает о том, что в «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» и особенно в тех же «Мировых эпохах» Шеллинг обозначает потенцирование абсолютного как *изречение слова* (Aussprechen). При этом он (в прямой и косвенной полемике с Кантом) увязывает проблематику предикации с весьма характерным учением о генеративном смысле связки в суждении. По мысли Шеллинга, связка «быть» не обозначает простое тождество или равенство, а функционирует как транзитивный глагол, как функция выражения, делающая возможным определение изначально неопределенного

смыслового субстрата. Эта концепция транзитивного бытия, несомненно, очень близка лосевским рефлексиям по поводу соотношения эйдоса и логоса, однако и о ней Лосев ничего не говорит. Эти значимые умолчания, как мне кажется, сигнализируют об осознаваемом самим Лосевым, но не афишируемом им внутреннем напряжении между обеими концепциями и могли бы стать предметом отдельного исследования, которое бы многое прояснило в специфике лосевского прочтения шеллинговской философии.

4. «Диалектика мифа» Лосева и «Философия мифологии» Шеллинга

Глубокая общность лосевской концепции мифологии и понимания мифологии, развитого в «Философии искусства» и «Философии мифологии» Шеллинга, не только очевидна, но открыто признавалась также и самим создателем «Диалектики мифа». Однако, быть может, именно потому, что наличие связи само по себе здесь не подлежит сомнению, стоит внимательнее приглядеться к обеим теориям и постараться более дифференцированно осмыслить довольно сложные отношения между ними. Сам Лосев так характеризует эти отношения: «наше учение о мифе и есть, в сущности, учение и Шеллинга; и интересно, что мы пришли к нему независимо от его предпосылок и терминологии, в чем нельзя не видеть косвенного доказательства правильности нашей конструкции»¹³⁴.

а) Первое, что сразу бросается в глаза при сопоставлении мифологических работ Шеллинга и лосевской «Диалектики мифа» – это последовательно проводимая обоими мыслителями методическая установка на *имманентную осмысленность мифа*, последовательный и решительный отказ от всех редуccionистских теорий в отношении мифологии. Шеллинг, как известно, является едва ли не первым западным мыслителем, последовательно и систематически проводившим именно такой взгляд на миф, поэтому совершенно естественно, что Лосев берет его себе в союзники. Примечательно, что даже в основу композиции «Диалектики мифа» Лосевым положен тот же риторический прием, которым пользуется Шеллинг в «Историко-критическом введении в философию мифологии» – здесь последовательно критикуются и отклоняются все неимманентистские теории мифа (миф не есть ни научное объяснение, ни метафизическая конструкция, ни религиозное образование и т.д.).

б) Как у Шеллинга, так и у Лосева имманентистское понимание мифа становится возможным лишь благодаря истолкованию его как *символической реальности* с опорой на систематическое различие символа, схемы и аллегории. Примечательно, что, хотя в поздней «Философии мифологии» Шеллинг понятием символа не пользуется, поскольку на его место заступает переработанная концепция потенциалов как модальностей, Лосев абсолютно безошибочно фиксирует общее основание обеих концепций мифа. Впрочем, надо отметить, что лосевская интерпретация знаменитого § 39 «Философии искусства», где вводится и обосновывается различие символа, схемы и аллегории, при ближайшем рассмотрении оказывается довольно своеобразной. Решительно солидаризируясь с Шеллингом в отношении понятия символа, Лосев почему-то неожиданно поверхностно толкует понятие схемы, совершенно игнорируя неоднократные прямые указания Шеллинга на связь схематизма с языком. Здесь мы тоже встречаемся со значимым умолчанием, которое сигнализирует некое внутреннее напряжение: положив в шеллинговскую концепцию символа и в основу своей концепции мифа, и в основу своей эстетической концепции, Лосев вместе вольно или невольно вытесняет на задний план те аспекты шеллинговской интерпретации схематизма, которые оказываются трудно совместимыми с его собственным пониманием языка и слова, развитым в «Философии имени». Это, на первый взгляд, мелкое наблюдение показывает всю сложность лосевского отношения к Шеллингу: идейная солидарность тесно переплетена здесь с явной или латентной тенденцией к размежеванию.

в) Менее очевиден другой общий мотив шеллинговской и лосевской теорий мифа: в обеих концепциях ключевую роль играет *практическая реальность мифа*. Однако и здесь позиция Лосева в отношении Шеллинга амбивалентна. Ссылаясь на шеллинговское понятие символа, он именно с его помощью обосновывает магико-теургическую природу мифа и его абсолютную несводимость мифа к «воззрению». Именно как символическая реальность миф в своем окончательном, завершенном воплощении всегда имеет для Лосева характер деятельного преобразования. Отсюда ярко выраженный аскетический мотив, красной нитью проходящий через текст «Диалектики мифа». Казалось бы, заявляя о принципиальном совпадении методической установки Шеллинга в отношении мифа, Лосев должен был бы признать, что в своей предельной последовательности шеллинговская философия мифологии тоже должна иметь свое этико-аскетическое измерение. Однако Лосев не видит, что интерес Шеллинга к мифу тоже принципиально мотивирован практической философией, то есть этикой и аскетикой. Об этом ясно свидетельствует симптоматичное примечание из «Дополнения к “Диалектике мифа”»: «В немецком идеализме <...> нет целомудренности антично-средневекового апофатизма и нет той жизненной цельности, при которой *понимающий* абсолютное бытие и *чувствующий* его должен быть монахом, аскетом, подвижником, пустынножителем. То, что Фихте, Шеллинг, Гегель и Шопенгауэр не перешли в православие и не удалились в монастырь ради поста, молитвы и спасения своей души, а продолжали сидеть на кафедрах и читать лекции, указывает на то, что их Абсолют есть для них, в конце концов, все же только *идея* – правда, полнейшая, глубочайшая, искреннейшая, но – только идея, а не авторитарная, абсолютная, мифическая действительность»¹³⁵. Между тем, как нам известно сегодня, в обосновании Шеллингом идеи мифологического процесса центральную роль играет как раз указание на практическую реальность мифических сущностей, выраженную прежде всего в жертвоприношении. Интересно, что европейское шеллинговедение пришло к постановке вопроса о практической значимости шеллинговской философии мифологии сравнительно недавно¹³⁶, причем большую роль в этом процессе сыграла публикация материалов из наследия философа, с которыми Лосев, конечно, никак не мог быть знаком¹³⁷. Тем поразительнее, что, продумывая до конца предпосылки шеллинговской философии мифа, Лосев в своих претензиях к ней как бы указывает на смысловую лакуну, впоследствии заполненную новооткрытыми текстами.

г) Несмотря на указанное выше принципиальное расхождение Лосева с Шеллингом в оценке возможностей диалектики, сформулированная им в «Дополнении к “Диалектике мифа”» идея абсолютной мифологии, по существу, продолжает и расширяет выдвинутый Шеллингом проект «философии откровения». Хотя о замысле, оставшемся неосуществленным, мы имеем весьма фрагментарное представление, нельзя не обратить внимания на симптоматичные совпадения. Например, развитая в отрывке «Первозданная сущность» дедукция ангелологии с опорой на диалектику сущности и энергии чрезвычайно близка к шеллинговскому обоснованию ангелологии с помощью концепции потенциалов. Хотя понятие откровения в концепции Лосева, в отличие от шеллинговской, никакой существенной роли не играет, нетрудно увидеть, что в «Диалектике мифа» его функции по существу берет на себя понятие *чуда*, а в рукописи «Самое само» – понятие *тайны*. Чрезвычайно интересно, что в своих размышлениях о существовании тайны Лосев, опять же, словно угадывает размышления Шеллинга о существовании откровения как скрывающего открывания, развитые в лекционных курсах 1820-х гг., тексты которых никаким образом Лосеву не могли быть известны: близость обеих концепций оказывается даже еще более тесной, чем это могло быть явно осознано им самим.

д) Наконец, шеллинговскую и лосевскую концепции мифологии роднит еще одна общая интенция – установка на *расширение философии мифологии в область философии истории*. Как

135 Лосев А.Ф. Диалектика мифа... С.480.

136 См., например: Hutter A. Geschichtliche Vernunft: die Weiterführung der Kantischen Vernunftkritik in der Spätphilosophie Schellings. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.

137 См. в особенности переписку Шеллинга с Максимилианом II в кн.: Ehrhardt W. Schelling Leonbergensis und Maximilian II. von Bayern: Lehrstunden der Philosophie. Stuttgart: Frommann-Holzboog, 1989.

известно, именно историософские импликации «Диалектики мифа» и в особенности развернутая Лосевым на базе основных принципов теории мифа критика современности во многом определили трагическую судьбу этой книги. С публикацией «Дополнений» стало особенно очевидно, что историософская перспектива, в частности, демонстрация принципиально мифологического характера мышления современности и выявление мифологических оснований базовых онтологических и космологических концепций Нового времени являются одной из важнейших составляющих «Диалектики мифа». Однако и в этом Лосев, осознанно или неосознанно, выступает прямым наследником Шеллинга. Исследователи Шеллинга давно задавались вопросом, почему одной из составных частей шеллинговской концепции мифологического процесса оказывается пространное изложение истории новой философии. Исследования последних десятилетий показали, что Шеллинг видит в формировании новоевропейской философии прямое продолжение мифологического процесса, то есть возникновение новой мифологии, мифологии разума¹³⁸. Таким образом, в критической реконструкции мифологического субстрата новоевропейской научной рациональности Шеллинг и Лосев тоже оказываются союзниками. Приведу один поразительный пример. Как Шеллинг, так и Лосев с одинаковым негодованием обрушиваются на ньютоновскую теорию однородного абсолютного пространства, разоблачая ее именно как мифологию, формообразованную определенным нравственно-практическим посылом: первый называет теорию тяготения «системой всеобщей низости», второй объявляет механику Ньютона «мифологией нигилизма». Это удивительное единодушие тоже не является случайностью, а ясно свидетельствует об общности истока обеих концепций.

5. Заключительные замечания

Разумеется, изложенные соображения не исчерпывают всей сложности взаимоотношений обеих философских концепций, тем более что в них совершенно изъят из рассмотрения важнейший – биографический – аспект. Тщательное изучение биографических документов и свидетельств, вероятно, могло бы способствовать не только более детальной реконструкции лосевской рецепции Шеллинга, и остается только сожалеть о том, что большая часть таких документов безвозвратно утрачена. Однако анализ самих текстов показывает, насколько причудливо переплетаются в лосевском прочтении Шеллинга энтузиастическое приятие, инструментальное присвоение, продуктивное непонимание и неожиданно точное герменевтическое проникновение, граничащее с дивинацией. Именно постижение этой многомерности, характерной для любого настоящего диалога, и является главной задачей при изучении взаимоотношений между западноевропейской и русской философиями.

Филип Буббайер (Великобритания)

О С.Л. Франке, совести, диссидентстве и реформах в Советской России (Выступление на встрече в «Доме А.Ф. Лосева»)

Добрый день! Я очень рад быть сегодня здесь. Так приятно вновь увидеть много старых друзей. Это большая честь представлять российской аудитории мои книги. Я провел много лет, изучая русскую «интеллигенцию»; точнее я был сформирован под влиянием моей «встречи» с Россией. Поэтому я действительно высоко ценю шанс – пообщаться с российской аудиторией.

В начале этой речи я хочу высказать благодарность.

Во-первых, я благодарю «Дом А.Ф. Лосева», в лице Елены Тахо-Годи, за организацию этой презентации. Как известно многим из вас, моя первая книга была посвящена русскому философу, Семену Франку. Франк лично знал Лосева, писал о нем и, как отражено в мемуарах самого Лосева,

по-настоящему интересовался его философскими изысканиями. Таким образом, наша сегодняшняя встреча здесь весьма символична.

Во-вторых, я хочу выразить благодарность издательству РОССПЭН, в лице директора – Андрея Сорокина, за публикацию моих книг на русском языке: книгу о Семене Франке, и новую книгу, которую я представляю сегодня. РОССПЭН осуществляет грандиозную работу, публикуя книги по русской истории, основанные на последних архивных исследованиях. Андрей, благодарю вас за всю ту работу, которую Вы и Ваши коллеги сделали, чтобы мои книги, как и книги других, стали доступны широкому кругу читателей. Я рад, что моя новая книга появилась в вашей выдающейся серии «История сталинизма».

Также отдельная благодарность переводчику, Елене Иванюк. Перевод – бескорыстная и трудная работа; но он делает возможным диалог между культурами.

Для начала хотелось бы сказать несколько слов о самом Семене Франке. Моя книга о Франке задумывалась как историческая и интеллектуальная биография. Это была попытка отобразить Франка в контексте его времени и одновременно оживить его образ, показав его как человека и мыслителя. Я хотел показать, как философские труды Франка вытекали и переплетались с его личным жизненным опытом.

Это интересно и притягательно писать биографию, поскольку через некоторое время ты начинаешь чувствовать реального человека. Как будто ты лично соприкоснулся с ним в прошлом. При написании этой книги именно так я себя и чувствовал.

Связь между личным опытом и философскими идеями была очевидна во многих эпизодах жизни Франка. Один из решающих и даже поворотных моментов в его интеллектуальном творчестве был период зимы 1901 г. В течение почти целого десятилетия Франк был известен как один из «легальных марксистов» и был вовлечен в революционное движение. Потом он открывает для себя Ницше. И именно Ницше помогает Франку освободиться от мировоззрения материалиста и направляет его в сторону «философского идеализма». Но это было не столько чистым интеллектуальным допущением для Франка, сколько результатом реальной внутренней борьбы, поскольку он испытывал чувство вины за отход от революционной тематики.

Обратите внимание на всю глубину иронии: именно Ницше – философ, идеи которого Франк в конце концов поставил под сомнения, – сыграл такую значимую роль в его духовном развитии.

Впоследствии, как вам, наверно, известно, Франк попал под влияние таких философов, как Фихте, Спиноза и Бергсон, а в конечном итоге, под воздействие неоплатонизма, его стиль стал созвучен взглядам Плотина и Николая Кузанского. Многие из его идей были также созвучны идеям Владимира Соловьева, хотя влияние Соловьева стало сильнее ощущаться в жизни Франка несколько позже.

Хотя Франк принял Православие в 1912 г., его более осмысленная религиозно одухотворенная жизнь действительно начала развиваться только десять лет спустя, в эмиграции, когда его насильственно выдворили из России, на так называемом «Философском пароходе» в 1922 г.

Создается ощущение того, что сформировавшаяся философия Франка была задумана не просто как система логики, а как «путеводитель по жизни». Это применительно не только к работам журналистского – описательного характера, но и также к работам самого абстрактного толка. Возьмите «Непостижимое», написанное в 1930-е годы, когда Франк и его семья жили в Берлине. Как и многие русские религиозные мыслители, Франк пришел к выводу, что у «страдания», как такового, возможно есть конструктивная «под-цель». Так, он формулирует в «Непостижимом»: «Страдание есть как бы раскаленный зонд, очищающий и расширяющий наши духовные дыхательные пути и тем впервые открывающий нам свободный доступ к блаженной глубине подлинной реальности».

Интересно, что в письме к дочери, Наталье, спустя несколько лет, после гибели ее мужа на войне, Франк использовал почти те же самые слова, чтобы поддержать ее в связи с тяжелой утратой. По существу, он предложил свою философию, чтобы дать дочери духовное наставление, причем Франк говорит на основании личного опыта. Таким образом, в его понимании Философия предназначена помогать людям жить лучше, примирить их с фактами жизни и принципами, управляющими Вселенной.

Франк, таким образом, видел философию как нечто большее, чем умственное моделирование. По мнению Франка, для философии, чтобы стать чем-то более глубоким, более осмысленным, необходимо сосредоточить внимание на более высокой действительности, которую он назвал «Абсолютом». Так, в эссе 1922 г. он написал: «Не обращаясь в сторону абсолютного, не возносясь всем существом к нему, нельзя вообще быть философом, *иметь философию*; можно только изображать философа, “заниматься” философией, т.е. нагружать свою голову словесными понятиями из философских книг».

Русская философия, как вы знаете, ближе к традициям немецкой философии, чем к скептической англосаксонской, особенно в плане открытого исследования религиозных вопросов. Опыт Франка был типичен в этом смысле. Он защищал русскую философскую традицию исследования «вечных вопросов». Несмотря на то, что мне импонирует аналитическая суровость английского ума, я думаю, что в этой области он сказал нечто важное.

Франк, возможно, подвергал сомнению «профессионализацию» науки. Несомненно, профессиональные стандарты очень важны для университетской жизни. Однако, по моему убеждению, смысл академического подхода к жизни состоит в служении «Правде», даже если это и выходит за пределы утилитарного видения того, для чего существует знание. Бердяев прекрасно выразил эту идею в статье, вошедшей в сборник «Вехи».

Я должен признаться, что изначальный интерес к Франку возник на почве изучения его политических построений, особенно после чтения его работ в сборниках «Вехи» («Этика нигилизма») и «Из Глубины» («De Profundis»). Эти эссе были ранним выражением «Христианского гуманизма» Франка и отражали его веру в то, что здоровая политическая жизнь должна быть основана на моральных и духовных ценностях. Апогей этого периода наступил в 1940-е годы и запечатлен в книгах «С нами Бог» и «Свет во тьме». Последнее произведение превосходно выражает суть «не утопического», христианского видения политики и общественной жизни в целом.

В 1940 годах Франк увлечен несколько иным видом «реальной политики». Индикатором этого служат его слова во время Второй мировой войны: «Принципиальные задачи “реальной политики” в наше страшное время можно выразить в нескольких словах: в этой войне, доселе не слыханной по масштабу и жестокости, *истинным победителем станет тот, кто первым начнет прощать*».

Теперь я хотел бы перейти к книге, которую представляю сегодня: «Совость, диссидентство и реформы в Советской России».

Центральная тема этой книги – попытка объяснить, почему «совость» стала таким краеугольным вопросом для русской интеллигенции, диссидентов и партийных реформаторов в последние десятилетия Советской власти. Книга является исследованием этического компонента в размышлениях диссидентов и реформаторов того времени.

Вам всем известно, что ссылки на термин «совость» встречались весьма часто в тот период времени. Термин «совость» употребляется во многих видах и формах, в немного разных контекстах. Вот несколько «случайных» примеров:

Светлана Аллилуева говорит в своих мемуарах: «У меня есть только лишь совость»,

Диссидент Анатолий Марченко пишет в 1968 г.: «Это – наш гражданский долг, долг нашей человеческой совости, остановить преступления против человечности».

Володин, герой романа «В Круге первом» Солженицына, приходит к выводу что «совость дается нам один раз. И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совость».

Философ Яков Мильнер-Иринин написал, что человек духовно свободен (по настоящему) только тогда, когда он действует согласно своей собственной совости.

Известный старец советской эпохи, Серафим Тяпочкин, в начале личных бесед с людьми, спрашивал их: «Скажешь ли мне, что у тебя на совости?»

Александр Яковлев предположил, что перестройка была «революцией совости, [и] субъектом революции стали не классы, не оппозиция, а чувства стыда за свою жизнь».

Горбачев в 1980-х годах говорил, что идеи перестройки были вызваны «по зову беспокойной совости».

Конечно, в каждом из этих примеров термин «совесть» обозначает различные полутона и сути: иногда – в религиозном, иногда – в светском плане. В некоторых случаях этот термин использовался в прямом – филологическом смысле, иногда цинично, иногда вполне искренне. Для историка не всегда легко эти смысловые планы различить.

Факт заключается в том, что с понятием «совесть» можно было столкнуться повсюду. Понятие «совесть» овладевало и интриговало всех. Откуда это идет? В моей книге я хотел исследовать отличительные особенности этой этической фразы. Падение привлекательности советской идеологии означало, что люди стали искать новые эталоны этики. Возможно даже предположить, что поиск новой моральной базы для общества и был одной из причин крушения коммунизма. Я хотел написать об этом поиске.

В процессе написания этой книги я провел много интервью с различными людьми, некоторые из которых сегодня здесь. Меня интересовали два ключевых вопроса. Один – «как формировалась ваша совесть»? Что сделало вас таким человеком, которым вы стали? Ответы чаще распределялись на следующие группы: влияние семьи, литературы, марксизма, образования, православия, общение с определенными людьми или различный личный опыт. Потом я спрашивал, как именно люди справлялись с моральными дилеммами, которые возникали в их жизни. Как людям удавалось жить по совести, находясь под давлением советской идеологии?

Это была привилегия и честь говорить с людьми об этих вопросах. Многие люди делали тяжелейший выбор, который мог затронуть их карьеры. И именно в этот момент академическое, теоретическое изыскание переросло в нечто большее, чем профессия. Поскольку все в любом обществе оказываются перед тем или иным моральным выбором, в Великобритании в том числе, то, иметь шанс говорить с людьми об их жизненном пути и учиться у них, было для меня очень важным и полезным.

Книга концентрируется на Советской России после 1956 г. Есть главы по этике движения прав человека, этике партийных реформаторов, совести и раскаянию в период «гласности». Одна из центральных глав названа «Поиск внутренней свободы». Здесь я исследую личный опыт и события, происшедшие с такими диссидентами, как Владимир Буковский, Натан Щаранский, Виктор Красин и Зоя Крахмальникова, когда они были в заключении. Фраза «внутренняя свобода» была еще одним расхожим понятием, очень популярным в то время, и мне было интересно узнать, что люди подразумевали под этой фразой.

Одновременно я исследовал и историческую подоплеку этического вопроса. Есть в книге некоторые размышления о революционной этике Ленина и Троцкого, а также о царском строе, когда считалось, что совесть требует повиновения государю. Рассматривал я и эволюцию понятия совести в русском языке – ведь наши взгляды на мир сформированы теми языками, на которых мы говорим.

В русском языке есть богатый запас слов и оттенков, касающихся моральной, этической жизни: совесть, правда, истина, ложь, вранье. В этом отражены отпечатки античного прошлого. Мы не должны забывать о влиянии классического мира на русский язык (греческое слово для обозначения совести «synedeisis»); этики Цицерона – на кодексы и законы Юстиниана; идей «отцов-пустынников» – на наше время (через монашество). Когда люди говорили о «совести» в советскую эпоху, они интуитивно основывались на понятиях и традициях, возвращающих больше чем на две тысячи лет назад.

Одно из открытий, которое я сделал для себя во время работы над книгой, заключается в том, что советский режим сыграл ключевую роль в своем собственном развале. Действительно, в проповедовании строгого морального кодекса, в создании правил хорошего поведения для учеников во время Второй мировой войны, в моральном кодексе строителей коммунизма, в таких лозунгах как «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», режим – каким бы циничным он не был – соглашался быть оцененным по его собственным стандартам и меркам. И мне кажется весьма ироничным, что некоторые из диссидентов так же, как и партийные реформаторы, были воспитаны на тех же ценностях.

В книге есть глава «Совесть в литературе». Как я уже упоминал, в ходе бесед с людьми об их моральных путях и вехах, многие называли литературу как формирующую силу. Для некоторых Достоевский или Толстой стали их моральными гидами. Григорий Померанц когда-то сказал, что

Достоевский стал его «спутником» более чем на пятьдесят лет. Для исследователя этики русской интеллигенции в тот период есть богатая нива литературного материала. Я говорю не только о таких запрещенных авторах, как Солженицын, Максимов, Гроссман и Домбровский, но и о таких, как Дудинцев, Тендряков, Трифонов и Распутин.

Хотя цель и тематика моих двух книг различны, между ними есть точки соприкосновения. Как я уже упоминал, обе работы предполагают, что исследование интеллектуальной истории обогащается, когда мы принимаем во внимание события жизни, дающие толчок идеям. Человек есть единство, в котором ум, душа и дух объединяются вместе.

Кроме того, мы знаем, что интеллигенция начала XX столетия действительно имела влияние на интеллигенцию последней советской эпохи. Такие мыслители, как Франк и Бердяев, были широко известны в 1980-е годы. Вот почему мои две книги – это два «окна», два взгляда на тот же самый предмет: духовный и этический ответ русской интеллигенции марксизму и воинствующему материализму.

Когда мы изучаем Россию XX столетия, невозможно не заметить ощущения трагедии и темноты, которая коснулась очень многих людей. Это действительно был тяжелейший век.

Я хочу предположить, что возможно есть и другая история. История людей, ищущих и пытающихся найти альтернативу прагматичной этике типа Макиавелли. Это – захватывающая история. И я был счастлив провести несколько лет своей жизни, пытаясь написать о ней.

СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Н.А.Бекасова

Советуем прочитать (из книжного фонда «Дома А.Ф. Лосева»)

1. Андреев, Леонид Григорьевич. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. – М.: Московский рабочий, 1994. 331, [2] с. ; 20 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Леонид Григорьевич Андреев, известный русский ученый, профессор МГУ, посвятил многие годы исследованию творчества Жан-Поля Сартра. В итоге появился на свет увлекательный интеллектуальный роман, в котором рассказывается о великом писателе и философе и его творчестве.

2. Апология русской няни: к 250-летию Арины Родионовны / [сост., предисл., примеч. и летопись М. Д. Филина]. – М.: Русский Миръ, 2009. – 251, [1] с. : ил. ; 17 см. – (Большая московская библиотека: БМБ). – (Пушкиниана).

Эта книга, без преувеличения, уникальна: в ней впервые собраны воедино разнохарактерные сочинения XIX – начала XXI века, посвященные Арине Родионовне, знаменитой пушкинской няне, которая давно является олицетворением всех русских нянь. В издание, помимо хрестоматийных текстов (Пушкина, Языкова и т. д.) и фрагментов (извлечений из И. Аксакова, Достоевского, Цветаевой и проч.), вошли десятки стихов о «голубке дряхлой» (Набокова, С.Черного, Городецкого и др.), ученые штудии (Лернера, М. Азадовского, Цявловского), публицистические очерки и лирические эссе (Поселянина, Ходасевича, Непомнящего) и иные материалы. Историко-литературный сборник снабжен обширными комментариями, указателем имен и множеством иллюстраций. Издание книги, не имеющей аналогов в отечественной пушкинистике, приурочено к 250-летию со дня рождения Арины Родионовны, «подрути» поэта.

3. Богданов, Андрей Петрович. Русские патриархи, 1589 – 1700: в 2 т. – М.: ТЕРРА: Республика. – 1999. – Т. 1–2.

Московский патриарший престол, основанный в ходе борьбы Бориса Годунова за власть, простоял целое столетие. В этот период православные патриархи играли вторую после царей, а во времена Смуты – главную роль в спасении и укреплении Российского государства. Автор этой книги берется заново прочитать загадочные страницы русской истории. Кропотливо восстанавливая истинную картину тех лет по источникам, А. Богданов приходит ко многим неожиданным открытиям.

4. Богданова, Ольги Алимовна. Под созвездием Достоевского: (Художественная проза рубежа XIX – XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Издательство Кулагиной: INTRADA, 2008. – Библиогр.: с. 300–311.

5. Быкова, Марина Федоровна. Абсолютная идея и абсолютный дух в философии Гегеля / М.Ф. Быкова, А.В. Кричевский, Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Наука, 1993. – 269, [2] с., [1] л. портр. : ил ; 17 см. – (Немецкая классическая философия. Новые исследования).

6. Вайнтрауб Л.Р. Храмы Северного округа / Л.Р. Вайнтрауб, М.Г. Карпова, В.В. Скопин. – М. : Старая Басманная, 1997. – 269, [2] с., [24] л. цв. ил.: ил., планы; 22 см. – (Святыни православной Москвы). – Библиогр. в примеч. в конце разд.

7. Валентин Фердинандович Асмус / [В.В. Соколов, Б.В. Бирюков, Т.И. Ойзерман и др.]; под ред. В.А. Жучкова и И.И. Блауберг. – М.: Росспэн, 2010. – 479 с.; 22 см. – (Философия России второй половины XX века / ред. совет: В. С. Степин (пред.) [и др.]). – Библиогр.: с. 447–466. – Имен. указ.: с. 467–474.

В первой части книги коллеги и ученики Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975) рассказывают об этом замечательном философе и педагоге, сыгравшем важную роль в развитии отечественной философии XX века. Во второй части публикуются поэтические посвящения В.Ф. Асмусу. В третьей части помещены воспоминания В.Ф. Асмуса о детстве, годах учебы в реальном училище и Киевском университете. В приложение вошли материалы В.В. Зеньковского и Н.А. Бердяева, освещающие некоторые аспекты раннего творчества философа, а также работы В.Ф. Асмуса разных периодов. Книга дает представление об этапах жизни В.Ф. Асмуса, обширной сфере его интересов и созданных им научных трудах, о конкретных

направлениях его исследований, до сих пор не утративших своей значимости. В издание включены фотографии из семейного архива.

8. Василий Андреевич Жуковский / изд. подгот. Е.Ю. Филькина. – М.: Русский миръ, 2008. – 748, [1] с. : портр. ; 22 см. – (Русский мир в лицах). – Библиогр.: с. 735-740.

9. Гальченко, Мария Георгиевна. Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ / Центр. музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева. – М.: Наука, 1997. – 167, [4] с. : ил.; 22 см. – Библиогр.: с. 164-168.

Книга посвящена почти не исследованной сфере древнерусской письменности – надписям на иконах. Работа подготовлена на материале более чем 40 икон 12–15 вв.

10. Голейзовский, Никита Касьянович. Дионисий и его современники. – М.: Институт истории культур: УНИК. – 2005. – Ч. 1. – 2005. – 191 с. : ил. – Библиогр. в подстроч. примеч.

В книге собраны неизвестные ранее сведения о творческой биографии величайшего русского иконописца второй половины 15-го – первой четверти 16 века.

11. Грезы о Земле и небе : Антология русского космизма / [сост., предисл. и коммент. О.А. Карчевцева. – СПб.: Художественная литература, 1995. – 526, [1] с. : ил. ; 22 см. – Библиогр. в примеч.: с. 499-517. – Алф. указ. имен: с. 518-524.

12. Дин, Эдит. Знаменитые женщины Библии / [пер. с англ. А.И. Блейз]. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 330, [1] с., [16] л. ил.: ил. ; 24 см. – (Академия).

13. Долгова, Светлана Романовна. Рассказы о Москве: из архивных находок. – М.: Вече, 2009. – 430, [1] с., [4] цв. ил.: ил., портр., факс. – 20 см.

14. Духовная литература староверов востока России XVIII – XIX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский; подгот. В.И. Байдин [и др.]. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 799 с.; 24 см. – (История Сибири: Первоисточники; вып. 9). – Библиогр. в подстроч. примеч. и в тексте. – Имен. указ.: с. 768-794. – Библиогр.: с. 795-797 1000 экз.

Настоящее издание вводит в научный оборот ряд сочинений того обширного пласта старообрядческой литературы востока России 18 – 20 вв., который практически не был известен историкам и филологам до начала с 1965 г. новосибирских, а с 1974 г. и уральских археографических экспедиций.

15. Едошина, Ирина Анатольевна. Василий Розанов и земля Костромская. Журнал Энтелехия. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – 24 с.; 30 см.

16. Зелинский, Фаддей Францевич. Соперники христианства: Статьи по истории античных религий [Репр. изд.]. – СПб.: Алетейя : Логос, 1995. – [VII], 406, [1] с. : ил.; 22 см. – (Античная библиотека. Исследования).

17. Иванов, Александр Николаевич. Философия правопонимания: в поисках гармонии меры предмета и меры человека: [монография]. – Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2007. – 119 с. : ил.; 20 см. – Библиогр.: с. 115-118. – Библиогр.: с. 115-118 (54 назв.) и в подстроч. примеч.

В монографии рассматриваются мировоззренческие основания правобытия, на основе анализа базовой категории философии «мера» исследуется феномен правопонимания, обосновывается гуманистический подход к осмыслению права.

18. Иванов, Вячеслав Иванович. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория [сост., предисл., примеч. С.С. Аверинцева]. – М.: Искусство, 1995. – 668, [1] с.; 21 см. – (История эстетики в памятниках и документах). – Библиогр. в примеч.: с. 645–669.

В состав книги включены наиболее известные теоретические работы В.И. Иванова, его стихотворения, насыщенные мыслью о судьбах русской культуры, а также «Повесть о Светомире царевиче», своеобразный эпический опус, иллюстрирующий мысль автора о характере русского этноса.

19. Ионина, Надежда Алексеевна. Православные святыни. – М.: ОЛМА Медиагрупп: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 543 с. : ил.; 25 см. – (Православные святыни).

Книга рассказывает о достопримечательностях Святой Земли, Святом граде Иерусалиме и его окрестностях, об известнейших православных храмах России, о знаменитых чудотворных иконах и святых угодниках Божиих. Книга адресована широкому кругу читателей.

20. Кантор, Владимир Карлович. «Судить Божью тварь»: Пророческий пафос Достоевского: очерки. – М.: РОССПЭН, 2010. – 421, [1] с. : портр.

Новая книга Владимира Кантора, писателя, философа, историка русской мысли, посвящена творчеству Ф.М. Достоевского в несколько неожиданном аспекте. Автор рассматривает романы писателя как

высказывание своего рода библейского пророка, посланца Бога, обличающего пороки и недостатки своих современников.

21. Кобзев, Артем Игоревич. Учение о символах и числах в китайской классической философии / Рос. Акад. наук, Ин-т философии, Ин-т востоковедения. – М.: Восточная литература, 1994. – 431, [1] с. : ил.; 22 см. – (История восточной философии). – Библиогр.: с. 392-416 (478 назв.). – Указ. имен и источников: с. 417-424.

22. Корчак, Александр Сергеевич. Философия другого Я : история и современность. – М.: URSS, 2006. – 149 с.; 22 см. – Библиогр.: с. 141-149 (155 назв.) и в подстроч. примеч.

Монография содержит подробный анализ проблематики «Другой» личности в ряде важных философских аспектов: онтологическом, логико-гносеологическом, аксиологическом. Также затронуты вопросы, связанные с психологией и этикой «Другого».

23. Кошелев, Вячеслав Анатольевич. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 504 с., [8] л. ил.: портр. ; 22 см. – (Новое литературное обозрение : Науч. прил.; Вып. 20). – (Научная библиотека). – Библиогр.: с. 481-484. – Имен. указ.: с. 485-504.

24. Лаут, Райнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении [пер. с нем. И.С. Андреевой; ред. А.В. Гулыга]. – М.: Республика, 1996. – 446, [1] с.; 21 см. – Пер.изд.: Die philosophie Dostojewskis / Lauth Reinhard. Munchen, 1950. – Библиогр. в примеч.: с. 412-435. – Указ. предм., имен: с. 436-444.

Книга современного немецкого исследователя, знатока русской культуры Райнхарда Лаута оставляет впечатление основательности и актуальности вклада русского гения в мировую культуру.

25. Левицкий, Сергей Александрович. Очерки по истории русской философии: [Т. 1 – 2]. – М.: Канон, 1996. – 494, [1] с.: портр.; 21 см. – (История философии в памятниках). – Библиогр.: с. 461-478. – Указ. имен: с. 479-492.

«Очерки» видного философа русского зарубежья С.А. Левицкого впервые издаются в России. Книга представляет собой популярное и общедоступное введение в историю русской философии и общественной мысли. По словам самого автора, цель его была педагогическая, что делает книгу прекрасным учебным пособием.

26. Леонтьев, Константин Николаевич. Восток, Россия и Славянство: философия и политическая публицистика; Духовная проза (1872 – 1891) / [сост., ред., коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. В.И. Косика]. – М.: Республика, 1996. – 798, [1] с.: портр., факс.; 26 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 766-792.

27. Лосев, Алексей Федорович. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита с приложением перевода трактата «О божественных именах» / Подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. – 218, [1] с.: портр.; 21 см. – (Философско-богословские сочинения). – Загл. обл. и кор.: Имяславие. Ареопагитский корпус.

28. Марфо-Мариинская обитель милосердия, 1909 – 2009: к 100-летию создания Обители / [М.М. Горинов, Е.В. Иванова, А.М. Шарипов и др.; ред. совет: ...святтейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (сопред.) и др.]. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы: Белый город, 2009. – 494, [1] с.: ил., цв.ил., планы, портр.; 32 см.

29. Мединский, Владимир Ростиславович. О русском пьянстве, лени и жестокости. – М.: Олма Медиа Групп, 2008. – 526, [1] с.: ил., карт., портр., табл.; 22 см. – (Мифы о России). – Библиогр. в подстроч. примеч.

30. Мельник, Татьяна Евгеньевна. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции / Татьяна Мельник (рожденная Боткина). – М.: Анкор, 1993. – 206, [1] с.: портр., факс. – Имен. указ.: с. 195-206.

31. Московская энциклопедия / гл. ред. С.О. Шмидт. – М.: Фонд «Московские энциклопедии», 2008. – 623 с. : портр., ил.; 26 см. – (Издательская программа Правительства Москвы / гл. ред. С.О. Шмидт). – Библ. в конце ст.

32. Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов / [Некоммерческий фонд «Наследие Евразии»]; ред. совет: Елена Козиевская, Виталий Куренной, Елена Яценко; под ред. Виталия Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2009. – 366 с. : ил.; 24 см. – Библиогр. в конце ст. и в подстроч. примеч.

33. **Николаев, Игорь Васильевич. Логика: (дедуктивная, индуктивная, диалектическая).** – СПб.: Возрожденная Россия, 1996. – 275 с.; 21 см. – Библиогр.: с. 271-275.
34. **Ницше, Фридрих Вильгельм. Падение кумиров.** – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 221, [2] с.; 18 см. – (Азбука-классика).
35. **Охотина-Линд, Наталья Александровна. «Сказание о Валаамском монастыре».** – СПб.: Глаголь, 1996. – [2], X, 3-246 с., [1] л. цв. ил.: ил.; 22 см. – (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях). – Библиогр. в подстроч. примеч. – Имен. указ.: с. 232-245.
36. **Плюто, Петр Александрович. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий** / [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М.: РГТУ, 2009. – 341, [2] с. – Рез. и огл. парал. англ. – Библиогр. в конце кн.
37. **Половинкин, Сергей Михайлович. Князь Е.Н. Трубецкой. Жизненный и творческий путь.** – М.: Синаксис, 2010. – 175 с.; 21 см.
38. **Примаковский А.П. Библиография по логике: хронологический указатель произведений по вопросам логики, изданных на русском языке в СССР в XVIII – XX вв.** / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 94, [2] с.; 21 см. – Указ. имен.
39. **Прокл. Платоновская теология** / изд. подгот. Л.Ю. Лукомский. – СПб.: РХГИ: Летний Сад, 2001. – 623 с.: ил.; 22 см. – Библиогр. в примеч.: с. 545-594 и в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 595-597. – Указ. цитируемых произведений: с. 598-615.
40. **Российская постсоветская философия: Опыт самоанализа** / Валентин Бажанов, Владимир Белов, Александр Бродский [и др.]; под ред. Майи Соболевой. – Muenchen; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009. – 221 с.; 21 см. – Рез. англ. – Библиогр. в конце ст.
41. **Русские мыслители о Льве Толстом: сборник статей** / [сост., примеч.: С.М. Романов; отв. ред.: В.И. Толстой]. – Тула: Ясная поляна, 2002. – 671 с.: портр.; 21 см. – Библиогр. в примеч.: с. 620-650. – Указ. имен: с. 651-669.
42. **Саввино-Сторожевский монастырь и его окрестности: путеводитель** / [текст О.Н. Яшина]. – М.: Издательский отдел Саввино-Сторожевского монастыря, 2009. – 394, [3] с.: карты, рис., ил.; 21 см.
43. **Семаева, Ирина Ивановна. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века: Учебное пособие по спецкурсу** / Моск. пед. ун-т, Каф. философии. – М.: МПУ, 1993. – 242, [1] с.; 20 см. – Библиогр. в конце глав.
В книге на обширном материале конкретизируется тезис о православных духовных основаниях русской религиозно-философской мысли.
44. **Соловьев, Владимир Сергеевич. Спор о справедливости** / [сост. и вступ. ст. В. Шкоды]. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 860, [3] с.; 21 см. – (Антология мысли).
45. **Соловьев, Всеволод Сергеевич. Современная жрица Изиды: мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософским обществом»** / [сост. Г.К. Львова и др.; послесл. А.Н. Сенкевича]. – М.: Республика, 1994. – 348, [2] с.; 21 см.
В этой книге сошлись два имени: ее автор – писатель Вс.С. Соловьев, прославившийся своими историческими романами, ее героиня – Е.П. Блаватская, основательница теософского учения, вокруг которой кипели страсти при жизни и кипят до сих пор.
46. **Соловьевские исследования: периодический сборник научных трудов** / М-во образования Рос. Федерации, Иванов. гос. энергет. ун-т; [редкол.: М. В. Максимов (гл. ред.) и др.]. – Иваново: ИГЭИ. – 2001. – Вып. 4 (24). – 2009. – 147 с. – Библиогр. в конце ст. – ISSN 2076-9210.
47. **Стульцев, Андрей Григорьевич. Имяславие: философско-методологическая экспликация в учении А.Ф. Лосева:** дисс. на соискание ученой степени канд. философ. наук : специальность 09.00.13 / Рост. гос. ун-т; науч. рук. Т.П. Матяш. – Ростов-на-Дону, 2006. – 180 с.; 30 см. – Библиогр.: с.149-171 (265 назв.). – Хронология работ Лосева: с. 172-180.
48. **Тараканова, Людмила Ивановна. Вклад Н.О. Лосского в развитие религиозно-философского направления психологии начала XX века:** дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук : специальность 19.00.01 / Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. – Ростов-на-Дону, 2006. – 180 с.: портр.; 30 см. – Библиогр.: с. 137-164 (367 назв.).

49. Тузов, Николай Витальевич. Философия теории Единой идеи. – М.: Мысль, 1994. – 252, [1] с.; 22 см. – Библиогр.: с. 244-251.

В книге представлены нестандартные взгляды на вопросы мироздания. Читатель встретится как с мыслителями, хорошо ему знакомыми, так и с философами, чьи взгляды и освещались в советской литературе, то только с скептической точки зрения. Автор также затрагивает проблемы, по которым в науке еще нет устоявшегося мнения.

50. Филатов, Виктор Васильевич. Краткий иконописный иллюстрированный словарь: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. – 222, [1] с.: рис., ил, портр; 17 см.

В словаре дано толкование понятий и категорий, которыми приходится оперировать при изучении церковной живописи. Большинство статей словаря снабжено иллюстрациями, знакомящими с шедеврами древнерусской иконописи XI – XVII вв. и техникой иконописания и украшения икон.

51. Филатов Ю.А. Начала телеологии (основы науки о целях и целесообразности). – [Изд. 2-е, стер.]. – М.: АКАЛИС, 2008. – 235 с.; 21 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

52. Филякова, Елена Геннадьевна. Старцы и предсказатели Оптиной Пустыни. – М.: Рипол Классик, 2008. – 317, [2] с.; 21 см. – Библиогр. в конце кн.

53. Хоружий, Сергей Сергеевич. После перерыва. Пути русской философии: учебное пособие / Рус. Христиан. гуманитар. ин-т. – СПб.: Алетейя, 1994. – 445, [2] с.: портр. ; 23 см. – (Наши современники). – Библиогр. в подстроч. примеч.

54. Христианство и наука: сборник докладов конференции / Моск. Патриархат, Отд. религиоз. образования и катехизации; [сост., ред.: Ю.С. Владимирова]. – М.: РУДН, 2009. – 344 с.; 21 см. – (Международные рождественские образовательные чтения; 17). – Библиогр. в конце ст. и в подстроч. примеч.

55. Чернышев, Борис Сергеевич. Софисты. – Изд. 2-е, стер. – М.: URSS: КомКнига, 2007. – 174, [1] с.; 22 см. – (Из наследия мировой философской мысли. Философия античности). – Библиогр. в подстроч. примеч.

56. Юрий Михайлович Лотман / Ин-т философии РАН, Некоммерч. науч. фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; под ред. В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – 399 с., [8] л. портр.; 22 см. – (Философия России второй половины XX века / гл. ред. В.А. Лекторский). – Библиогр.: с. 372-390 и в подстроч. примеч. – Имен. указ.: с. 391-396.

Том посвящен выдающемуся мыслителю, филологу, культурологу, семиотику, основателю Тартуско-Московской семиотической школы – Ю.М. Лотману (1922–1993), творческая деятельность которого протекала в Эстонии. В книгу включены воспоминания современников, друзей, статьи исследователей, а также библиография работ ученого. Книга ориентирована на широкий круг читателей, профессионально занимающихся филологией и философией, и всем тем, кто интересуется проблемами отечественной культуры.

О ПУБЛИКАЦИЯХ НАШИХ СОТРУДНИКОВ И ОБ УЧАСТИИ В КОНФЕРЕНЦИЯХ: февраль – август 2010 г.

С.А. Баранова

- «Музыкальная гостиная» Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 53-56.

Е.В. Виноградова

Публикации

- Не проза и не поэзия, а волшебство... Этимологическое путешествие // Библиотечное дело. – Москва, 2010. – № 10. – С. 15-19.
- Виртуальные или мультимедийные? О новых формах участия медиатеки в библиотечной и мемориальной работе // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 96-105.

В.В. Ильина

Публикации

1. Создание современного Библиотечного пространства в здании второй половины XIX века // Публичная библиотека: информ. бюллетень. – Ханты-Мансийск: ИРО ГБЮ, 2010. – Вып. 56. Библиотечное пространство агент перемен. – С.50-53.
2. Первый памятник русскому философу в России // Арбатский архив: историко-краеведческий альманах. – М.: Наука, 2009. – Вып. 2. – С. 821-826. – Совместно с В.Б. Кудриным. – О памятнике А. Ф. Лосеву на Арбате.
3. Культурно-просветительский туризм как новое направление деятельности Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева» // Музейная деятельность публичных библиотек. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2010 г. СПб., 2010. С. 98–102. – совместно с Л.В. Цуевой.

Участие в конференциях и выступления в СМИ

1. Философские маршруты Арбата: Выступление на ЦАО ТВ, 2 февраля 2010 г.
2. [Участие в 6-ой Всерос. рабочей встрече «Социолог и психолог в библиотеке», сост. 23 – 26 марта 2010 г. в РГЮБ. Секция «Библиотека и новое поколение: точки встреч и точки расхождения»]
3. «Библиотеки 2000-х» – ответ на вызовы эпохи перемен [Доклад на Научно-практической конференции к 125-летию основания сети общедоступных библиотек «Библиотеки исторического центра Москвы: от прошлого к будущему», Москва, «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 15 апреля 2010 г.]
4. Выступление на телеканале «Доверие», 12 марта 2010 г.
5. Выступление на ЦАО ТВ, 24 марта 2010 г.
6. Выступление на телеканале МТЦ, 7 июля 2010 г.

В.Б. Кудрин

Публикации

1. Живое число философа Алексея Лосева // Экология и жизнь. – 2009. – № 7-8 (92-93). – С. 26-29.
2. Первые памятник русскому философу в России // Арбатский архив: историко-краеведческий альманах. – М.: Наука, 2009. – Вып. 2. – С. 821-826. – Совместно с В.В. Ильиной. – О памятнике А. Ф. Лосеву на Арбате.
3. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата»: октябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 50-53.
4. [Подготовка стенограммы:] Торжественное заседание, посвященное пятилетию Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» (стенограмма, 23 сентября 2009 г.). // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 5-30.

Т.В. Мошковская

1. [Участие в 6-й Всерос. рабочей встрече «Социолог и психолог в библиотеке», сост. 23 – 26 марта 2010 г. в РГЮБ. Секция «Библиотека и новое поколение: точки встреч и точки расхождения»]
2. Роль электронного каталога в формировании новых сервисов в технологической среде Web 2.0: [Выступление на Международной конференции «Крым - 2010» в Судаче 10 июня 2010 г.]

Г.М. Мухамеджанова

- О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 115-119. – Составление совместно с Т.В. Чепуренко.
- Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 119-120. – Составление совместно с Т.В. Чепуренко.

Перова Л.М.

- Советуем прочитать (из книжного фонда «Дома А.Ф. Лосева») // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 107-114.

Е. А. Тахо-Годи

Публикации

1. «Не выживать, но ЖИТЬ» // Memento vivere: Сборник памяти Л.Н.Ивановой / Ин-т рус.лит. (Пушкинский Дом) РАН; сост. и науч. ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2009. С. 552–560.
2. Текст и подтекст стихотворения Вяч. Иванова «Аллеи сфинксов созидал...» // Вяч. Иванов: Исследования и материалы. Вып.1 / Отв.ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. С. 205–218.
3. Lossev A. // Dictionnaire de la philosophie russe. Lausanne – Paris: L'Age d'Homme 2010. P. 506 (в соавторстве с В.П. Троицким).
4. Проблема символа в творчестве А.Ф.Лосева и концепция символизма В.Ф.Одоевского // Symbol w kulturze rosyjskiej / Red. naukowa K. Duda, T. Obolovitch. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2010. s. 313–324.
5. Диалектика и мифы. Как в мире изучают русского философа Лосева: [Интервью д-ра филол. наук, председателя Лосевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН Е.А. Тахо-Годи] /записала А. Спицына // Рос. газ. – 2010. – № 109. – 21 мая. – С. 11.
6. А.Ф.Лосев и традиции “веховской» социально-философской публицистики. К 100-летию сборника «Вехи»: 1909–2009 // Научные и учебные тетради Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В.Ломоносова. Тетрадь № 2, январь – май 2010 г. М.: Алгоритм, 2010. С. 77–86.
7. [Подготовка рукописи к публикации и примечания]: Лосев А.Ф. <Тезисы о Кузанском> // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 57-62.
8. Философия и фольклор (о книге А.Л. Налепина «Два века русского фольклора») // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 105-107.

Участие в конференциях

- Проблема символа в творчестве А.Ф.Лосева и концепция символизма В.Ф.Одоевского [Доклад на Международной научной конференции «Символ в русской культуре», Высшая философско-педагогическая школа «Игнацианум», Польша, Краков, май 2010].

В.П. Троицкий

Публикации

1. Лосев Алексей Федорович // Новая философская энциклопедия. В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2: Е. – М. – С. 452–453.
2. «История античной эстетики» // Там же. – С. 180.
3. [Беседа с корреспондентом:] Марина Гладкова. 400 философских адресов. Новый экскурсионный маршрут открылся в столице. – Вечерняя Москва, № 26 (25294), 15 февраля 2010. С. 4.
4. Что такое чудо? // Чудеса и приключения. 2010. № 3. – С. 30–31.
5. Узкий путь методологии // Методология в науке и искусстве. Сборник материалов 12-й конференции из цикла «Григорьевских чтений». – М., 2010. – С. 37–41.

6. О картине М.В. Нестерова «Философы» и ее интерпретациях // С.Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. – Кн. 1: Исследования / Сост., ред., предисл. Анны Резниченко. – М.: Модест Колеров, 2010. – С. 330–340.
7. Поводы и случаи, или *Exempla* (2009–2010) // Энтелехия (г. Кострома). № 19. 2009. – С. 127–140.
8. Имяславие как творческая предпосылка // Философия творчества, дискурс креативности, современные креативные практики. – Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского гуманитарного института, 2010. – С. 173–176.
9. Семинар «Русская философия». Хроника: октябрь – декабрь 2009 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. Вып. 11. – С. 31–41.
10. Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: октябрь – декабрь 2009 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. Вып. 11. – С. 42–44.
11. Lossev A. // Dictionnaire de la philosophie russe. Lausanne – Paris: L'Age d'Homme 2010. P. 506 (в соавторстве с Е.А. Тахо-Годи).

Участие в конференциях

1. Как Евпомп прославил искусство числами. [Доклад на Международной научной конференции «Философия искусства и науки» (XIII-е Григорьевские чтения), Библиотека искусств им. А.П. Боголюбова, 18 марта 2010 г.].
2. Творчество Е.А. Боратынского в оценке поэтов Серебряного века (В.Я. Брюсов, Ю.Н. Верховский, С.М. Соловьев). [Доклад на «Литературных чтениях в усадьбе Боратынских», Музей Е.А. Боратынского, Казань, 19 марта 2010 г.].
3. Русский космос глазами Алексея Лосева. [Выступление на вечере «Русский космос. Промысел Божий в судьбах культуры и святости», Дом кино Союза кинематографистов России, 22 апреля 2010 г.].
4. К философии света художника Станислава Гончарова. [Выступление на Крутом столе «Художественная культура России второй половины XX века», Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», 27 апреля 2010 г.].
5. Символ в имяславии (антиномико-реалистический подход П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева). [Доклад на Международной научной конференции «Символ в русской культуре», Высшая философско-педагогическая школа «Игнацианум», Краков, 13 мая 2010 г.].
6. Участие в работе семинара исследовательской группы «Русская и западноевропейская культуры: дифференциальные и интегральные аспекты» (в рамках программы ANR SHUSOCRU), Collège des Bernardins, Париж, 2 июля 2010; Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, Бордо, 5 июля 2010 г.; Gèdre, Верхние Пиренеи, 7 июля 2010 г.
7. О жизни и творчестве А.Ф. Лосева. Философ на Беломорканале. [Выступление на вечере встречи в Медвежьегорском краеведческом музее, г. Медвежьегорск, Республика Карелия, 6 августа 2010 г.].

Л.В. Цуева

- Культурно-просветительский туризм как новое направление деятельности Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» // Музейная деятельность публичных библиотек. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2010 г. СПб., 2010. С. 98–102. – совместно с В.В. Ильиной.

Т. В. Чепуренко

- О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 115–119. – Составление совместно с Г.М. Мухамеджановой.
- Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 119–120. – Составление совместно с Г.М. Мухамеджановой.

А.В. Шамшурин

- Хроника научной жизни: сентябрь 2009 г. – январь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 11. – С. 44–50.

Сост. Г. М. Мухамеджанова, Т. В. Чепуренко

**Библиография публикаций
о Библиотеке «Дом А. Ф. Лосева»:
февраль – август 2010 г.**

Ильина В.В. Создание современного Библиотечного пространства в здании второй половины XIX века // Публичная библиотека: информ. бюллетень. – Ханты-Мансийск: ИРО ГБЮ, 2010. – Вып. 56. Библиотечное пространство агент перемен. – С. 50-53.

Позельская А. Издание для пользы дела или средство самовыражения? Обзор московской библиотечной периодики // Библиотечное дело. – 2010. – № 7. – С. 41-44. – О «Бюллетене Библиотеки истории русской философии и культуры “Дом А.Ф. Лосева”» на стр. 42.

Тахо-Годи Е.А. Диалектика и мифы. Как в мире изучают русского философа Лосева: [Интервью д-ра филол. наук, председателя Лосевской комиссии Науч. совета «История мировой культуры» РАН Е.А. Тахо-Годи / записала А. Спицына // Рос. газ. – 2010. – № 109. – С.11. – О Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» как центре изучения творчества А.Ф. Лосева.

Владимирова Л.О Пушкине под гром аплодисментов // Арбатские вести. – Москва. – 2010. – № 9 (май). – С. 12. – О заседании клуба «Зеленая лампа Арбата», сост. 20 мая в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», посвящ. встрече с доктором филологии, академиком Натальей Ивановной Михайловой.

Ильина В.В., Кудрин В.Б. Первый памятник русскому философу в России // Арбатский архив: историко-краеведческий альманах. – Москва: Наука, 2009. – Вып. 2. – С. 821-826. – о памятнике А.Ф.Лосева на Арбате.

Сост. Г. М. Мухамеджанова, Т. В. Чепуренко

ОБ АВТОРАХ

- Баранова Светлана Аркадьевна – заместитель директора «Дома А.Ф. Лосева» по связям с общественностью
- Бекасова Нина Алексеевна – сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»
- Буббайер Филип (Великобритания) – историк, преподаватель Университета Кента
- Ильина Валентина Васильевна – директор «Дома А.Ф. Лосева»
- Клайн Джордж (США) – заслуженный профессор, ведущий американский специалист по русской философии
- Кудрин Виктор Борисович – гл. библиотекарь «Дома А.Ф. Лосева»
- Мухамеджанова Генриетта Михайловна – заведующая справочно-библиографическим отделом «Дома А.Ф. Лосева»
- Резвых Петр Владиславович – кандидат философских наук, доцент РУДН
- Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского
- Троицкий Виктор Петрович – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- Чепуренко Татьяна Васильевна – сотрудник справочно-библиографического отдела «Дома А.Ф. Лосева»
- Шамшурин Андрей Викторович – кандидат философских наук, ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- Цуева Лариса Викторовна – заместитель директора «Дома А.Ф. Лосева»
- Яковлев Сергей Владимирович – МГИМО, член КПО «Лосевские беседы»

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-летию Победы

Поздравляем ветерана – профессора В.В. Соколова	3
---	---

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты

В.В. Ильина, Л.В. Цуева. Культурно-просветительный туризм как новое направление социального партнерства Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»	5
Список публикаций о презентации новых экскурсионных маршрутов по Арбату: «А.Ф. Лосев последний философ Серебряного века» и «По философскому Арбату», состоявшейся в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» 22 января 2010 г. Сост. Г. М. Мухамеджанова, Т. В. Чепуренко	11

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

В.П. Троицкий. Семинар «Русская философия». Хроника: февраль – апрель 2010 г.	12
В.П. Троицкий. Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: февраль – апрель 2010 г.	31
А.В. Шамшурин. Хроника научной жизни: февраль 2010 г. – июль 2010 г. ...	33
В.Б. Кудрин. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата»: февраль – май 2010 г.	43
В.Б. Кудрин, С.А. Баранова. Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь 2010 г.	45

Из архива

Н.Ю. Стоюхина (Нижний Новгород). А.Ф. Лосев и Нижегородский университет: 1919–1921 годы	48
В.П. Троицкий. Автограф А.Ф. Лосева на книге, подаренной Г.Г. Шпету ...	82

Наши публикации

Джордж Клайн (США). Заметки о В.В. Зеньковском и его Собрании сочинений. Перевод с английского О. Т. Ермишина	85
С.В. Яковлев. Николай Кузанский в творчестве А.Ф. Лосева	87
П.В. Резвых. Ф.В.Й. Шеллинг и А.Ф. Лосев: Тезисы к постановке проблемы	97
Филип Буббайер (Великобритания). О С.Л. Франке, совести, диссидентстве и реформах в Советской России (Выступление на встрече в «Доме А.Ф. Лосева»)	109

Справочно-библиографический раздел

Н.А. Бекасова. Советуем прочитать (из книжного фонда «Дома А.Ф. Лосева»)	116
О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: февраль – август 2010 г.	124
Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А. Ф. Лосева»: февраль – август 2010 г.	129
Об авторах	130

Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 12. – М.: Водолей, 2010. – 132 с.; 8 л. илл.

ISBN 978-5-91763-046-5

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».

Подписано в печать 15.08.2010 г.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Формат 62х84 1/16. Уч.-изд.л. 9,1. Печ. л. 8,25.
Заказ № . Тираж 200 экз.

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К». г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а